РЯЗАНОВЪ

АНГЛО-РУССКІЯ ОТНОШЕНІЯ ВЪ ОЦѢНКѢ К. МАРКСА

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕГ165
Р986

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА

Д. РЯЗАНОВЪ.

EF165
P986

АНГЛО-РУССКІЯ ОТНОШЕНІЯ

ВЪ ОЦѢНКѢ

К. МАРКСА.

(Историко-критическій этюдъ).

ИЗДАНІЕ
Петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Красноармейскихъ Депутатовъ.
1918.

Д. РЯЗАНОВЪ.

АНГЛО-РУССКІЯ ОТНОШЕНІЯ

ВЪ ОЦѢНКѢ

К. МАРКСА.

(Историко-критическій этюдъ).

ИЗДАНІЕ
Петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Красноармейскихъ Депутатовъ.
1918.

17
К.

ЕГ165
Р 986

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)
1438 605087

Отдѣленіе 4-й Государственной типографіи, Тверская, 15.

Предисловіе.

Предлагаемая теперь вниманію русскихъ читателей работа была предпринята авторомъ осенью 1908 г. Революція 1905—1907 гг. показала, что старая программа внѣшней политики, которую соціалдемократія, вслѣдъ за Марксомъ и Энгельсомъ, унаслѣдовала отъ радикальной демократіи, нуждается въ критическомъ пересмотрѣ. Чтобы рѣшить эту задачу, требовалось, въ первую голову, изслѣдовать эволюцію взглядовъ Маркса и Энгельса на вопросы внѣшней политики. А какъ разъ въ этой области то, что можно назвать „Марксовѣдѣніемъ", отличалось большими пробѣлами. Собраніе сочиненій Маркса и Энгельса, изданное Мерингомъ, остановилось на революціи 1848—49 гг. Попытка Элеоноры Марксъ издать нѣкоторыя работы отца, относящіяся къ пятидесятымъ годамъ, оказалась, при ближайшемъ разсмотрѣніи, весьма недостаточной. Мнѣ пришлось, поэтому, произвести большую предварительную работу и привести сначала въ извѣстность все литературное наслѣдство, оставленное Марксомъ и Энгельсомъ. Въ значительной степени облегченная тѣмъ, что покойные Лафарги и Бебель предоставили въ мое распоряженіе весь архивъ Маркса и Энгельса, эта работа все же потребовала тщательнаго пересмотра многочисленныхъ журналовъ и газетъ и дала въ результатѣ совершенно новые матеріалы.

Всемірная война пріостановила опубликованіе собранія сочиненій Маркса и Энгельса за періодъ 1850—52 гг., равно какъ и изданіе документальной исторіи перваго Интернаціонала. Только отдѣльныя части этой работы были опубликованы въ журналахъ нѣмецкой и австрійской соціалдемократіи „Neue Zeit" и „Kampf", а также въ архивѣ по исторіи соціализма и рабочаго движенія, выходящемъ въ Вѣнѣ подъ редакціей проф. Карла Грюнберга.

Издаваемый теперь на русскомъ языкѣ критическій этюдъ впервые познакомилъ европейскую соціалдемократію со взгля-

дами Карла Маркса—опубликованная съ тѣхъ поръ переписка его съ Энгельсомъ показала, что и тутъ многое изъ того, что появилось подъ именемъ Маркса, написано Энгельсомъ—на историческое развитіе русской гегемоніи въ Европѣ. И онъ же явился первымъ опытомъ „ревизіи“ взглядовъ Маркса и Энгельса на восточный вопросъ и вопросъ о роли Россіи въ области международной политики. Предшествовавшая попытка Розы Люксембургъ и Карла Каутскаго, въ ихъ полемикѣ съ Вильгельмомъ Либкнехтомъ по поводу Критскаго и Армянскаго вопросовъ, указать на невозможность догматическаго повторенія старыхъ взглядовъ Маркса и Энгельса, несмотря на рядъ вѣрныхъ критическихъ замѣчаній, явилась уже потому недостаточной, что она исходила изъ совершеннаго невѣрнаго представленія о развитіи соотвѣтствующихъ взглядовъ основателей научнаго соціализма.

Русское изданіе является почти буквальнымъ возпроизведеніемъ нѣмецкаго, которое появилось отдѣльнымъ приложеніемъ къ „Neue Zeit“. Возстановлены только, по сохранившемуся у меня манускрипту, нѣкоторыя мѣста, которыя Каутскій считалъ слишкомъ спеціальными для нѣмецкаго читателя, и нѣсколько критическихъ замѣчаній по адресу Меринга, занявшаго въ спорѣ между Марксомъ и Лассалемъ по вопросамъ внѣшней политики такую же оппортунистическую позицію, какую онъ занялъ въ спорѣ между Либкнехтомъ и Бебелемъ съ одной стороны и Швейцеромъ съ другой, по вопросамъ внутренней политики—, замѣчаній, выпущенныхъ по просьбѣ Каутскаго.

Практическая дѣятельность въ настоящее время мѣшаетъ мнѣ переработать и дополнить нѣкоторыя главы. Какъ разъ послѣ появленія моего этюда и даже одновременно съ нимъ были опубликованы новыя данныя и работы, какъ въ русской, такъ и въ иностранной литературѣ, которыя помогли бы еще болѣе ярко иллюстрировать развиваемыя мною положенія (работы Д. М. Поліевктова, И. Любименко, Чэнса, Вилліямъ Роберта Скотта и друг.).

Я надѣюсь, что мнѣ удастся въ слѣдующемъ изданіи, хотя бы въ отдѣльныхъ примѣчаніяхъ, коснуться и тѣхъ возраженій, которыя вызвала моя работа.

Сентябрь 1918 г.

I. Контръ-революціонная роль Англіи и Россіи въ 1848—1849 г.г.

Революція 1848 г., какъ вихрь пронесшаяся по всей Западной Европѣ, поднявшая не только Вѣну, но и Берлинъ, остановилась у границъ Россіи. Минутная тревога, вспыхнувшая въ Петербургѣ, улеглась скоро, какъ только получены были изъ Третьяго Отдѣленія рапорты, что «все обстоитъ благополучно». И, притаившись точно звѣрь, выжидающій удобнаго момента, чтобы броситься на свою добычу, русскій абсолютизмъ внимательно слѣдилъ за перипетіями революціонной борьбы въ Германіи, въ то же время концентрируя свои войска на западной границѣ.

«Царь стоитъ предъ воротами Торна», писала «Новая Рейнская Газета». [1]). Этотъ фактъ опредѣлялъ всю внѣшнюю политику нѣмецкой демократіи и ея крайняго лѣваго крыла, группировавшагося вокругъ «Новой Рейнской Газеты». Ея

---

[1]) Слѣдующая цитата изъ доклада Нессельроде (20 ноября 1850 г.), въ которомъ онъ, по поводу 25-тилѣтія со дня воцаренія Николая I, даетъ обозрѣніе его внѣшней политики, служитъ прекраснымъ комментаріемъ къ словамъ «Новой Рейнской Газеты»: «События 1848 г. придали еще болѣе важное значеніе той роли охранителя и блюстителя порядка, которая возложена на Васъ Провидѣніемъ съ 1830 г. Достигнуто же (это было спокойствіемъ, съ которымъ В. В. дали улечься первымъ послѣдствіямъ бури, разразившейся надъ Европой, не выказывая ни излишней торопливости, ни робости, ни страха, и выжидая для того, чтобы вступить на сцену, лишь момента, который бы Вы, въ своей мудрости, сочли наиболѣе подходящимъ. Оставшись одни на развалинахъ древнихъ государствъ континентальной Европы, Вы молча собрались съ силами, чтобы, въ случаѣ надобности, защитить неприкосновенность Вашей территоріи и обратить эту силу на защиту другихъ». Сборникъ Русскаго Ист. Общества, томъ 98, ст. 294.

редакторы открыто заявляли, что «только война съ Россіей есть война революціонной Германіи, война, въ которой она смоетъ грязь прошлаго, въ которой она вернетъ себѣ свои силы, въ которой она можетъ побѣдить своихъ собственныхъ самодержавцевъ, въ которой она, какъ то приличествуетъ народу, стряхнувшему цѣпи долгаго, ненужнаго рабства, пропаганду цивилизаціи оплатитъ жертвою своихъ сыновъ и освободитъ себя отъ своихъ внутреннихъ враговъ, освободивъ себя отъ внѣшнихъ».

Съ другой стороны, Николай и Нессельроде, завязавшіе уже тогда тайные переговоры съ «Картечнымъ Принцемъ» (будущій Вильгельмъ I), слѣдовали только традиціямъ русской дипломатіи, когда, въ циркулярѣ 6-го іюля, горько жаловались на несправедливыя подозрѣнія, жертвой которыхъ Россія со времени мартовской революціи стала въ Германіи. «Война противъ Россіи—писалъ Нессельроде—была провозглашена,какъ одна изъ наиболѣе необходимыхъ задачъ момента». Русскій абсолютизмъ напоминалъ объ уваженіи къ трактатамъ 1815 г., цѣлью которыхъ было увѣковѣчить раздѣленіе Германіи, и протестовалъ самымъ энергичнымъ образомъ противъ объединенія, о которомъ «мечтала демократія, жаждавшая во что бы то ни стало вовлечь Германію въ войну съ сосѣдями.»

Тяжелая лапа «русскаго медвѣдя» чувствовалась еще въ той энергіи, съ которой была подавлена попытка возстанія въ прусской Польшѣ. И русскій абсолютизмъ еще совершенно открыто выступилъ въ вопросѣ о Шлезвигѣ, заставивъ Пруссію вести только «показную войну», чтобы сейчасъ же закончить ее перемиріемъ. Въ числѣ «трехъ наиболѣе реакціонныхъ державъ Европы», ставшихъ на сторону Даніи, «Новая Рейнская Газета» упоминаетъ, на ряду съ Россіей и Пруссіей, также и Англію. «Пруссія, Англія и Россія—вотъ три державы, которыя больше всего боятся нѣмецкой революціи и ея перваго слѣдствія, нѣмецкаго объединенія: Пруссія, потому что въ этомъ случаѣ она перестаетъ существовать, Англія, потому что она лишается возможности эксплоатировать нѣмецкій рынокъ, Россія, потому что демократія такимъ путемъ доберется не только до Вислы, но и до Двины и Днѣпра».

Уже въ корреспонденціяхъ «Новой Рейнской Газеты» изъ Лондона можно прослѣдить этотъ поворотъ въ отношеніяхъ къ Англіи и тогдашнему руководителю ея внѣшней политики, Пальмерстону, который не только членамъ Священнаго Союза, но и европейскимъ либераламъ казался чемпіономъ конституціонализма и національнаго объединенія послѣ итальянскихъ и швейцарскихъ событій 1847 г. Но ожесточенный врагъ англійскаго рабочаго движенія и вѣрный слуга англійскаго капитала, охранявшій конституціонную Бельгію, какъ оплотъ противъ Франціи, поддерживавшій своимъ «нравственнымъ» авторитетомъ и деньгами швейцарскихъ либераловъ и отстаивавшій интересы англійской торговли на Аппенинскомъ Полуостровѣ противъ Австріи, былъ «шокированъ» революціей 48 года не въ меньшей степени, чѣмъ Николай. Онъ слишкомъ хорошо понималъ, что всякій новый успѣхъ революціоннаго движенія на континентѣ укрѣпляетъ чартизмъ въ Англіи, и употреблялъ всѣ усилія, чтобы ввести революцію въ опредѣленное русло. Отсюда и его упорное противодѣйствіе германскому объединенію, поскольку оно могло совершиться только путемъ побѣды народа надъ короной. Каждое пораженіе революціи во Франціи и въ Германіи означало въ то же время и пораженіе англійскаго чартизма и усиленіе контръ-революціонной роли Англіи.

Подводя итоги революціоннаго движенія въ 1848 г., «Новая Рейнская Газета» пишетъ въ новогодней статьѣ 1 января 1849 г.:

«А страна, которая превратила цѣлые народы въ своихъ пролетаріевъ, которая своими исполинскими руками охватила весь міръ, которая уже разъ своими деньгами оплатила издержки европейской реставраціи, страна, въ которой классовыя противорѣчія отлились въ наиболѣе отчетливыя и безстыдныя формы—эта страна, Англія, высится точно скала, о которую разбиваются всѣ революціонныя волны. Она хочетъ задушить новое общество еще въ чревѣ матери. Коренное измѣненіе экономическихъ отношеній въ какой-либо странѣ европейскаго континента, на всемъ европейскомъ континентѣ безъ Англіи явилось бы бурей въ стаканѣ воды. Условія промышленности и торговли каждой націи зависятъ отъ ея сношеній съ

другими націями, опредѣляются отношеніемъ къ всемірному рынку... Старая Англія будетъ низвергнута только путемъ міровой войны, которая одна лишь можетъ создать для партіи чартистовъ, для организованной партіи англійскихъ рабочихъ, условія успѣшнаго возстанія противъ ихъ всемогущихъ угнетателей. Чартисты во главѣ англійскаго правительства—только съ этого момента соціальная революція переходитъ изъ царства утопіи въ царство дѣйствительности. А каждая европейская война, въ которую втянута Англія, является всемірной войной: она ведется какъ въ Канадѣ, такъ и въ Италіи, въ Остъ-Индіи и въ Пруссіи, въ Африкѣ и на Дунаѣ. Европейская война—это первое слѣдствіе побѣдоносной рабочей революціи во Франціи. Какъ въ эпоху Наполеона, Англія будетъ стоять во главѣ контръ-революціонныхъ армій, но самымъ ходомъ войны вынуждена будетъ стать во главѣ революціоннаго движенія и искупить такимъ образомъ свою вину противъ революціи восемнадцатаго столѣтія.—Революціонное возстаніе французскаго рабочаго класса, всемірная война—вотъ программа 1849 года».

Если еще 2-го іюля 1848 г. «Новая Рейнская Газета» безпощадно развертываетъ длинный списокъ всѣхъ грѣховъ, совершенныхъ Германіей противъ свободы различныхъ народовъ и въ защиту абсолютной власти, если она тогда указывала, что, даже въ глубинѣ Россіи, нѣмцы служили главной опорой единаго и всѣхъ маленькихъ самодержцевъ, что въ Англіи реакція поддерживалась при помощи ганноверскихъ войскъ, то 15 февраля она пишетъ уже нѣсколько мягче:

«До сихъ поръ всегда утверждали, что нѣмцы были ландскнехтами деспотизма во всей Европѣ. Мы нисколько не думаемъ отрицать позорнаго участія нѣмцевъ въ позорныхъ войнахъ противъ французской революціи отъ 1792 до 1825 г., въ покореніи Италіи съ 1815 и Польши съ 1772 г. Но кто стоялъ за нѣмцами, кто использовалъ ихъ, какъ своихъ наемниковъ или свой авангардъ? Англія и Россія».

Въ предисловіи къ статьямъ о «Наемномъ трудѣ и Капиталѣ», въ которомъ Марксъ объясняетъ, почему «Новая Рейнская Газета» до тѣхъ поръ не останавливалась подробно на

анализѣ экономическихъ отношеній, образующихъ матеріальную основу классовой и національной борьбы, онъ указываетъ, что редакція считала своей главной задачей прежде всего слѣдить за проявленіями классовой борьбы въ текущей повседневной практикѣ. Затѣмъ онъ перечисляетъ опять главные этапы революціи февральской и мартовской и показываетъ, какъ «Европа, побѣдивъ революціонныхъ рабочихъ, опять впала въ свое старое двойное рабство, въ англо-русское рабство». И обѣщая теперь подробнѣе анализировать экономическія условія, Марксъ хотѣлъ, кромѣ изслѣдованія отношеній между наемнымъ трудомъ и капиталомъ и доказательства, что средняя буржуазія при современной системѣ обречена на неизбѣжную гибель, изобразить еще, какъ Англія, этотъ деспотъ всемірнаго рынка, подчиняетъ и эксплуатируетъ въ торговомъ отношеніи буржуазные классы различныхъ европейскихъ націй».

Но ему не удалось выполнить свое обѣщаніе. 19 мая появился послѣдній «красный» номеръ «Новой Рейнской Газеты», въ которомъ Марксъ повторяетъ заключеніе передовицы новогодняго номера:

«Революціонное возстаніе французскаго рабочаго класса, всемірная война—вотъ программа 1849 года. И на Востокѣ уже противостоитъ старой коалиціонной Европѣ, представленной въ русской арміи, новая революціонная армія, составленная изъ борцовъ всѣхъ націй, и изъ Парижа грозитъ уже красная республика».

Марксъ и Энгельсъ ошиблись. Венгрія была раздавлена русской арміей, а надежды на соціальную революцію въ Англіи, на побѣду чартизма, оправдались такъ же мало, какъ и надежда на то, что французскій пролетаріатъ оправится послѣ іюньской бойни и дастъ новый, еще болѣе сильный толчекъ революціонному движенію.

Усилившаяся реакція преслѣдовала Маркса по пятамъ. Пораженіе мелко-буржуазной демократіи 13 іюня 1849 г. заставило его уѣхать изъ Парижа въ Лондонъ, гдѣ онъ скоро приступаетъ къ изданію «Новой Рейнской Газеты» въ формѣ журнала.

Если Пруссія и Австрія шли на буксирѣ Россіи, то

французская буржуазная республика шла на буксирѣ Англіи, гдѣ внѣшней политикой продолжалъ руководить Пальмерстонъ.

«Посредническая роль, которую Кавеньякъ и Національное Собраніе играли въ Сѣверной Италіи, чтобы сообща съ Англіей предать ее Австріи—одинъ этотъ день власти уничтожилъ восемнадцать лѣтъ опозиціи «National». Ни одно правительство менѣе національное, чѣмъ правительство партіи «National», ни одно—зависимѣе отъ Англіи... ни одно—болѣе холопское по отношенію къ Священному Союзу».

И кто доставлялъ Россіи тѣ деньги, которыя давали ей возможность совершать ея контръ-революціонную миссію? Англія. Въ началѣ 1850 г. Нессельроде писалъ князю Воронцову слѣдующія восторженныя строки...

«Мы недавно имѣли опять блестящее доказательство симпатій, которыя существуютъ еще въ Англіи по адресу Россіи. Свидѣтельство—пріемъ, оказанный нашему займу, несмотря на Кобдена и К°., какъ «Morning Chronicle» остроумно называетъ лидера фритредеровъ. Представьте себѣ, что подписка дошла до 16 милліоновъ ф. ст. Пусть говорятъ послѣ того, что въ Англіи уже не любятъ больше Россіи» [1]).

Дѣйствительно трудно сказать, кто усерднѣе поддерживалъ предводителя французскихъ черносотенныхъ бандъ въ дѣлѣ возстановленія порядка во Франціи—Россія или Англія. Въ номерѣ отъ 29 декабря 1851 г. англійскій «Экономистъ» писалъ: «На всѣхъ европейскихъ биржахъ президентъ французской республики признанъ теперь охранителемъ порядка».

А Нессельроде писалъ, что Россія въ своихъ представленіяхъ президенту всегда подчеркивала его «неоспоримыя заслуги, которыя онъ пріобрѣлъ, укротивъ революціонный духъ», одобряла все, что онъ дѣлалъ въ интересахъ порядка, и рекомендовала идти все такъ же неуклонно по этому пути [2]).

Переворотъ 2 декабря 1851 г. означалъ окончательное

---

[1]) Изъ письма Нессельроде къ Воронцову 7/19 февраля 1815 г. См Архивъ князя Воронцова, томъ 30, с. 361.

[2]) Изъ письма Нессельроде къ князю Воронцову отъ 7/19 Марта 1852 г Архивъ князя Воронцова, т. 40, с. 421.

торжество контръ-революціи. Въ Австріи была отмѣнена конституція, а въ Германіи, послѣ кельнскаго процесса коммунистовъ и уничтоженія послѣднихъ остатковъ рабочихъ союзовъ, господствовала самая мрачная и циничная реакція. Послѣ Варшавскаго униженія слѣдовалъ Ольмюцскій позоръ, и лондонскимъ протоколомъ 8 іюля 1852 г. Шлезвигъ-Гольштейнъ былъ опять укрѣпленъ за Даніей.

И кто были главные авторы лондонскаго протокола? Англія и Россія. Старое англо-русское рабство опять распространилось на всю Европу. Пруссія лакействовала предъ Россіей болѣе, чѣмъ когда либо прежде. Какъ выражался Александръ II, горячо любимый племянникъ, еще болѣе горячо любимаго дяди, будущаго Вильгельма I: «чѣмъ болѣе оскорбляютъ Пруссію, тѣмъ болѣе она льнетъ къ намъ». Отношенія Россіи и Англіи носили самый дружественный характеръ, настолько дружественный, что Николай I уже собирался вмѣстѣ съ Англіей раздѣлить наслѣдство «больного человѣка», такъ какъ въ Пруссіи и Австріи онъ былъ вполнѣ увѣренъ. Первый русскій рабовладѣлецъ былъ плохо знакомъ съ психологіей рабовъ.

Для Маркса это побѣдоносное шествіе реакціи не было неожиданностью. Онъ, уже осенью 1850 г., пришелъ къ заключенію, что о дѣйствительной революціи не можетъ быть больше рѣчи. Къ этому выводу его привели внимательное изученіе тогдашнихъ экономическихъ условій и анализъ событій 1849 и 1850 г.г. Онъ показалъ, какимъ образомъ начавшійся еще въ теченіи 1848 г. и усилившійся въ 1849 г. расцвѣтъ промышленности и торговли парализовалъ революціонный подъемъ и сдѣлалъ возможными побѣды реакціи. Экономическая зависимость континента отъ Англіи проявилась такъ же ярко въ эпоху процвѣтанія, какъ и въ эпоху кризиса. Континентъ рабски слѣдуетъ за Англіей. «Точно такъ же, какъ кризисъ разразился на континентѣ позднѣе, чѣмъ въ Англіи, такъ и фазисъ процвѣтанія начался въ послѣдней раньше. Первичный процессъ совершается всегда въ Англіи, ибо она является Деміургомъ буржуазнаго космоса».

Политическое порабощеніе континентальной Европы Россіей дополнялось экономическимъ порабощеніемъ

ея Англіей. Революція 1848 года разбилась о сопротивленіе Россіи, этого деспота Европы, не въ меньшей степени, чѣмъ о сопротивленіе Англіи, этого деспота всемірнаго рынка. Если изъ Лондона исходили всѣ экономическія нити, которыми опутывается всемірный рынокъ, которыми закрѣплялась зависимость континентальной Европы отъ Лондонской биржи, то въ Петербургѣ неустанно выковывались тѣ оковы, въ которыхъ билась побѣжденная революція, сплетались всѣ козни и интриги реакціи, которыми европейскіе дворы, отъ Берлина до Мадрида и Лиссабона, опутывали свои народы [1]).

Такова была политическая атмосфера, когда Марксъ опять возобновилъ свои экономическія занятія, прерванныя революціей. На первомъ планѣ для него стояло изученіе «Деміурга буржуазнаго космоса», стремленіе разрѣшить загадку буржуазнаго общества. «Колоссальный матеріалъ для исторіи политической экономіи, накопленный въ Британскомъ Музеѣ, удобный пунктъ, какимъ Лондонъ является для наблюденій надъ буржуазнымъ обществомъ, наконецъ, новая фаза, въ которую вступило развитіе этого общества со времени открытія калифорнійскаго и австралійскаго золота», — все это побудило Маркса взяться снова за свое изслѣдованіе съ самаго начала и опять критически переработать весь новый матеріалъ.

Первымъ плодомъ этой работы явилась «Критика политической экономіи», въ которой Марксъ началъ выполнять обѣщаніе, данное за 10 лѣтъ предъ этимъ читателямъ «Новой Рейнской Газеты».

Но Марксъ занимался въ пятидесятыхъ годахъ не только изслѣдованіемъ «буржуазнаго космоса». Не менѣе усердно изучалъ онъ «мистеріи международнаго государственнаго искусства». Лондонъ представлялъ не только самый благо-

---

[1]) «Основной принципъ нашей политики—писалъ Нессельроде въ 1833 г. Ливену въ Лондонъ — заставляетъ насъ прилагать всѣ старанія для сохраненія власти повсюду, гдѣ она существуетъ, для укрѣпленія ея тамъ, гдѣ она ослабѣваетъ, и, наконецъ, для спасенія ея тамъ, гдѣ она открыто подвергается нападенію». Эта депеша предназначалась для прочтенія Пальмерстону, который въ Бельгійскомъ вопросѣ оказался менѣе уступчивымъ, чѣмъ въ Польскомъ. «Великобританія, нашъ старый другъ и союзникъ, слишкомъ долго раздѣляла съ нами тѣ же самые взгляды, чтобы не знать ихъ основательнымъ образомъ». Мартенсъ, Ф. Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіей съ иностранными державами. Томъ 12, стр. 24-5.

пріятный пунктъ для наблюденія экономическихъ отношеній всемірнаго рынка, но, какъ и Гаага въ XVIII столѣтіи, мѣсто, гдѣ быстрѣе, чѣмъ гдѣ либо, въ биржевыхъ бюллетеняхъ, отражались, какъ въ чувствительномъ барометрѣ, малѣйшія колебанія атмосферы, всякая, хотя бы незначительная пертурбація въ области международныхъ политическихъ отношеній.

Только въ Англіи того времени возможно было такое явленіе, какъ образованіе по всей странѣ цѣлаго ряда Foreign Affairs Committees, обществъ, посвящавшихъ себя исключительно изученію вопросовъ внѣшней политики, внимательно слѣдившихъ за дѣятельностью министерства иностранныхъ дѣлъ и подвергавшихъ каждый актъ его политики самой придирчивой критикѣ.

Но не только личныя наклонности Маркса побуждали его «изслѣдовать мистеріи международнаго государственнаго искусства и слѣдить за дипломатическими продѣлками правительствъ». Повелительная необходимость въ хлѣбной работѣ заставила его принять на себя обязанности европейскаго редактора «New Jork Tribune», первой англо-американской газеты того времени. Такъ какъ онъ, по его словамъ, собственно газетнымъ корреспондированіемъ занимался очень мало, то это влекло за собой чрезвычайное разбрасываніе въ выборѣ темъ для работъ. И среди такихъ занятій, отвлекавшихъ его отъ главныхъ экономическихъ изслѣдованій, и, повидимому, очень мало связанныхъ съ этимъ предметомъ, не малое мѣсто занимало именно изученіе исторіи международныхъ дипломатическихъ сношеній.

Мы видѣли уже, подъ вліяніемъ какихъ впечатлѣній у Маркса, еще до пріѣзда въ Лондонъ, складывалось убѣжденіе, что Англія и Россія являлись фактическими союзниками въ борьбѣ съ революціей. Пребываніе въ Лондонѣ еще болѣе убѣждало его въ контръ-революціонномъ характерѣ политики Пальмерстона, который прусской камарильѣ того времени казался агентомъ революціи, а прусскимъ либераламъ чемпіономъ конституціонализма и такимъ же защитникомъ національной идеи, какъ Наполеонъ III. Вполнѣ понятно поэтому, что его должны были заинтересовать работы Давида

Эрквorта, который въ продолженіи 20 лѣтъ неустанно разоблачалъ интриги русской дипломатіи, обвиняя Пальмерстона въ угодничествѣ предъ Россіей и также усердно расхваливая прелести турецкаго владычества на Балканскомъ полуостровѣ. Именно эта ненависть къ Россіи и постоянная оппозиція противъ Пальмерстона послужила поводомъ къ сближенію Эрквorта не только съ революціонной эмиграціей (польской и венгерской), но и съ Марксомъ.

Не слѣдуетъ однако думать, что Марксъ находился подъ исключительнымъ вліяніемъ Эрквorта. Это было невозможно уже просто въ силу того, что оба они исходили изъ совершенно различныхъ принциповъ, что задачи ихъ совершенно расходились. Марксъ не только не раздѣлялъ туркофильскихъ тенденцій Эрквorта, но осмѣивалъ ихъ, какъ это видно изъ слѣдующей юмористической характеристики упрямаго оригинала, который восторгался турецкой свободой не меньше, чѣмъ турецкими банями.

«Шотландецъ по происхожденію, пропитанный насквозь средневѣковыми и патріархальными предразсудками своей родины и въ то же время получившій современное, англійское, культурное воспитаніе, Эрквortъ послѣ того, какъ три года сражался въ Греціи противъ турокъ, попалъ въ страну послѣднихъ и сдѣлался вскорѣ ихъ страстнымъ поклонникомъ. Романтически настроенный горецъ чувствовалъ себя въ горныхъ ущельяхъ Пинда и Балканъ, какъ у себя дома. Всѣ его сочиненія о Турціи, содержащія, впрочемъ, много очень цѣнныхъ свѣдѣній, можно резюмировать въ трехъ парадоксахъ, которые гласятъ буквально слѣдующимъ образомъ: во первыхъ, если бы Эрквortъ не былъ англійскимъ подданнымъ, то онъ навѣрное сдѣлался бы туркомъ; во вторыхъ, если бы онъ не былъ пресвитеріаниномъ, то онъ не хотѣлъ бы исповѣдывать никакой другой религіи, кромѣ Ислама, и въ третьихъ, Англія и Турція—единственныя страны въ мірѣ, которыя наслаждаются благами самоуправленія, религіозной и гражданской свободы [1])».

Вотъ что разсказываетъ Марксъ въ своемъ извѣстномъ памфлетѣ «Herr Vogt» о своихъ отношеніяхъ къ Эрквorту и его партіи:

[1]) Karl Marx, The Eastern Question. London, 1897, cc. 24—25.

«Сочиненія Эрквorта о Россіи и противъ Пальмерстона заинтересовали меня, но не убѣдили. Чтобы составить себѣ опредѣленное мнѣніе, я подвергъ отчеты Ганзарда о парламентскихъ преніяхъ и синія книги отъ 1807 до 1850 г.г. внимательному анализу. Первымъ плодомъ этихъ занятій явился рядъ передовицъ въ «New York Tribune» (конецъ 1853 г.), въ которыхъ я доказалъ связь Пальмерстона съ Петербургскимъ кабинетомъ на основаніи его дѣйствій по отношенію къ полякамъ, туркамъ, черкесамъ и т. д. Вскорѣ послѣ этого я перепечаталъ эти статьи въ «Peoples Paper», въ органѣ чартистовъ, выходившемъ подъ редакціей Эрнста Джонса, и прибавилъ къ нимъ новыя главы о дѣятельности Пальмерстона. Тѣмъ временемъ «Glasgow Sentinel», перепечаталъ одну изъ этихъ статей (Пальмерстонъ и Польша), которая привлекла вниманіе Д. Эрквorта. Послѣ свиданія, которое я имѣлъ съ нимъ, онъ предложилъ г. Теккеру въ Лондонѣ издать часть моихъ статей въ формѣ памфлетовъ. Эти пальмерстоновскіе памфлеты разошлись тоже въ количествѣ 15 до 20.000 экземпляровъ.»

Памфлеты Маркса, дѣйствительно, имѣли огромный успѣхъ и въ не малой степени способствовали разрушенію легенды, создавшейся вокругъ имени Пальмерстона, не только въ Европѣ, но и въ Англіи. Марксъ безпощадно вскрылъ всѣ противорѣчія Пальмерстоновской политики и показалъ, что фактически онъ являлся такимъ же агентомъ контръ-революціи, какъ и петербургскіе дипломаты [1]):

«Онъ борется противъ вліянія заграницы на словахъ и склоняется предъ нимъ на дѣлѣ. Отъ Каннинга онъ унаслѣдовалъ миссію Англіи пропагандировать конституціонализмъ на континентѣ, и у него всегда имѣется на готовѣ поводъ, чтобы разжечь національные предразсудки, оказать противо-

[1]) Karl Marx, Herr Vogt. London. 1860, c. 58—59. Статьи о Пальмерстонѣ собраны въ книжкѣ «The story of the life of Lord Palmerston», изданіе которой подготовлено было еще Элеонорой Марксъ, но вышло послѣ ея трагической смерти. Въ формѣ памфлетовъ, упоминаемыхъ Марксомъ, появились: третья глава подъ названіемъ «Пальмерстонъ и Польша» и пятая глава подъ названіемъ «Что сдѣлалъ Пальмерстонъ» (Palmerston what has he done). Обѣ брошюры въ отдѣльномъ изданіи, особенно вторая, были дополнены. Онѣ появились въ изданной Теккеромъ серіи «Political Flysheets», Vol. I №№ 1 и 2.

дѣйствіе революціи на континентѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждать подозрительную ревность иностранныхъ державъ. И въ то время, какъ онъ этимъ путемъ заслужилъ себѣ при континентальныхъ дворахъ репутацію зловреднаго человѣка, онъ у себя дома считается образцомъ настоящаго англійскаго министра... Одна партія обвиняетъ его въ томъ, что онъ купленъ Россіей, другая считаетъ его карбонаріемъ... Въ то время, когда поляки, итальянцы, венгры или нѣмцы потерпѣли пораженіе, Пальмерстонъ стоялъ у власти, но деспоты этихъ народовъ всегда подозрѣвали его въ томъ, что онъ былъ связанъ тайнымъ договоромъ съ ихъ жертвами, на подчиненіе которыхъ онъ спокойно смотрѣлъ. Донынѣ можно было во всѣхъ случаяхъ считать шансомъ на успѣхъ имѣть его въ числѣ враговъ и предзнаменованіемъ вѣрнаго пораженія имѣть его въ числѣ друзей» [1]).

Марксъ могъ бы прибавить: за исключеніемъ героевъ порядка. Эти всегда могли разсчитывать на его вѣрную дружбу. Насколько вѣрно Марксъ оцѣнилъ эту контръ-революціонную роль Пальмерстона, его фактическій союзъ и сотрудничество съ другими дѣятелями европейской контръ-революціи, показала и вся дальнѣйшая политическая дѣятельность почтеннаго лорда. Нужно было обладать всей политической проницательностью нѣмецкихъ либераловъ пятидесятыхъ годовъ, чтобы, и послѣ революціи 1848 г., продолжать видѣть въ Пальмерстонѣ защитника принциповъ конституціонализма quand même и покровителя угнетенныхъ національностей.

Характерно, что Фохтъ объяснялъ нападки «клики» Маркса на Пальмерстона враждою Маркса противъ Фохта и его друзей. Даже Лассаль находился подъ гипнозомъ этой континентальной легенды и склоненъ былъ объяснять и оправдывать многіе акты Пальмерстона—въ томъ числѣ и тѣ, которые совершены были подъ давленіемъ петербургскаго кабинета или встрѣчали полное одобреніе эзотерической русской дипломатіи—его антирусской политикой. Какъ правы были Марксъ и Энгельсъ, считая Крымскую войну, поскольку она являлась актомъ оффиціальной Англіи, только «показной войной», хотя

[1]) Karl Marx, The story of the life of Lord Palmerston. London. 1899, сс. 8—9.

она стоила милліона человѣческихъ жизней и милліардовъ франковъ, — показываетъ вся позднѣйшая литература о севастопольской кампаніи.

Со статьями Маркса о Пальмерстонѣ тѣсно связаны его многочисленныя статьи о Восточномъ вопросѣ и Крымской войнѣ въ „New Jork Tribune "за 1853—1856 г.г., собранныя и изданныя Элеонорой Эвелингъ подъ общимъ заглавіемъ „The Eastern Question" [1]).

И отдѣлываться отъ анализа и объясненія соотвѣтствующихъ взглядовъ Маркса простой ссылкой на то, что онъ.— quelle horreur!—, въ частныхъ письмахъ называлъ Пальмерстона купленнымъ русскимъ агентомъ—это черезчуръ легкій способъ обойти дѣйствительный вопросъ о томъ, насколько вѣрна была марксовская оцѣнка политики Пальмерстона. Достаточно указать, что русскимъ агентомъ считали Пальмерстона и подозрѣвали его честность не только Эрквортъ, но и многіе другіе англичане, въ томъ числѣ и Портеръ, авторъ извѣстной работы „Progress of the Nation".

Мерингъ могъ придти къ своему выводу, что по существу правъ былъ Лассаль, только потому, что и онъ сводитъ споръ Лассаля и Маркса, главнымъ образомъ, къ вопросу о томъ, былъ ли Пальмерстонъ русскимъ агентомъ или нѣтъ. Этимъ объясняется и неожиданное заключеніе Меринга, что политика Пальмерстона защищена противъ обвиненія въ сознательной измѣнѣ всѣмъ фактическимъ ходомъ событій!

Пальмерстонъ руководилъ внѣшней политикой Англіи съ маленькими перерывами отъ 1830 до 1851 г. и затѣмъ — тоже съ небольшими паузами отъ 1852 до своей смерти въ 1865 г. Вполнѣ естественно, что Марксу все сильнѣе навязывалась мысль, что за фактическимъ сотрудничествомъ Англіи и Россіи въ борьбѣ съ революціей скрывалось личное сотрудничество, идейная солидарность между Сент-

[1]) На нихъ мы намѣреваемся остановиться подробнѣе въ другомъ мѣстѣ. Тогда же мы болѣе подробно разсмотримъ взгляды Маркса на политику Пальмерстона въ связи съ Восточнымъ вопросомъ и политикой Англіи эпоху крымской войны. (Это сдѣлано мною въ Gesammelte Schriften von Karl Marx und Friedrich Engels. 1852 bis 1862. Stuttgart 1917. Два тома. Въ это изданіе вошли, какъ статьи о Восточномъ вопросѣ, такъ и о Пальмерстонѣ).

Джемскимъ и Петербургскимъ кабинетами. Какъ ни казался со стороны противоестественнымъ такой союзъ между конституціонной Англіей и деспотической Россіей, цѣлый рядъ фактовъ—не только послѣ 1850 г., но и до этого года—указывалъ на существованіе такого скрытаго сотрудничества, которое не прекращалось и въ тѣ эпохи, когда въ Англіи господство виговъ смѣнялось господствомъ торіевъ.

„Когда въ мартѣ 1849 г. лордъ Дэдлей Стюартъ внесъ въ палату общинъ предложеніе, осуждавшее русскую оккупацію Дунайскихъ княжествъ, лордъ Пальмерстонъ энергическимъ образомъ защищалъ дѣйствія Императорскаго Правительства и доказывалъ его право защищать порядокъ въ княжествахъ. Однако, наиболѣе краснорѣчивымъ защитникомъ русской политики на Востокѣ оказался Дизраэли, впослѣдствіи лордъ Биконсфильдъ. Когда русскій посолъ Брунновъ сообщилъ Пальмерстону о вступленіи русскихъ войскъ въ Венгрію, благородный лордъ выслушалъ это заявленіе съ видимымъ равнодушіемъ и только промолвилъ въ отвѣтъ: „кончайте поскорѣе“, а убѣжденный торій, герцогъ Веллингтонъ рекомендовалъ слѣдующій планъ: „постарайтесь дѣйствовать массами, силами достаточными для сокрушенія смуты однимъ ударомъ. Ведите большую войну, большими средствами. Вы ихъ имѣете“. [1])

Только послѣ Крымской войны болѣе или менѣе кристализовались антирусскія тенденціи англійскихъ консерваторовъ. А до шестидесятыхъ годовъ, находилось ли у кормила правленія торійское министерство или вигистское, англійская крупная буржуазія, въ союзѣ съ русскимъ абсолютизмомъ, такъ же охотно топтала въ грязь всякіе принципы либерализма, разъ дѣло шло о возстановленіи «порядка», какъ и въ наше время, когда «радикальное» министерство Асквита и Грея, въ союзѣ съ русскими Ляховыми, помогаетъ персидскому шаху бомбардировать Меджилисъ и душить персидскихъ революціонеровъ. И наивные европейскіе либералы

[1]) И русскій официозъ, проф. Мартенсъ, прибавляетъ: «Слова герцога Веллингтона обратили на себя серьезное вниманіе Государя, который ихъ подчеркнулъ въ донесеніи барона Бруннова отъ 29 апрѣля (11 мая) 1849 г.» Мартенсъ, тамъ же, с. с. 253—5.

50-хъ годовъ, въ своихъ надеждахъ на конституціонную Англію, оказывались не менѣе наивными, чѣмъ русскіе кадеты, когда они поддерживаютъ современный англо-русскій союзъ и все еще «отказываются» видѣть за Ляховымъ Гартвига и «не могутъ вѣрить», что за Гартвигомъ скрывается Грей.

Но Марксъ не ограничился только изученіемъ дипломатическихъ книгъ отъ 1807 до 1850 г. Весьма прочныя симпатіи виговъ къ Россіи должны были заставить его сдѣлать экскурсію и въ область исторіи XVIII вѣка, когда вигистская олигархія почти безсмѣнно управляла Англіей. И его предположеніе, что старое англо-русское рабство, въ которое Европа опять впала послѣ февральской революціи, является результатомъ союза Англіи и Россіи, что не подлежавшее для Маркса никакому сомнѣнію фактическое сотрудничество основано было на опредѣленной связи между англійскими и русскими дипломатами, превратилось въ прочное убѣжденіе, когда онъ «по просмотрѣ находящихся въ Британскомъ музеѣ дипломатическихъ бумагъ, открылъ рядъ англійскихъ документовъ, которые тянутся отъ эпохи Петра Великаго до конца 18 столѣтія и свидѣтельствуютъ о постоянномъ тайномъ сотрудничествѣ между Лондонскимъ и Петербургскимъ кабинетами, при чемъ колыбелью этого сотрудничества является какъ разъ эпоха Петра Великаго». Но не только найденная имъ дипломатическая переписка дала ему совершенно новый матеріалъ, тогда, какъ казалось ему, никѣмъ еще не использованный; не менѣе новыя данныя извлекъ онъ также изъ памфлетной литературы 18 столѣтія, въ знакомствѣ съ которой онъ не имѣлъ соперниковъ. Со свойственной ему страстностью онъ приступилъ къ научной обработкѣ этихъ матеріаловъ. Къ сожалѣнію, изъ большого труда объ указанномъ предметѣ, какъ онъ сообщаетъ въ «Herr Vogt», онъ успѣлъ опубликовать только введеніе подъ названіемъ Revelations ef the diplomatic history of the 18 th. century. Эта работа появилась сначала въ Шеффильдской, а послѣ Лондонской «Free Press», въ газетахъ, которыя обѣ были органами Давида Эрквorта. Это та же самая работа, которая была также подготовлена къ изданію Элеонорой Марксъ, но какъ и «the story of the life of Palmerston»

издана уже послѣ ея трагической смерти подъ названіемъ: Secret diplomatic history of the 18 th Century[1].

Въ «Новой Рейнской Газетѣ» Марксъ далъ недосягаемый образецъ публицистической дѣятельности, умѣющей изъ запутанной массы, повидимому, совершенно случайныхъ, несвязныхъ и несоединимыхъ другъ съ другомъ фактовъ живой текущей исторіи извлекать и выдвигать на первый планъ тѣ изъ нихъ, которые являются основными, чтобы вскрыть въ настоящемъ корни прошлаго и найти въ немъ зародыши будущаго. Въ «18 Брюмерѣ Людовика Бонапарта» онъ, по горячимъ слѣдамъ, сейчасъ же вслѣдъ за совершившимся событіемъ, кистью генія набрасываетъ основные контуры исторіи французской революціи 1848 г. и мастерски показываетъ, что наполеоновскій coup d'état явился ея необходимымъ послѣдствіемъ. Въ «Революціи и контръ-революціи въ Германіи» предъ нами развертывается сжатая характеристика главныхъ моментовъ революціи въ Германіи и Австріи. Но, по происхожденію своему, эти работы, какъ и «Гражданская война во Франціи», были не историческими трудами, а публицистическими, и если для насъ они превратились въ образцовыя исторіи соотвѣтственныхъ событій, если ихъ основные выводы подтверждаются и дополняются всей позднѣйшей исторической литературой, то это только лишній разъ доказываетъ, какъ глубоко историченъ былъ публицистъ Марксъ, какъ объективно было его изложеніе, не смотря на весь его субъективизмъ.

Напротивъ, въ «Разоблаченіяхъ» мы имѣемъ единственный опытъ Маркса въ области изученія политической исторіи Англіи и въ особенности Россіи. Въ этомъ далекомъ прошломъ онъ ищетъ разгадку колоссальнаго могущества Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и того стараго англо-русскаго рабства, подъ гнетомъ котораго стонала вся Европа.

---

[1]) Должно быть этимъ обстоятельствомъ объясняется небрежность, съ которой напечатана книга Маркса. Не указано ни гдѣ, ни когда была напечатана эта работа. Не говоря уже о корректурныхъ ошибкахъ, одна изъ главъ, по небрежности издателей, обезображена огромнымъ пропускомъ. Статьи первоначально были напечатаны въ Лондонской «Free Press» 16 и 23 августа, 13 и 20 сентября, 4 октября, 8 и 29 ноября, 6 и 20 декабря 1856 г., 4, 18 и 25 февраля и 1 апрѣля 1857 г.

Былъ ли этотъ опытъ такъ же удаченъ, какъ его другія работы? Удалось ли Марксу дать матеріалистическое объясненіе исторіи русскаго колосса, удалось ли ему освѣтить тайны англо-русской дипломатіи съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи? Не даетъ ли эта работа ключъ къ объясненію ошибокъ, сдѣланныхъ имъ въ оцѣнкѣ нѣкоторыхъ событій современной исторіи, ошибокъ, которыя теперь съ наслажденіемъ пережевываетъ всякій сокрушитель Маркса? И если такія ошибки несомнѣнно были, то объясняются ли онѣ непригодностью самаго метода изслѣдованія или непослѣдовательнымъ проведеніемъ этого метода?

Прежде, чѣмъ отвѣтить на эти вопросы, мы познакомимъ читателей съ содержаніемъ этой работы Маркса. Мы должны будемъ сдѣлать это болѣе обстоятельно, потому что она осталась совершенно неизвѣстной огромному большинству читателей.

II. Марксъ о русско-англійскихъ отношеніяхъ.

Марксъ начинаетъ свои «Разоблаченія» перепечаткой трехъ писемъ англійскихъ резидентовъ и посланниковъ при петербургскомъ дворѣ. Одно изъ нихъ писано Рондо къ Вальполю и относится къ 1736 г., когда Россія вела войну съ Турціей, второе принадлежитъ Георгу Макартнею (Macartney) и писано графу Сандвичу (Sandwich) въ 1765 г., когда Англія хлопотала о заключеніи торговаго договора съ Россіей, авторомъ третьяго письма является Джемсъ Гаррисъ (будущій графъ Мальмсбюри), который въ 1782 г. въ письмѣ къ Грантаму говоритъ объ уступкѣ Россіи острова Минорки, чтобы задобрить ее въ пользу Англіи.

Думая, что эти письма были совершенно неизвѣстны тогда, Марксъ ошибался только относительно третьяго письма. Послѣднее было опубликовано внукомъ Джемса Гарриса графомъ Мальмсбюри еще въ 1844 г. [1]) Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ 18 столѣтія была также использована прусскимъ историкомъ Раумеромъ, тѣмъ самымъ, о которомъ Марксъ говоритъ въ письмѣ о Прудонѣ, что онъ составленъ изъ «съ одной стороны и съ другой стороны» [2]). Интересуясь, главнымъ образомъ, исторіей Пруссіи, онъ извлекалъ изъ этихъ депешъ матеріалы, которые бросали свѣтъ на отношенія между Пруссіей и Англіей и сообщали

[1]) Diaries and correspondence of James Harris, First Lord of Malmesbury... Edited by his Grandson. London 1844, Vol. 4. Приводимое Марксомъ письмо — въ болѣе полномъ видѣ — напечатано въ первомъ томѣ с. с. 528 — 35.

[2]) Beiträge zur Neueren Geschichte aus dem Britischen Museum. Leipzig. 1836 — 1839.

пикантныя подробности о русскомъ дворѣ 18 столѣтія. Съ этой же точки зрѣнія использованы англійскія депеши въ извѣстной книгѣ «La cour de la Russie il y a cent ans», изданной въ Берлинѣ въ 1858 г., уже послѣ появленія работы Маркса. Впервые опубликована была переписка англійскихъ дипломатовъ съ Сентъ-Джемскимъ кабинетомъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ, которое, начиная съ 1872 г., напечатало ее въ своемъ Сборникѣ, но далеко не за весь XVIII в. и далеко не въ полномъ видѣ [1]). Отмѣтимъ пока, что письма Гарриса совершенно отсутствуютъ — почему, мы увидимъ позже.

Такимъ образомъ, Марксъ въ общемъ имѣлъ тогда дѣло съ совершенно неиспользованнымъ матеріаломъ, который открывалъ ему доступъ въ тайники международной дипломатіи XVIII вѣка. И вотъ изученіе этой переписки показываетъ, по его мнѣнію, что англійская дипломатія была систематически одурачиваема русской, что англійскіе посланники являлись покорными орудіями въ рукахъ петербургскаго двора. Слѣдующая саркастическая характеристика, которую Марксъ даетъ всей этой перепискѣ, лучше всего показываетъ пути, которыми пришелъ Марксъ къ своему выводу:

«При чтеніи этихъ документовъ гораздо больше поражаетъ ихъ форма, чѣмъ содержаніе. Всѣ эти письма — «конфиденціальныя», «частныя», «секретныя», «весьма секретныя». Несмотря однако на эту конфиденціальность, тайну и конспирацію, англійскіе государственные люди говорятъ другъ

---

[1]) Сборникъ Имп. Русскаго Истор. Общества, Петербургъ 1877 — 1901, 14 томовъ. Въ томахъ 39, 50 и 61 напечатана переписка за время Петра I (съ 1704 до 1719), въ 66, 76 и 80 — съ 1728 до 1739, въ 85 — съ 1740 по 3 марта 1741, въ 91, 99, 102 и 110 — съ 1741 по 1750, въ 12 и 19 томахъ — переписка съ 1762 по 1776 г. Такъ какъ извлеченія составлялись чиновниками министерства иностранныхъ дѣлъ, то все щекотливое и шокирующее русскій дворъ тщательно исключалось. Переводъ на русскій мѣстами очень плохъ и невѣренъ — иногда преднамѣренно. Но и въ такомъ видѣ эти томы даютъ въ высшей степени важный матеріалъ для изученія исторіи отношеній Англіи и Россіи въ XVIII вѣкѣ. Такъ какъ англійскія депеши напечатаны въ оригиналѣ, то русскимъ изданіемъ охотно пользуются теперь также англійскіе историки. Къ изданію этой переписки въ Англіи приступили только недавно. Такъ Королевское историческое общество (Royal Historical Society) опубликовало въ 1900 — 1902 г.г. переписку англійскаго посланника графа Бекингамшайра за 1762—1765 г.г. подъ редакціей г-жи А. д'Арси Колліеръ. Достаточно сравнить это изданіе съ соотвѣтствующимъ томомъ русскаго изданія, чтобы видѣть, какъ тенденціозно сдѣлано послѣднее и какъ примитивно оно въ научномъ отношеніи.

съ другомъ о Россіи въ такомъ тонѣ почтительной сдержанности, жалкаго подхалимства и циничеcкой преданности, который поразилъ бы насъ даже въ оффиціальныхъ депешахъ русскихъ государственныхъ мужей. Чтобы скрыть свои интриги противъ другихъ націй, русскіе дипломаты прибѣгаютъ къ тайнѣ. Англійскіе дипломаты пользуются очень охотно тѣмъ же самымъ методомъ, правда для того, чтобы засвидѣтельствовать свое почтеніе предъ какимъ-нибудь иностраннымъ дворомъ. Тайныя депеши русскихъ дипломатовъ пропитаны какимъ то двусмысленнымъ ароматомъ. Съ одной стороны это—«запахъ фальшивости» (fumée de fausseté), который отличаетъ и мемуары герцога Сэнъ-Симона, а съ другой стороны то тщеславное парадированіе собственнымъ превосходствомъ и хитростью, которое кладетъ такую неизгладимую печать на отчеты французской тайной полиціи. Даже мастерскія депеши Поццо ди Борго отмѣчены этимъ скверным душкомъ ретпрадной литературы (litérature de mauvais lieu). И въ этомъ отношеніи англійскія тайныя депеши еще превосходятъ ихъ. Но англійскіе дипломаты парадируютъ не своимъ превосходствомъ, а глупостью. Можно ли себѣ представить что-нибудь болѣе глупое, чѣмъ мистера Рондо, который извѣщаетъ Гораса Вальполя, что онъ сообщилъ письма турецкаго великаго визиря, адресованныя англійскому королю, русскимъ министрамъ, и въ то же время передалъ имъ, что «онъ не сообщилъ бы имъ этихъ писемъ, въ которыхъ имѣются нѣсколько рѣзкихъ замѣчаній о русскомъ дворѣ, если бы они сами не требовали этого такъ настоятельно».

«И онъ же проситъ еще русскихъ министровъ не сообщать Портѣ, что они видѣли эти письма. Подлость такого образа дѣйствія совершенно покрывается глупостью этого дипломатическаго представителя.

«Или возьмемъ Джорджа Макартнея. Можно ли найти что нибудь болѣе глупое, чѣмъ его восторгъ по поводу того, что Россія повидимому настолько «благоразумна», чтобы требовать отъ Англіи «уплаты всѣхъ расходовъ» за ту руководящую роль, которую Россія будетъ играть въ Стокгольмѣ. Или когда онъ льститъ себя надеждой, «что ему удалось убѣдить русскій дворъ» не быть настолько неблагоразумнымъ,

чтобы требовать въ мирное время отъ Англіи субсидій на войну съ Турціей (тогда союзницы Англіи). Или его же просьба, обращенная къ графу Сандвичу, не упоминать русскому посланнику въ Лондонѣ о тѣхъ секретахъ, которые были ему сообщены въ Петербургѣ русскимъ канцлеромъ. Можно ли найти что нибудь болѣе глупое, чѣмъ конфиденціальная депеша Джемса Гарриса, въ которой онъ сообщаетъ лорду Грантаму, что Екатерина Вторая «лишена здраваго разсудка, точности мышленія, разсудительности и дара комбинацій». Эта аффишированная глупость можетъ быть прослѣжена до самаго послѣдняго времени: найдется ли въ исторіи дипломатіи что нибудь подобное тому предложенію, которое лордъ Пальмерстонъ сдѣлалъ въ 1839 г. маршалу Сульту, а именно взять штурмомъ Дарданеллы, чтобы обезпечить султану поддержку франко-англійскаго флота противъ Россіи.

«Сравните съ другой стороны, хладнокровное безстыдство, съ которымъ Джорджъ Макартней сообщаетъ своему министру, что такъ какъ шведовъ въ высшей степени раздражаетъ и озлобляетъ зависимость отъ Россіи, то петербургскій дворъ совѣтуетъ, чтобы Англія обдѣлывала въ Стокгольмѣ его дѣла подъ британскимъ флагомъ свободы и независимости». А сэръ Джемсъ Гаррисъ, который совѣтуетъ Англіи уступить Россіи Минорку, отказаться по отношенію къ Россіи отъ права осмотра судовъ и предоставить Россіи монопольное положеніе въ качествѣ главнаго посредника во всѣхъ международныхъ дѣлахъ—и все это не для того, чтобы добиться какой нибудь реальной выгоды или хотя бы формальнаго обязательства со стороны Россіи, а лишь для того, чтобы добиться «теплой дружбы» императрицы и переноса ея «плохого расположенія на Францію».

«Во всѣхъ тайныхъ русскихъ депешахъ легко прослѣдить одну и ту же, очень простую идею, а именно, что Россія сама знаетъ, что она не имѣетъ какихъ бы то ни было общихъ интересовъ съ другими націями, но необходимо убѣдить каждую отдѣльную націю, что она имѣетъ съ Россіей общіе интересы, исключающіе всякую другую націю. Напротивъ, англійскія депеши не осмѣливаются даже намекнуть,

что Россія имѣетъ общіе интересы съ Англіей, но пытаются только убѣдить Англію, что она имѣетъ русскіе интересы. И изъ устъ самихъ англійскихъ дипломатовъ мы знаемъ, что, при сношеніяхъ съ русскими потентатами, они развивали именно эту точку зрѣнія».

Марксъ кончаетъ свою характеристику англійскихъ дипломатовъ слѣдующими жесткими словами:

«Если бы англійскія депеши, которыя мы предлагаемъ публикѣ, были адресованы частнымъ друзьямъ, то онѣ только покрыли бы позоромъ пословъ, которые писали ихъ. Писанныя же подъ строгимъ секретомъ Британскому правительству, онѣ навсегда пригвождаютъ послѣднее къ позорному столбу исторіи. Безсознательно это, кажется, сознавалось всѣми, даже вигистскими писателями, такъ какъ никто не осмѣлился опубликовать ихъ [1])».

Мы видѣли уже, что Марксъ ошибся. Третье письмо, которое всего больше возмутило его, было напечатано за 12 лѣтъ предъ этимъ и не вызвало никакого негодованія. Интересно, однако, что Давидъ Эрквортъ въ особой редакціонной замѣткѣ, въ которой онъ обращаетъ сугубое вниманіе читателей на статьи Маркса, видимо соглашается съ этой характеристикой и приводитъ съ своей стороны рядъ фактовъ изъ исторіи англо-русской дипломатіи первой половины XIX столѣтія, чтобы показать, что англійскіе дипломаты этого времени были не лучше и не умнѣе дипломатовъ 18 столѣтія.

Считая установленнымъ свой тезисъ,—ограниченность и рабскую зависимость англійской дипломатіи 18 столѣтія отъ петербургскаго двора — Марксъ задаетъ вопросъ, съ какого времени беретъ свое начало этотъ «русскій» характеръ англійской дипломатіи, ставшій обычной ея чертой въ теченіе 18 столѣтія.

Этимъ временемъ Марксъ считаетъ эпоху Петра Великаго, которую онъ и выбираетъ центральнымъ пунктомъ своего изслѣдованія. Въ видѣ вступленія, онъ считаетъ необходимымъ перепечатать нѣкоторые англійскіе памфлеты, которые были

---

[1]) Secret diplomatic history, c.c. 22 и сл.

изданы въ эпоху Петра Великаго и либо совсѣмъ ускользнули отъ вниманія современныхъ историковъ или, по ихъ мнѣнію, не заслуживали его. Онъ выбираетъ съ этой цѣлью три памфлета, направленные противъ Россіи и въ защиту Швеціи въ ихъ борьбѣ за преобладаніе на Балтійскомъ морѣ. Первый изъ нихъ—«Сѣверный Кризисъ», вышедшій въ 1716 г.—разоблачаетъ общую политику Россіи и указываетъ на опасность, которая грозитъ Англіи и ея торговлѣ вслѣдствіе руссификаціи Швеціи; [1]) второй—«Оборонительный Союзъ», вышедшій въ 1717 г.—разсматриваетъ политику Англіи съ точки зрѣнія трактата, заключеннаго между Англіей и Швеціей въ 1700 г. [2]) и, наконецъ, третій—«Правда только тогда правда, когда она во время сказана», вышедшій въ 1719 г. [3])—доказываетъ, что новые политическіе планы, которые привели къ превращенію Россіи въ первенствующую державу на Балтійскомъ морѣ, находятся въ рѣзкомъ противорѣчіи съ традиціонной политикой, которую Англія преслѣдовала въ теченіе всего 17 столѣтія.

Этихъ трехъ памфлетовъ, по мнѣнію Маркса, вполнѣ достаточно, чтобы опровергнуть предразсудокъ, общій всѣмъ континентальнымъ и англійскимъ писателямъ, что истинныя намѣренія Россіи были поняты или заподозрѣны только въ болѣе позднюю эпоху и притомъ слишкомъ поздно, что дипломатическія отношенія между Англіей и Россіей—мы цитируемъ дословно, настолько невѣроятенъ въ устахъ Маркса этотъ тезисъ,—«были только естественнымъ результатомъ взаимныхъ матеріальныхъ интересовъ этихъ двухъ странъ и что слѣдовательно, обвиняя британскихъ государственныхъ людей 18 столѣтія въ руссофильствѣ, мы совершаемъ непростительный hysteron-proteron».

Марксъ еще готовъ былъ бы простить ихъ, если бы они только раздѣляли понятія своего времени. И вотъ на какомъ основаніи:

---

[1]) The Northern Crisis, or impartial reflections on the politics of the Czar, London 1716. Большое значеніе придаетъ этому памфлету и цитируетъ его неоднократно Дройзенъ въ «Geschichte der preussischen Politik, IV, 2, p. 193.

[2]) The defensive treaty concluded in the year 1700, between his late Majesty, King William, of our glorious memory, and his present Swedish Majesty, King Charles XII.

[3]) Truth is but Truth as it is timed, London. 1719.

«Чтобы понять опредѣленную историческую эпоху, мы должны выйти за ея предѣлы и сравнить ее съ другими историческими эпохами. Чтобы судить правительства и ихъ акты, мы должны мѣрить ихъ мѣркой ихъ собственной эпохи и сознаніемъ ихъ современниковъ. Никто не будетъ обвинять британскаго государственнаго дѣятеля 17 столѣтія, совершающаго какой нибудь актъ въ силу своей вѣры въ колдовство, когда онъ видитъ, что даже Бэконъ помѣстилъ демонологію въ каталогъ науки. Съ другой стороны, если Стэнгопъ, Вальполь, Тоунсхендъ и др. были заподозрѣны, встрѣчали оппозицію и были обвинены въ своей же странѣ своими современниками въ томъ, что они были орудіями или сообщниками Россіи, то онъ уже не будетъ прикрывать ихъ политику обычными фразами о предразсудкахъ и невѣжествѣ, которые были свойственны ихъ эпохѣ» [1]).

И всѣ названные памфлеты, по мнѣнію Маркса, неопровержимо доказываютъ, что англійскіе государственные дѣятели 18 столѣтія были совершенно ослѣплены, что они совершенно не замѣчали опасности, о которой такъ краснорѣчиво предупреждалъ ихъ неизвѣстный авторъ памфлета «Сѣверной Жизни» [2]), что они, какъ это доказывали авторы двухъ другихъ памфлетовъ, самымъ вѣроломнымъ образомъ пожертвовали Швеціей въ угоду Россіи и, обезпечивъ послѣдней гегемонію на Балтійскомъ морѣ, воспитали и вскормили своего будущаго врага. Болѣе того. Они совершенно пренебрегли

---

[1]) Secret diplomatic history, c. 49.

[2]) «Онъ (Петръ) будетъ навѣрное тогда нашимъ противникомъ и намъ въ такой же мѣрѣ опасенъ, въ какой его теперь считаютъ неопаснымъ. И мы, возможно, должны будемъ тогда вспомнить все, что наши собственные министры и купцы разсказывали намъ о его планахъ, которые сводятся къ одной главной цѣли: захватить всю сѣверную торговлю и съ помощью рѣкъ, которыя онъ соединяетъ каналами и дѣлаетъ судоходными на всемъ протяженіи отъ Каспійскаго и Чернаго моря до Петербурга, овладѣть также турецкой и персидской торговлей. Тогда мы будемъ удивляться нашей слѣпотѣ, которая мѣшала намъ видѣть его планы, хотя мы слышали о всѣхъ крупныхъ дѣлахъ его, совершенныхъ имъ въ Петербургѣ..... Такъ какъ онъ хочетъ, чтобы планы, съ которыми онъ носится, не оказались выкидышами, то онъ не назначаетъ опредѣленнаго срока для ихъ выполненія, но предоставляетъ ихъ естественному процессу созрѣванія при помощи времени и удобнаго случая, подобно тѣмъ удивительнымъ китайскимъ художникамъ, которые приготовляютъ формы для орудія передвиженія, хотя оно будетъ построено лѣтъ черезъ сто». Secret diplomatic history, c. 38.

коммерческими интересами своей родины—преступленіе, которое въ Англіи не прощается.

Марксъ съ своей стороны приходитъ на помощь авторамъ памфлетовъ и, опираясь на статистическія данныя, показываетъ, что новѣйшіе историки «ничего не преувеличивали такъ сильно, какъ размѣры торговли, которую Англія могла вести на предоставленномъ ей при Петрѣ и его преемникахъ обширномъ русскомъ рынкѣ». Послѣ анализа цифръ вывоза и ввоза въ Швецію и Россію отъ 1697 до 1760 г., онъ приходитъ къ слѣдующему заключенію:

«Въ теченіе первыхъ шестидесяти лѣтъ 18 столѣтія вся англо-русская торговля составляла очень незначительную долю всей торговли Англіи, — а именно, меньше чѣмъ $^1/_{45}$. Ея быстрый ростъ въ первые годы, послѣ того какъ Петръ укрѣпился на Балтійскомъ морѣ, нисколько не повліялъ на общій балансъ британской торговли, такъ какъ онъ представлялъ простой переносъ со шведскаго счета на русскій. Въ послѣдніе годы царствованія Петра, а также при его непосредственныхъ преемникахъ—Екатеринѣ I и Аннѣ, англо-русская торговля положительно падаетъ. Въ теченіе всей эпохи, начиная отъ окончательнаго утвержденія Россіи въ Балтійскихъ провинціяхъ, вывозъ британскихъ мануфактурныхъ издѣлій въ Россію постоянно падалъ..... Ни современники Петра I, ни ближайшее британское поколѣніе не получили никакихъ выгодъ отъ возвышенія Россіи на Балтійскомъ морѣ. Вообще, прибавляетъ Марксъ, тогдашняя балтійская торговля Великобританіи имѣла значеніе не по количеству вложеннаго въ нее капитала, а по ея характеру. Она доставляла Англіи необходимые матеріалы для судостроенія. Но и въ этомъ отношеніи для англичанъ было выгодно,—что доказывали не только авторы памфлетовъ, но понимали и нѣкоторые британскіе министры,—чтобы Балтійское море оставалось въ рукахъ шведовъ, а не русскихъ» [1]).

Но какимъ же образомъ объяснить такое странное явленіе, какъ упорное содѣйствіе Россіи, если Англія была заинтересована въ томъ, чтобы не допустить русскихъ утвердиться на Балтійскомъ морѣ?

---

[1]) Secret diplomatic history, стр. 53—54.

Оказывается, что въ Англіи все таки существовала незначительная часть британскихъ купцовъ, интересы которыхъ совпадали съ интересами Россіи. Это—Русская торговая компанія (Russian trade company). Именно она поднимала крикъ противъ Швеціи, именно она забрасывала парламентъ своими петиціями, именно она каждый разъ собиралась предъ открытіемъ парламента въ 1714, 1715, 1716 г.г., чтобы составлять сообща жалобы противъ Швеціи.

Но какимъ образомъ эти купцы могли оказывать такое вліяніе на правительство, что послѣднее постоянно поддавалось ихъ внушеніямъ? Дѣло въ томъ, что олигархія, которая послѣ «Glorious Revolution» захватила въ свои руки власть и богатство за счетъ массы британскаго народа, должна была, конечно, искать себѣ союзниковъ, не только внѣ страны, но и внутри ея. Послѣднихъ она нашла въ томъ, что французы называютъ «la haute bourgeosie», какъ она представлена была Англійскимъ банкомъ, ростовщиками, государственными кредиторами, крупными мануфактуристами. Какъ тщательно и любовно она соблюдала матеріальные интересы этого класса, видно изъ изданныхъ ею законовъ.

Понятно, что и въ области внѣшней политики эта олигархія была также вынуждена придавать ей хотя бы по внѣшнему виду характеръ политики, руководимой торговыми интересами. А это тѣмъ легче было устроить, что всегда можно было отождествить исключительные интересы той или иной ничтожной фракціи торговаго класса съ той или другой мѣрой министерства. Заинтересованная фракція поднимала тогда вопль въ «защиту интересовъ торговли и мореплаванія», а нація тупо ему вторила.

Такимъ образомъ, внѣшняя политика этой олигархіи оставалась себѣ вѣрна только въ одномъ отношеніи: она стремилась во чтобы то ни стало угодить Россіи. Она только прикрывалась интересами торговли и промышленности, которые post festum подыскивались кабинетомъ. Въ эпоху Сѣверной войны англійскіе министры для своихъ враждебныхъ дѣйствій противъ Швеціи нашли необходимый торговый поводъ въ тѣхъ убыткахъ, которые шведскіе каперы причи-

няли англійскимъ купцамъ, хотя шведы поступали въ полномъ согласіи съ тогдашнимъ международнымъ правомъ.

Можетъ показаться, что Англія тогда слѣдовала только примѣру Голландіи, которая тоже объявила конфискацію ея кораблей со стороны шведовъ простымъ пиратствомъ. И дѣйствительно въ одномъ отношеніи Голландія такъ же, какъ и Англія, была связана тѣмъ же оборонительнымъ союзомъ, который Англія заключила со Швеціей въ 1700 г.: она не имѣла права предпринимать какія либо враждебныя дѣйствія противъ Швеціи.

Но въ другомъ отношеніи положеніе Голландіи рѣзко отличается отъ положенія Англіи. Утративши свою торговую и морскую гегемонію, Голландія уже вступила тогда въ эпоху упадка. Подобно Генуѣ и Венеціи, когда измѣненіе торговыхъ путей лишило ихъ старой торговли, она вынуждена была теперь ссужать другимъ націямъ свои капиталы, для которыхъ она у себя не находила примѣненія. Россія оказалась огромнымъ рынкомъ въ меньшей степени для ея торговли, чѣмъ для ея капиталовъ и населенія.

Еще въ первой половинѣ 19 столѣтія Голландія была главнымъ банкиромъ Россіи. А въ эпоху Петра Великаго она снабжала Россію судами, офицерами, оружіемъ и деньгами. Флотъ Россіи тогда могъ быть названъ скорѣе голландскимъ, чѣмъ русскимъ. Голландцы хвастались тѣмъ, что послали первый европейскій корабль въ новый Петербургъ и платили за торговыя привиллегіи, которыя они получили отъ Петра, той низостью, которая характеризуетъ ихъ сношенія съ Японіей.

Марксъ поэтому гораздо снисходительнѣе къ Голландіи. Если ея государственные люди были руссофилами, то тутъ на лицо было совершенно другое, солидное основаніе, чѣмъ въ Англіи.

Марксъ такъ убѣжденъ во враждебномъ отношеніи англичанъ къ шведамъ, что, несмотря на это «солидное основаніе», объясняетъ именно давленіемъ англичанъ протестъ Голландіи противъ шведскихъ каперовъ, хотя ему въ то же время извѣстно, что Петръ пользовался голландцами, чтобы оказать давленіе на англійскихъ дипломатовъ въ свою пользу.

Итакъ, вся политика Англіи и находившейся подъ ея вліяніемъ Голландіи способствовала возвышенію Россіи.

Но Марксъ имѣетъ еще и другія доказательства, что главнымъ источникомъ могущества Россіи является усердное пособничество и попустительство со стороны Англіи. Вся исторія Россіи до Петра Великаго показываетъ, что безъ Балтійскаго моря современная Россія была бы немыслима. Чтобы доказать свою мысль, Марксъ даетъ блестящій очеркъ исторіи русскаго государства до эпохи Петра Великаго.

III. Историческое развитіе Россіи въ изображеніи К. Маркса.

«Непреоборимое вліяніе Россіи застигало Европу въ различныя эпохи врасплохъ и приводило въ ужасъ народы Запада: ему подчинялись, какъ фатуму, или конвульсивно сопротивлялись. Но рядомъ съ очарованіемъ, которое производитъ Россія, идетъ скептицизмъ, который каждый разъ вновь оживаетъ, преслѣдуетъ Россію, какъ тѣнь, растетъ вмѣстѣ съ ея ростомъ, примѣшиваетъ ироническую мелодію къ стонамъ терзаемыхъ до смерти народовъ и издѣвается надъ ея громадностью, какъ надъ шутовскимъ фарсомъ, который разыгрывается, чтобы ослѣпить и обмануть зрителей. Другія имперіи тоже встрѣчали при своемъ зарожденіи такія сомнѣнія, но Россія стала колоссомъ, не изживъ ихъ. Она представляетъ единственный во всей исторіи примѣръ необозримой имперіи, которая, не смотря на всемірно извѣстныя достиженія, все еще трактуется скорѣе, какъ предметъ вѣры, а не какъ предметъ дѣйствительности. Съ конца 18 столѣтія и до нашихъ дней, каждый, собирался ли онъ хвалить или ругать Россію, считалъ необходимымъ сначала доказать ея существованіе.—Но будемъ ли мы по отношенію къ Россіи матеріалистами или идеалистами, будемъ ли мы разсматривать ея могущество, какъ осязаемый фактъ или призракъ, терзающій преступную совѣсть европейскихъ народовъ—все же каждый разъ возникаетъ вопросъ: «какимъ образомъ могла эта имперія или этотъ фантомъ имперіи разрости до такихъ колоссальныхъ размѣровъ, чтобы съ одной стороны встрѣтить горячее сочувствіе, а съ другой страстное обви-

неніе въ томъ, что она угрожаетъ міру возобновленіемъ универсальной монархіи?».

Нѣкоторые, историки, утверждаютъ, что сѣверный призракъ, испугавшій Европу 19 столѣтія, возникъ уже въ девятомъ вѣкѣ, что политика Романовыхъ представляетъ естественное продолженіе политики Рюрика и его преемниковъ, тѣхъ самыхъ Норманновъ, которые въ девятомъ вѣкѣ явились изъ Швеціи въ Россію и основали государство [1]).

Несмотря однако на кажущееся сходство, политика первыхъ Рюриковичей кореннымъ образомъ отличается отъ политики современной Россіи.

Она представляла собой ни болѣе, ни менѣе, какъ политику германскихъ варваровъ, наводнившихъ Европу. Исторія современныхъ народовъ началась лишь послѣ того, какъ этотъ потокъ схлынулъ. Готическій періодъ Россіи въ частности представляетъ лишь одну главу въ исторіи норманскихъ завоеваній. Какъ имперія Карла Великаго предшествуетъ образованію современной Франціи, Германіи и Италіи, такъ имперія Рюриковичей предшествуетъ образованію Польши, Литвы, Балтійскихъ поселеній, Турціи и самого Московскаго государства. Ускоренный темпъ расширенія норманнской державы является слѣдствіемъ не какого нибудь заранѣе выдуманнаго, хитроумнаго плана, а естественнымъ результатомъ примитивной организаціи норманнскихъ завоеваній—вассалитетъ безъ ленныхъ отношеній или лены, составлявшіеся только изъ жалованія,—причемъ необходимость въ новыхъ завоеваніяхъ диктовалась непрекращающимся притокомъ новыхъ авантюристовъ, жаждавшихъ славы и добычи. Своихъ главныхъ конунговъ, которые стремились къ покою, дружина вынуждала двигаться дальше, и въ русской, какъ и во французской Нормандіи, наступалъ моментъ, когда великіе князья посылали въ новый походъ своихъ неукротимыхъ и ненасытныхъ дружинниковъ просто для того, чтобы отъ нихъ избавиться. Веденіе войны и организація завоеваній у Рюриковичей ничѣмъ не отличаются отъ такой же организаціи у Норманновъ въ остальной Европѣ. Если славянскія племена

[1]) Марксъ имѣетъ въ виду Фальмерайера, который, по его словамъ, безсознательно идетъ по слѣдамъ русскихъ историковъ.

были покорены не только мечомъ, но и путемъ договорныхъ соглашеній, то эта особенность объясняется исключительнымъ положеніемъ этихъ племенъ, которыя, подъ угрозой нашествія какъ съ сѣвера, такъ и съ юга, предпочли первое, какъ избавленіе отъ второго.

То же самое магическое очарованіе, которое влекло другихъ сѣверныхъ варваровъ къ западному Риму, влекло варваровъ къ восточному Риму. Именно продолжающійся переносъ русской столицы, которую Рюрикъ основалъ въ Новгородѣ, Олегъ—въ Кіевѣ, а Святославъ пытался перенести въ Болгарію, безспорно показываетъ, что завоеватели только прокладывали себѣ дорогу и разсматривали Россію, какъ переходный этапъ, какъ остановку, чтобы вновь отправиться на завоеваніе державы на далекомъ югѣ. Если современная Россія стремится захватить Константинополь, чтобы укрѣпить свое всемірное господство, то Рюриковичи, напротивъ, вынуждены были упорнымъ сопротивленіемъ Византіи при Цимисхіи отказаться отъ своего намѣренія и окончательно основаться въ Россіи.

Если еще можно говорить о какомъ нибудь славянскомъ вліяніи въ эту эпоху, то развѣ только о вліяніи Новгорода, славянскаго государства, вся политика и традиція котораго настолько діаметрально противоположны традиціямъ современной Россіи, что послѣдняя могла развиться только на развалинахъ Новгородской республики.

«При Ярославѣ господство варяговъ было сломлено, но вмѣстѣ съ нимъ исчезаютъ и завоевательныя традиціи перваго періода: начинается упадокъ готической Россіи. Какъ разъ исторія этого упадка еще больше, чѣмъ исторія завоеванія и образованія варяжскаго государства, доказываетъ исключительно готическій характеръ державъ Рюриковичей».

Она раздѣлила судьбу всѣхъ средневѣковыхъ монархій.

«Неповоротливая, аляповатая и скороспѣлая имперія, скроенная Рюриковичами, распалась, какъ и всѣ подобныя имперіи, на удѣлы, дѣлилась и подраздѣлялась между потомками завоевателей, разрывалась на части междоусобными войсками и крошилась въ куски подъ ударами внѣшнихъ завоевателей. Верховная власть великаго князя исчезаетъ

подъ напоромъ требованій семидесяти родовыхъ князей. Попытка Андрея Суздальскаго собрать часть этой имперіи, путемъ переноса столицы изъ Кіева во Владиміръ, оказывается успѣшной лишь постольку, поскольку она переноситъ разложеніе съ юга въ центръ. Третій преемникъ Андрея отказывается и отъ послѣдней тѣни верховенства, отъ титула великаго князя, и чисто номинальнаго почета, все еще оказываемаго ему. Удѣлы на югѣ и западѣ становятся поочередно литовскими, польскими, венгерскими, ливонскими, шведскими. Кіевъ, древняя столица, живетъ собственной судьбой, превратившись изъ главнаго центра великаго княжества въ простой городъ. Такъ исчезаетъ съ арены всемірной исторіи Норманнская Россія, и немногіе слабые остатки, въ которыхъ она пережила себя, гибнутъ при страшномъ появленіи Чингисъ—хана. И не въ славномъ варварствѣ Норманнской эпохи, а въ кровавомъ болотѣ Монгольскаго рабства, приходится искать колыбель Московіи. А современная Россія вѣдь только метаморфоза былой Московіи».

Татарское иго уничтожило всѣ традиціи Норманнскаго періода Русской исторіи, оно, кромѣ того, оказало глубокое вліяніе на психологію русскаго народа.

«Татарское иго тяготѣло надъ народомъ отъ 1224 до 1462 г. г., т. е. больше двухъ столѣтій; оно было не только тяжкимъ, но и безчестящимъ, и снѣдало самую душу народа, ставшаго ее жертвой. Татары установили господство систематическаго террора, основами котораго являлись опустошенія и массовыя избіенія. Такъ какъ они, въ сравненіи съ ихъ колосальными завоеваніями, были немногочисленны, то они вынуждены были окружать себя нимбомъ ужаса и, путемъ повторенной рѣзни, уничтожали народы, которые поднимались у нихъ въ тылу. И когда они превращали страны въ пустыни, они въ сущности руководились тѣмъ же экономическимъ принципомъ, который обезлюдилъ горныя мѣстности въ Шотландіи и Римскую Компанію—вытѣсненіе людей овцами и превращеніе плодоносныхъ земель и населенныхъ мѣстностей въ пастбища».

Завоеватели не разрушали княжествъ, которыя они на-

ходили и ограничивались тѣмъ, что дѣлали ихъ зависимыми и облагали данью. Татарское иго длилось уже почти столѣтіе, какъ изъ среды княжествъ, которыя въ Золотой Ордѣ старались уничтожать другъ друга при помощи самаго беззастѣнчиваго подкупа своихъ господъ и взаимныхъ клеветъ, начала возвышаться Москва.

«Въ этой безчестной борьбѣ Московская вѣтвь одержала окончательную побѣду. Въ 1328 г. Юрій, старшій братъ Ивана Даниловича Калиты, получилъ изъ рукъ Узбека хана ярлыкъ на великое княженіе, которое было отнято тверской линіи путемъ клеветы и убійства.

Иванъ Калита и Иванъ III, прозванный Великимъ, представляетъ: первый — Москву, возвысившуюся при помощи татарскаго господства, второй — Москву, ставшую самостоятельной вслѣдствіе изчезновенія татарскаго господства. Въ исторіи этихъ двухъ личностей воплотилась вся политика Москвы со времени выступленія ея на историческую арену».

Марксъ даетъ затѣмъ выпуклую характеристику политики вана Калиты, основавшаго могущество Москвы.

«Политика Ивана Калиты состояла въ слѣдующемъ: онъ игралъ отвратительную роль орудія хана, узурпируя въ свою пользу его власть, пользовался ею противъ своихъ соперниковъ изъ среды князей и противъ собственныхъ подданныхъ. Чтобы достигнуть своей цѣли, онъ старался всѣми средствами пріобрѣсти милость татаръ: циническая лесть, частыя путешествія въ Золотую Орду, униженныя просьбы руки ханскихъ дочерей, подчеркиванье своей преданности интересамъ хана, рабское выполненіе его приказовъ, гнусное оклеветаніе своихъ сородичей, соединеніе чертъ татарскаго баскака, прихлебателя и главнаго холопа. Онъ непрестанно тревожилъ хановъ своими разоблаченіями заговоровъ. Стоило тверской линіи проявить хотя бы малѣйшее стремленіе къ національной независимости, какъ онъ спѣшилъ въ Орду съ доносомъ. Если онъ натыкался гдѣ-нибудь на сопротивленіе, онъ прибѣгалъ къ помощи татаръ, чтобы раздавить его. Но недостаточно было играть эту роль, чтобы сдѣлать себя пріемлемымъ, требовалось золото. Постоянный подкупъ хана и его приближенныхъ былъ единственнымъ основаніемъ, на

которомъ онъ могъ воздвигнуть свое зданіе обмана и узурпаціи. Но откуда могъ рабъ получить деньги чтобы подкупить своего господина? Онъ убѣдилъ хана поручить ему сборъ ордынской дани со всѣхъ князей. Снабженный этимъ полномочіемъ, онъ, подъ разными предлогами, вымогалъ деньги. Богатство, собранное путемъ запугиванія татарами, онъ пускалъ въ ходъ, чтобы развращать самихъ татаръ. Съ помощью подкупа онъ уговорилъ митрополита перенести свою резиденцію изъ Владиміра въ Москву и сдѣлавъ такимъ образомъ послѣднюю столицею церковной превратилъ ее этимъ самымъ и въ столицу политическую. Съ помощью подкупа онъ склонялъ бояръ своихъ соперниковъ къ измѣнѣ и привлекалъ ихъ къ себѣ, какъ главному центру Пуская въ ходъ совокупное вліяніе мусульманскихъ татаръ, греческой церкви и бояръ, онъ соединяетъ удѣльныхъ князей въ крестовый походъ противъ самаго опаснаго изъ нихъ—тверского князя, а затѣмъ, вынудивъ наглыми попытками узурпаціи своихъ недавнихъ союзниковъ возстать противъ него самого онъ предпочитаетъ уклониться отъ войны и спѣшитъ къ хану. И съ помощью обмана и подкупа онъ опять вызываетъ хана на жестокое убійство родичей—соперниковъ. Традиціоннымъ пріемомъ татарской политики по отношенію къ русскимъ князьямъ являлось натравливаніе ихъ другъ на друга, разжиганіе ихъ раздоровъ. Татары старались уравновѣшивать силы князей и не дать одному черезчуръ возвыситься за счетъ остальныхъ. Но Иванъ Калита превращаетъ хана въ орудіе, при помощи котораго онъ освобождается отъ наиболѣе опасныхъ конкурентовъ и снимаетъ съ пути всякія препятствія, мѣшающія его захватной политикѣ. Онъ не захватываетъ удѣльныя княжества, но обманнымъ путемъ используетъ власть татарскихъ завоевателей въ собственную пользу. Онъ обезпечиваетъ своему сыну великокняжескій столъ при помощи тѣхъ же средствъ, которыми онъ создалъ московское великое княженье, эту странную смѣсь княжества и рабства. Въ продолженіе всего своего княженія онъ ни разу не отклонялся отъ политической линіи, которую онъ начерталъ для себя, придерживаясь ея съ упорной настойчивостью, проводя ее съ методической смѣлостью. Такимъ образомъ онъ сталъ основателемъ

московской державы. Характерно, что народъ далъ ему прозвище Калиты, т. е. кошель, ибо не мечомъ, а рублемъ прокладывалъ онъ себѣ дорогу. Какъ разъ въ періодъ его княженья совершается быстрое образованіе литовскаго государства, которое отдѣляетъ русскія земли отъ Запада, между тѣмъ какъ татары сдавливаютъ ихъ въ одну массу съ Востока. Въ то самое время, когда Иванъ не осмѣливается оказывать сопротивленіе одной опасности, онъ точно старается преувеличить размѣры другой. Ничто не могло отвлечь его отъ основной цѣли: ни увлеченіе славой, ни угрызенія совѣсти, ни тяжесть униженій. Вся его система можетъ быть характеризована въ немногихъ словахъ: маккіавелизмъ жаднаго холопа. Свою собственную слабость—свое холопство—онъ превратилъ въ главный источникъ своей силы».

Но Иванъ Калита заложилъ только основу, на которой было построено господство Москвы. Дѣйствительнымъ создателемъ московскаго государства былъ Иванъ III.

«Въ началѣ своего княженья (1462—1505) Иванъ III все еще былъ данникомъ татаръ; власть его все еще оспаривалась другими удѣльными князьями; Новгородъ, стоявшій во главѣ русскихъ народоправствъ, господствовалъ на сѣверѣ Россіи; Польша, Литва стремились къ завоеванію Москвы; а ливонскіе рыцари все еще не были сокрушены. Къ концу своего княженья Иванъ становится совершенно независимымъ государемъ, женою его дѣлается дочь послѣдняго императора Византіи, Казань лежитъ у его ногъ и остатки Золотой Орды стремятся къ его двору, Новгородъ и другія народоправства приведены къ повиновенію, Литва ущерблена и великій князь ея—игрушка въ рукахъ Ивана, ливонскіе рыцари побѣждены. Изумленная Европа, которая, въ началѣ царствованія Ивана III, едва подозрѣвала существованіе Москвы, зажатой между литовцами и татарами, была огорошена внезапнымъ появленіемъ колоссальной имперіи на ея восточныхъ границахъ. Самъ султанъ Баязетъ, предъ которымъ трепетала Европа, услышалъ впервые высокомѣрную рѣчь отъ москвитянина».

Чтобы показать, какимъ путемъ Иванъ III, котораго и русскіе историки считаютъ трусомъ, могъ совершить всѣ эти

подвиги, Марксъ даетъ обзоръ важнѣйшихъ событій его царствованія: борьбы съ татарами, подчиненія новгородской республики, борьбы съ другими удѣльными князьями и, наконецъ, борьбы съ Польшей и Литвой.

«Иванъ освободилъ Москву отъ татарскаго ига не путемъ рѣшительнаго удара, а посредствомъ упорнаго, почти двадцатилѣтняго труда. Онъ не сломилъ иго, а высвободился изъ подъ него украдкой. Сверженіе этого ига поэтому больше похоже на естественно-историческій процессъ, чѣмъ на дѣлѣ рукъ человѣческихъ. Когда татарское чудовище наконецъ испустило духъ, Иванъ появился у его смертнаго одра скорѣе въ качествѣ врача, предвидѣвшаго эту смерть и спекулировавшаго на нее, чѣмъ въ качествѣ воина, причинившаго ее».

Въ связи съ этимъ въ общемъ правильнымъ изображеніемъ—Соловьевъ тоже говоритъ не о сверженіи татарскаго ига, а о его крушеніи — Марксъ дѣлаетъ слѣдующее заключеніе: «Духъ каждаго народа растетъ и укрѣпляется вмѣстѣ съ освобожденіемъ отъ внѣшняго ига; духъ Москвы, наоборотъ, точно умаляется въ рукахъ Ивана. Достаточно сравнить Испанію въ ея борьбѣ съ арабами и Москву въ ея борьбѣ съ татарами... Устраивая возстаніе противъ Орды, Москва слѣдовала бы только примѣру татаръ. Но Иванъ не хотѣлъ возстанія, онъ покорно призналъ себя подручникомъ Золотой Орды... Онъ хочетъ не завоевать, а стащить могущество. Онъ старается не выбить врага изъ его крѣпости, а выманеврировать его изъ нея. Продолжая унижаться предъ ханскими посланцами, объявляя себя его данникомъ, Иванъ III, подъ разными предлогами, уклоняется отъ платежа дани, пуская въ ходъ всѣ уловки бѣглаго раба, который боится встрѣтиться съ своимъ хозяиномъ и старается ускользнуть отъ него. Наконецъ, татары пробуждаются отъ своей апатіи, и бьетъ часъ рѣшительнаго сраженія. Иванъ, трепеща при одной мысли о вооруженномъ столкновеніи, стремится укрыться за собственнымъ страхомъ и хочетъ обезоружить ярость своего врага, удаляя объектъ, на который онъ могъ бы обрушить свое мщеніе. Его спасаетъ только вмѣшательство крымскихъ татаръ, его союзниковъ».

Еще трусливѣе ведетъ себя Иванъ III при слѣдующихъ

нашествіяхъ. «Одного татарина онъ ловитъ при помощи другого. Добычей, захваченной у побѣжденнаго татарина, онъ опутываетъ побѣдоноснаго. Но если онъ слишкомъ благоразуменъ, чтобы, на глазахъ у очевидцевъ его униженія, взять на себя видъ завоевателя, то этотъ обманщикъ прекрасно понимаетъ, какое впечатлѣніе должно произвести паденіе татарской имперіи на внѣшній міръ, какой славой можетъ оно покрыть его и въ какой степени обезпечить ему торжественное вступленіе въ среду европейскихъ государствъ. И соотвѣтственно этому онъ принимаетъ театральную позу завоевателя. Ему дѣйствительно удается скрыть, подъ маской гордой подозрительности и высокомѣрной раздражительности, заносчивость татарскаго холопа, который все еще помнитъ, какъ онъ цѣловалъ стремя рядового ханскаго посланца. Въ болѣе пониженномъ тонѣ онъ копировалъ голосъ своего стараго хозяина, все еще наполнявшій ужасомъ его душу».

Вліяніе этой татарщины Марксъ хочетъ видѣть и въ фразеологіи новой русской дипломатіи.

«Нѣкоторые ходячіе обороты, какъ, напримѣръ, ссылка на великодушіе, оскорбленное достоинство государя, точно заимствованы изъ дипломатическихъ инструкцій Ивана III».

Если освобожденіе отъ татарскаго ига было въ глазахъ Ивана III первой предпосылкой для созданія Московской гегемоніи, то второй являлось уничтоженіе русской свободы. Одна за другой приводятся къ подчиненію старыя русскія городскія республики: Вятка и Новгородъ, тогда какъ Псковъ сохраняетъ только тѣнь своей прежней самостоятельности.

«Достойно замѣчанія, сколько Москва—какъ и современная Россія—готова была затратить усилій, чтобы уничтожить эти республики. Новгородъ и его колонія являются первыми жертвами; за ними слѣдуютъ казацкія, а Польша замыкаетъ кругъ. Кто хочетъ понять подчиненіе Польши Россіи, тотъ долженъ изучать исторію подчиненія Новгорода, которое длилось отъ 1478 до 1528 г.».

Покончивъ съ республикой, Иванъ III покончилъ также съ послѣдними удѣльными княжествами.

«Иванъ III, казалось, вырвалъ у Монголовъ оковы, которыми онъ опуталъ Москву, только для того, чтобы ско-

вать ими русскія республики. И онъ точно для того лишь покорилъ эти республики, чтобы сдѣлать республиканцами турокъ».

Съ такимъ же искусствомъ велъ Иванъ III борьбу съ Литвой, противъ которой онъ мобилизовалъ какъ императора Максимиліана и Матвѣя Корвина, такъ и Стефана, господаря молдавскаго и того самаго Менгли-Гирея, крымскаго хана, который, въ борьбѣ съ Литвой, оказался такимъ же могучимъ орудіемъ, какъ и въ борьбѣ съ Золотой Ордой.

Неоцѣнимыя услуги въ дѣлѣ укрѣпленія власти оказала Ивану III православная церковь.

«Но кого именно выбралъ во всемъ мірѣ Иванъ III, чтобы захватить наслѣдство Византіи, чтобы скрыть клеймо монгольскаго раба подъ мантіей порфиророжденныхъ, чтобы соединить тронъ московскаго выскочки съ славной державой Святого Владиміра и въ своемъ лицѣ дать греческой церкви новаго свѣтскаго главу? Человѣка, который долженъ былъ ему помочь во всемъ этомъ, Иванъ III нашелъ въ римскомъ папѣ».

При дворѣ послѣдняго и на его попеченіи жила Софія Палеологъ, которая, послѣ паденія Константинополя, переселилась съ отцомъ въ Римъ. Именно ее, наслѣдницу Византійскаго царя, римскій папа выдалъ за Московскаго князя, укрѣпляя такимъ образомъ религіозно-политическую гегемонію Москвы на всемъ православномъ востокѣ.

Въ политикѣ Ивана III Марксъ находитъ уже всѣ основные элементы политики новой Россіи.

«Достаточно замѣнить рядъ одинъ именъ и дать другими, чтобы ясно стало, что между политикой Ивана III и политикой современной Россіи существуетъ не только сходство, но и равенство. Иванъ III только усовершенствовалъ традиціонную московскую политику, которую завѣщалъ ему Иванъ Калита. Послѣдній достигъ могущества тѣмъ, что онъ, монгольскій рабъ, использовалъ силу своего крупнѣйшаго врага, татаръ, противъ своихъ мелкихъ враговъ, противъ русскихъ князей. Только при помощи низкихъ интригъ могъ онъ направлять эту силу. Онъ вынужденъ былъ ту силу, которою онъ дѣйствительно обладалъ, скрывать отъ своего господина, а своихъ

товарищей по рабству онъ долженъ былъ пугать силой, которой онъ не обладалъ. Чтобы рѣшить эту задачу, онъ долженъ былъ возвести всѣ низкія уловки раба въ настоящую систему и проводить ее съ упорнымъ терпѣніемъ раба. Даже открытое насиліе превращалось въ интригу. При такой системѣ интриги, коррупціи и тайныхъ захватовъ онъ долженъ былъ сначала отравить свою жертву, прежде чѣмъ онъ могъ ее открыто добить. Единство цѣли превращалось у него въ двойственность дѣйствія. Добиваться для себя выгодъ путемъ обманнаго использованія враждебной силы, ослаблять эту силу какъ разъ путемъ ея использованія и въ концѣ концовъ, погубить ее именно потому, что она позволяла использовать себя, какъ орудіе,—вся эта политика навязывалась Ивану Калитѣ своеобразнымъ характеромъ какъ господствующей, такъ и покоренной расы. Его политика осталась также и политикой Ивана III. И она осталась политикой Петра Великаго и новой Россіи, какъ бы ни мѣнялись имена, страна и характеръ той враждебной силы, которая ими используется. Дѣйствительно, Петръ Великій является создателемъ современной русской политики, но онъ сталъ имъ потому, что отнялъ у старой московской методы незамѣтнаго внѣдренія и присвоенія ея чисто мѣстный характеръ и освободилъ ее отъ случайныхъ примѣсей, потому что онъ отнялъ ее въ абстрактную формулу, обобщилъ ея задачи и выше поставилъ ея цѣль: такимъ образомъ стремленіе ея уничтожить опредѣленные и данные предѣлы власти превратилось въ стремленіе къ ничѣмъ неограниченной власти. Онъ осуществилъ преобразованіе Москвы путемъ обобщенія своей системы, а не однимъ только механическимъ присоединеніемъ нѣсколькихъ областей. — Итакъ, Москва выросла и развилась въ отвратительной и гнусной школѣ монгольскаго рабства. Своего могущества она достигла только потому, что, будучи сама рабой, стала виртуозомъ въ искусствѣ порабощенія. Даже послѣ своего самоосвобожденія Москва продолжала еще играть свою традиціонную роль раба въ качествѣ господина. Только Петръ Великій сумѣлъ наконецъ соединить политическую увертливость монгольскаго холопа съ гордымъ устремленіемъ монгольскаго господина, которому

Чингисъ-ханъ въ своей послѣдней волѣ завѣщалъ завоеваніе міра» [1]).

Но если Московское государство выработало всѣ основные элементы политики Петра Великаго, если еще до Петра непрестанное расширеніе государства было лейтмотивомъ всей дѣятельности московскихъ государей, то только со времени Петра эта политика пріобрѣла твердую почву, и только онъ заложилъ основу для расширенія Россіи на Западъ.

Дѣло въ томъ, что, до эпохи Петра, одной изъ самыхъ характерныхъ чертъ славянъ, которая поражаетъ всякаго изслѣдователя, является то обстоятельство, что почти всюду они осѣдаютъ въ глубинѣ материка, предоставляя морское побережье другимъ, не славянскимъ народностямъ. Гдѣ бы славяне ни приближались къ морскому берегу, они подчинялись иноземному господству. Русскій народъ дѣлилъ эту общую судьбу всѣхъ славянъ. Материковый по преимуществу, онъ до Петра Великаго не въ состояніи былъ добыть себѣ выходъ въ море, за исключеніемъ Бѣлаго моря, покрытаго льдомъ въ теченіи трехъ четвертей года. Мѣсто, на которомъ построенъ Петербургъ, въ теченіе тысячелѣтія служило яблокомъ раздора для финновъ, шведовъ и русскихъ. Все остальное побережье Балтійскаго моря, принадлежащаго теперь Россіи, берегъ Чернаго моря, — все это было пріобрѣтено Россіей уже послѣ Петра. Мало того: какъ бы для того, чтобы подчеркнуть материковую особенность славянской расы, ни одна часть Балтійскаго побережья не стала въ сущности и до сихъ поръ славянской. Такъ же мало, какъ черкесское и мингрельское побережье Чернаго моря.

Только Петръ порвалъ со всѣми традиціями славянской расы. «Вода—вотъ что нужно Россіи»—эти слова, сказанныя имъ въ формѣ выговора князю Кантемиру, являются лозунгомъ всей его жизни. Завоеваніе Азовскаго моря было цѣлью его первой войны съ Турціей, завоеваніе Балтійскаго моря—войны съ Швеціей, Чернаго моря—второй войны съ Турціей и Каспійскаго моря—его набѣга на Персію.

«Для системы мѣстныхъ захватовъ достаточно было мате-

[1]) Вся цитата, по оплошности издателей, пропущена въ отдѣльномъ изданіи. Secret diplomatic history. Cp. Free Press, 25 Febr. 1857.

риковыхъ земель; для системы универсальнаго наступленія необходимо было море. Только путемъ превращенія Московіи изъ чисто континентальной страны въ имперію, окруженную морями, можно было разбить традиціонные предѣлы Московской политики и создать тотъ смѣлый синтезъ, который, соединяя въ одно цѣлое захватные методы монгольскаго раба съ мірозавоевательными тенденціями монгольскаго хана, образуетъ жизненную силу современной русской дипломатіи».

И когда намъ въ объясненіе политики Петра Великаго говорятъ, что никакая великая нація не можетъ существовать безъ моря, что Россія не могла оставить устьевъ Невы, Дона, Днѣпра и Буга въ чужихъ рукахъ, что Петръ захватилъ только то, что было абсолютно необходимо для развитія его страны, то при этомъ забываютъ одинъ крайне важный фактъ— тотъ tour de force, при помощи котораго онъ перенесъ столицу имперіи изъ глубины материка на морское побережье, поразительную смѣлость, съ которой Петръ воздвигъ новую столицу на первомъ захваченномъ имъ клочкѣ Балтійскаго побережья, на разстояніи почти пушечнаго выстрѣла отъ границы и создалъ такимъ образомъ для своихъ владѣній эксцентрическій центръ.

Можно смѣло сказать, что во всей русской литературѣ, въ которой споръ о значеніи реформъ и дѣла Петра Великаго до сихъ поръ не прекращается, въ которой оба главныхъ направленія русской политической мысли — славянофильское и западническое со всѣми ихъ новѣйшими видоизмѣненіями— всегда характеризировались враждебнымъ или дружественнымъ отношеніемъ къ Петру, врядъ ли удастся найти болѣе яркую, болѣе пластичную характеристику главнаго дѣла Петра, которымъ открывается петербургскій періодъ русской исторіи, когда она, по словамъ первоначальныхъ славянофиловъ, стала жертвой гнилого Запада, а, по мнѣнію западниковъ, впервые пріобщилась къ европейской цивилизаціи, чѣмъ слѣдующія строки Маркса:

«Перенести тронъ царей изъ Москвы въ Петербургъ значило поставить его въ такое положеніе, при которомъ онъ не могъ быть безопасенъ даже отъ простыхъ оскорбленій, пока не будетъ покорено все побережье отъ Либавы до Торнео —

задача, которая въ полномъ объемѣ разрѣшена была только въ 1809 г.»

«Петербургъ — это окно, изъ котораго можно слѣдить за всей Европой, сказалъ Альгаротти. Съ самаго начала это былъ вызовъ Европѣ и стимулъ къ дальнѣйшимъ завоеваніямъ для русскихъ... Петербургъ, этотъ эксцентрическій центръ имперіи, указывалъ на периферію, которая должна еще быть проведена. Такимъ образомъ, не одно только завоеваніе балтійскихъ провинцій отличаетъ политику Петра Великаго отъ политики его предковъ, но именно переносъ столицы, въ которомъ проявляется настоящій смыслъ этихъ балтійскихъ завоеваній. Петербургъ не былъ подобно Москвѣ, центромъ для особой расы, резиденціей правительства; онъ былъ не результатомъ длительной работы цѣлаго народа, а творческой импровизаціей отдѣльной личности, не источникомъ, изъ котораго излучаются всѣ особенности материковаго народа, а морскимъ каналомъ, въ которомъ онѣ пропадали, не традиціоннымъ ядромъ національнаго развитія, а преднамѣренно выбраннымъ театромъ космополитической интриги. Путемъ переноса столицы, Петръ перерѣзалъ естественныя связки, которыя соединяли захватную систему старыхъ московскихъ царей съ естественными стремленіями и способностями великой русской расы. Построивъ свою столицу на морскомъ побережьѣ, онъ бросилъ открытый вызовъ противоморскимъ инстинктамъ этой расы и низвелъ ее на степень простого балласта въ своемъ политическомъ механизмѣ. Начиная съ 16 столѣтія, Москва всѣ свои значительныя завоеванія совершила только со стороны Сибири, а до 16 столѣтія всѣ сомнительныя завоеванія за счетъ запада и юга пріобрѣтались только путемъ прямого воздѣйствія на востокъ. Перенося столицу, Петръ точно заявилъ открыто, что онъ, напротивъ, намѣревается воздѣйствовать на востокъ и сосѣднія страны при помощи запада. Если воздѣйствіе чрезъ посредство востока было тѣсно ограничено стаціонарнымъ характеромъ и узкими сношеніями азіатскихъ народовъ, то воздѣйствіе, чрезъ посредство запада, сразу становилось неограниченнымъ и универсальнымъ въ силу подвижного характера и всесторонникъ сношеній Западной Европы. Переносъ столицы возвѣщалъ новый планъ измѣненій въ си-

стемѣ воздѣйствія, а завоеваніе балтійскихъ провинцій доставляло средство для осуществленія этого плана; оно сразу обезпечивало Россіи гегемонію среди сосѣднихъ сѣверныхъ странъ, оно ставило ее въ непосредственный и постоянный контактъ со всѣми пунктами Европы, оно создавало основу матеріальной связи съ морскими державами, которыя, въ силу этого завоеванія, становились въ зависимость отъ Россіи въ дѣлѣ пріобрѣтенія кораблестроительныхъ матеріаловъ, зависимость, которая не существовала, покуда Московія, страна, производившая главную массу кораблестроительныхъ матеріаловъ, не имѣла собственныхъ гаваней, тогда какъ Швеція, страна, державшая въ своихъ рукахъ эти гавани, не могла завоевать страны, лежащія за ними.

«Если московскіе цари, совершавшіе свои захваты главнымъ образомъ при помощи хановъ, вынуждены были татаризировать Москву, то Петръ Великій, который рѣшилъ дѣйствовать при помощи Запада, вынужденъ былъ цивилизировать Россію. Захвативъ Балтійскія провинціи, онъ тѣмъ самымъ пріобрѣлъ всѣ необходимыя для этого процесса орудія. Эти провинціи доставили ему не только дипломатовъ и генераловъ т. е. головы, въ которыхъ онъ нуждался для проведенія въ жизнь своей системы политическаго и военнаго воздѣйствія на западъ; онѣ въ тоже время выставили ему цѣлую армію бюрократовъ, школьныхъ учителей и военныхъ инструкторовъ, усердно покрывавшихъ русскихъ людей лакомъ той цивилизаціи, которая развиваетъ способность усваивать техническіе навыки западныхъ народовъ, но не ихъ идеи».

«Ни Азовское море, ни Черное, ни Каспійское море не могли открыть Петру этотъ прямой проѣздъ въ Европу... Изъ четырехъ войнъ, которыя наполняютъ всю военную жизнь Петра Великаго, первая война противъ турокъ, всѣ плоды которой потеряны были во время второй турецкой войны, продолжала въ одномъ отношеніи традиціонную борьбу противъ татаръ. Въ другомъ отношеніи это было только прелюдіей къ войнѣ противъ Швеціи, въ которой вторая турецкая война является эпизодомъ, а вторая съ Персіей—эпилогомъ. Такимъ образомъ, война съ Швеціей, длившаяся двадцать одинъ годъ, поглощаетъ почти всю военную жизнь Петра Великаго. Раз-

сматриваемъ ли мы ея цѣли, результаты или продолжительность, мы можемъ съ полнымъ основаніемъ назвать ее войной Петра Великаго. Все его твореніе опирается на завоеваніе Балтійскаго побережья».

Марксъ думалъ, что онъ нашелъ наконецъ рѣшеніе задачи и разгадалъ загадку Сфинкса, которой является существованіе русскаго колосса. А вмѣстѣ съ этимъ онъ также установилъ, откуда ведетъ свое происхожденіе англо-русское рабство, подъ игомъ котораго находилась Европа его времени.

«Развѣ тотъ фактъ, что преобразованіе московскаго государства въ великорусское совершалось путемъ превращенія его изъ полуазіатской континентальной страны въ господствующую державу Балтійскаго моря, развѣ уже одинъ этотъ фактъ не приводитъ насъ къ убѣжденію, что Англія, величайшая морская держава того времени, къ тому же еще морская держава, расположенная у входа въ Балтійское море, гдѣ она съ средины 17 столѣтія играла роль главнаго арбитра, должна была играть выдающуюся роль въ этомъ превращеніи? Что она должна была быть или главной опорой, или главнымъ противникомъ Петра при осуществленіи его плановъ, что въ теченіе долгой и смертельной борьбы между Швеціей и Россіей она должна была играть рѣшающую роль, что, если она не употребила всѣ свои силы, чтобы защищать Швецію, то мы съ увѣренностью можемъ сказать, что она пустила въ ходъ все, чтобы помочь Московіи? И все же въ томъ, что обыкновенно называется исторіей, Англія едва появляется на сценѣ и изображается больше, какъ зритель, чѣмъ актеръ этой драмы. Дѣйствительная исторія покажетъ намъ, что ханы Золотой Орды не въ большей степени были орудіями для выполненія плановъ Ивана III и его предшественниковъ, чѣмъ Англія орудіемъ Петра и его преемниковъ, планы которыхъ она помогала осуществлять».

Разсмотримъ поближе, чему учитъ насъ эта «дѣйствительная исторія».

IV. Татарское иго и русское самодержавіе.

«Непреоборимое вліяніе» Россіи, которое съ 18 столѣтія поражало всѣхъ мыслящихъ людей западной Европы и окончательно установилось въ первой половинѣ 19 столѣтія, въ неменьшей степени являлось загадкой и для русской интеллигенціи, слишкомъ осязательно чувствовавшей на себѣ весь политическій гнетъ русскаго колосса. Непрерывное развитіе и укрѣпленіе «государства», на ряду съ полной пассивностью «общества», превратило весь русскій народъ въ одну компактную массу, которую русскій абсолютизмъ бросалъ на вѣсы внѣшней политики съ рѣшительностью, не останавливавшейся ни предъ какими жертвами. Чѣмъ больше на Западѣ обнаруживалась противоположность между «государствомъ и обществомъ», тѣмъ ярче обнаруживался контрастъ между нимъ и Россіей. Если «правители» Европы смотрѣли съ завистью на русскій абсолютизмъ, не стѣсняемый никакимъ парламентомъ, а демократическіе элементы питали къ нему ненависть, то и для тѣхъ, и для другихъ одинаково не подлежало никакому сомнѣнію, что внѣшнее политическое могущество Россіи объясняется именно нераздѣльнымъ господствомъ абсолютизма. Наоборотъ, то обстоятельство, что внѣшняя политика и успѣхи въ ней являлись самой сильной стороной русскаго царизма, укрѣпляло его еще больше внутри страны и помогало ему безжалостно сокрушать всякія попытки оппозиціи. И если традиціонное представленіе о государственной власти, какъ о Деміургѣ національной исторіи, продол-

жаетъ господствовать и въ западной Европѣ, то въ Россіи оно было твердо установленнымъ догматомъ.

Одни проклинали царизмъ, другіе его благославляли. Но видѣли ли въ немъ, какъ во всей русской исторіи, совершенно самобытное явленіе, или только одну изъ фазъ общественнаго развитія, давно пройденную западной Европой,—онъ для всѣхъ одинаково являлся источникомъ всего историческаго развитія Россіи, ея главнымъ опредѣляющимъ факторомъ. И теперь еще наиболѣе видные представители русской исторической науки проводятъ рѣзкую грань между западной Европой и Россіей. Тамъ, на западѣ—государство было создано гражданскимъ обществомъ, и въ послѣднемъ приходится поэтому искать ключъ къ пониманію его историческаго процесса развитія. Въ Россіи, наоборотъ, государство создало «гражданское общество» и именно оно было движущей силой русской исторіи.

Послушаемъ, напримѣръ, Милюкова:

«Дѣло въ томъ, что у насъ государство имѣло огромное вліяніе на общественную организацію, тогда какъ на западѣ общественная организація обусловила государственный строй. Европейское общество строилось, такъ сказать, извнутри, органически, отъ низшихъ этажей къ высшимъ. Фундаментъ этой исторической постройки—крестьянство—сложился въ главныхъ чертахъ уже во время народныхъ переселеній VI—VIII столѣтій. Затѣмъ, на этомъ фундаментѣ надстроенъ былъ въ средніе вѣка второй этажъ—европейской феодальной аристократіи, сильной своимъ крѣпостнымъ крестьянствомъ. Наконецъ, только къ новому времени, путемъ упорной борьбы съ этимъ вторымъ общественнымъ слоемъ, путемъ отдѣльныхъ мелкихъ побѣдъ надъ правами и привиллегіями частныхъ лицъ, сословій, провинцій, выдвинулось сильное государство, постепенно и медленно расширявшее предѣлы своего вѣдѣнія. У насъ (въ Россіи) историческій процессъ шелъ какъ разъ обратнымъ порядкомъ,—сверху внизъ. Если оставимъ въ сторонѣ Кіевскую Русь, у которой были совсѣмъ другія условія историческаго развитія, въ сѣверо-восточной Руси представитель государственной власти, князь, былъ чуть ли не пер-

вымъ осѣдлымъ жителемъ государства. Вокругъ него все находилось въ движеніи, все населеніе приходило и уходило... Среди этого «жидкаго элемента» нашей исторіи, какъ любилъ выражаться историкъ Соловьевъ, мало по малу выдѣляется небольшой кругъ личныхъ помощниковъ князя, его «вольныхъ слугъ»... Изъ послѣднихъ образовался классъ землевладѣльцевъ, прикрѣпленныхъ къ князю. Только благодаря усиленнымъ совмѣстнымъ стараніямъ правительства и землевладѣльцевъ удается, наконецъ, привести и этотъ элементъ въ твердое, въ «крѣпостное» состояніе. Такимъ образомъ, у насъ государственная власть закрѣпляетъ подъ собой землевладѣльцевъ,—землевладѣльцы закрѣпляютъ подъ собой земледѣльцевъ. Этотъ способъ постройки надолго сохранилъ за верхомъ русскаго общества, за правительственной властью, руководящую роль въ процессѣ историческаго домостроительства. Русскому государству не только не приходилось бороться съ правами и привиллегіями частныхъ лицъ и общественныхъ группъ, но оно само старалось вызвать эти общественныя группы къ существованію и дѣятельности, съ тѣмъ, чтобы воспользоваться этой дѣятельностью для своихъ собственныхъ цѣлей» [1]).

Мы нарочно цитировали г. Милюкова, такъ какъ и въ Германіи его очерки—неожиданно для самого автора—были представлены, какъ «марксистская исторія культуры Россіи». Такъ же мало марксистъ, какъ и Лампрехтъ, хотя несомнѣнно испытавшій на себѣ вліяніе марксизма, г. Милюковъ принадлежитъ къ числу тѣхъ русскихъ историковъ, которые придавали большое значеніе «экономическому фактору» въ исторіи Россіи и много сдѣлали для изученія ея соціально-экономической и финансовой исторіи. И все таки, несмотря на этотъ крупный шагъ впередъ въ сравненіи со старой исторической школой, и для нихъ государство—какъ мы видѣли—съ извѣстнаго момента, въ отличіе отъ западной Европы, становится главнымъ опредѣляющимъ факторомъ русской исторіи.

Это традиціонное представленіе раздѣлялось и русскими революціонерами. И для нихъ было несомнѣнно, что наши

[1]) Милюковъ, П. Очерки по исторіи русской культуры. Петербургъ. 1898, сс. 115—117.

общественныя формы обязаны своимъ существованіемъ государству, что оно, по своему произволу, создавало общественные классы, что оно давало направленіе всему общественному развитію, что оно является главнымъ источникомъ угнетенія и эксплуатаціи трудящихся классовъ. Связанный съ идеализаціей порядковъ древней, до-Московской Россіи, этотъ тезисъ одинаково признавался и Бакунинымъ и Ткачевымъ, онъ же лежалъ въ основѣ всей тактики и политической дѣятельности «Народной Воли». Русскій царизмъ превращался въ тяжелое наслѣдіе стараго прошлаго, не имѣющее никакихъ корней въ настоящемъ, только мѣшавшее общественному развитію.

Въ нѣсколько модернизованномъ видѣ этотъ тезисъ вошелъ и въ новую соціалдемократическую программу, которая заявляетъ, что «царское самодержавіе является самымъ значительнымъ изъ всѣхъ пережитковъ до капиталистическихъ общественныхъ отношеній и что по самой природѣ своей оно враждебно всякому общественному движенію».

Откуда же взялся этотъ пережитокъ, отличавшійся, правда, не только удивительной живучестью, но и являвшійся источникомъ жизни для создаваемыхъ якобы имъ общественныхъ классовъ? Къ какому хронологическому пункту можно было пріурочить его происхожденіе? На какой стадіи докапиталистическихъ общественныхъ отношеній зародился этотъ архаическій продуктъ, по самой природѣ своей враждебный всякому общественному движенію?

Первые русскіе историки рѣшали этотъ вопросъ такъ же просто, какъ рѣшаютъ вопросъ о грѣхопаденіи человѣчества теологи. Добродушные славяне призвали «нѣмцевъ» устроить въ ихъ странѣ порядокъ и, послѣ ихъ политическаго грѣхопаденія, въ Россіи установилось самодержавіе. Съ этихъ поръ судьбы Россіи опредѣлялись судьбами самодержавія. Была ли русская монархія результатомъ добровольнаго призванія варяговъ славянами или, по мнѣнію другихъ, являлась результатомъ завоеванія—самодержавная власть представляетъ первичный факторъ всей дальнѣйшей русской исторіи. Въ зависимости отъ личныхъ свойствъ тѣхъ или другихъ монарховъ

самодержавіе слабѣло или укрѣплялось, а вмѣстѣ съ нимъ слабѣла или процвѣтала Россія. Послѣ расцвѣта при первыхъ Рюриковичахъ, единая Россія распадается, вслѣдствіе ошибочной политики Ярослава Мудраго, на многочисленные удѣлы, и, благодаря этому обстоятельству, становится жертвой татаръ, чтобы послѣ, благодаря на этотъ разъ мудрой политикѣ московскихъ князей, опять объединиться при Іоаннѣ III. Со времени же Романовыхъ, благодаря ихъ еще болѣе мудрой политикѣ, начинается непрерывный ростъ могущества и благоденствія Россіи.

Это примитивное представленіе, превращавшее Рюриковичей и Романовыхъ въ такихъ же создателей Россіи, какими Гогенцоллерны, по мнѣнію оффиціальной прусской исторіографіи, являлись для Германіи, встрѣтило уже протестъ среди декабристовъ, но продолжало господствовать до пятидесятыхъ годовъ, какъ оффиціальная философія исторіи Николаевской Россіи. Правда, подъ вліяніемъ гегелевской философіи, уже въ концѣ 40-хъ годовъ, замѣчается новое теченіе, но и оно, разрушая старую легенду, старалось только раціонализировать русскихъ князей и государей, отвлекаясь отъ конкретныхъ Рюриковичей и Романовыхъ и, превращая ихъ въ «первыхъ служителей государства», дѣлало изъ русской исторіи процессъ непрерывнаго развитія идеи государства.

Если первые русскіе историки старались больше доказать, что самодержавіе было полезно и, что Россія должна быть благодарна своимъ самодержцамъ, то новая школа доказывала его историческую необходимость и цѣлесообразность при наличности тѣхъ внѣшнихъ историческихъ условій, въ которыхъ протекала исторія Россіи. Взгляды ея пріобрѣли господство только въ шестидесятыхъ годахъ, и тогда же вызвали оппозицію со стороны демократическихъ теченій, указывавшихъ на значеніе «народа» и «общества» въ старой русской исторіи и видѣвшихъ упорную борьбу между «государствомъ» и «народомъ» тамъ, гдѣ только что упомянутые историки видѣли органическій процессъ. И тотъ факторъ, который помогъ московскимъ князьямъ окончательно справиться съ традиціями Кіевской Руси, видѣли именно въ татарскомъ нашествіи.

Мнѣніе, что татарскіе завоеватели произвели глубокое измѣненіе въ политическихъ отношеніяхъ русскаго общества, что они создали совершенно новую политическую іерархію, пользуется и до сихъ поръ популярностью среди демократическихъ элементовъ. Въ борьбѣ между народомъ и княземъ, которой исчерпывается, по ихъ мнѣнію, содержаніе русской исторіи до 15 вѣка, московскіе князья побѣдили только потому, что они были ставленниками хана. Опираясь на помощь татаръ, которыхъ они наводили на Русь, московскіе князья не нуждались въ поддержкѣ бояръ или народа для укрѣпленія своей власти и могли безпрепятственно заниматься расширеніемъ своей территоріи. Такимъ же образомъ, въ противоположность тѣмъ историкамъ, для которыхъ единодержавіе явилось результатомъ органическаго процесса и которые почти совершенно отрицали значеніе татарскаго ига, демократическіе элементы видѣли начало русскаго единодержавія въ татарскомъ игѣ, и смотрѣли на него, какъ на чуждый наростъ на народномъ организмѣ. Въ лицѣ московскихъ самодержцевъ побѣдила Азія, заглушившая Европу, частью которой была норманская Русь. Прошло не одно столѣтіе, пока начался петербургскій періодъ русской исторіи, который, съ этой точки зрѣнія, превращался въ періодъ, когда подъ вліяніемъ, въ особенности Петровскихъ реформъ, начался процессъ европеизаціи Россіи.

Главнымъ научнымъ авторитетомъ, на который опирались приверженцы этого взгляда, являлся близкій другъ Чернышевскаго, историкъ Костомаровъ. Въ наиболѣе полномъ и систематическомъ видѣ онъ изложилъ свои взгляды въ особой монографіи «Начало единодержавія въ древней Руси», опубликованной чрезъ 15 лѣтъ послѣ напечатанія разбираемыхъ нами статей Маркса. Сходство нѣкоторыхъ основныхъ идей этой работы со взглядами Маркса на значеніе татарскаго ига иногда доходитъ до буквальнаго совпаденія, какъ это видно изъ слѣдующей цитаты:

«Въ дотатарскій періодъ не выработалось никакихъ основъ для будущаго единодержавія въ Россіи, а тѣмъ болѣе не было сознательнаго стремленія къ нему... Съ татарскимъ завоеваніемъ произошелъ быстрый и крупный поворотъ... Прежде

надъ Русью не было единаго господина,—теперь онъ явился впервые въ особѣ грознаго завоевателя, хана. Русь, покоренная его оружіемъ, стала его военною добычей, его собственностью; всѣ русскіе, отъ князя до холопа, стали его рабами безъ исключенія. Въ этомъ то рабствѣ Русь нашла свое единство, до котораго не додумалась въ періодъ свободы... Ханы подняли званіе старѣйшаго князя, дали ему власть и силу... Оно получалось однимъ путемъ—поклонами и угодничествомъ владыкѣ... Раболѣпство передъ завоевателемъ служило единственнымъ ручательствомъ за спокойствіе страны [1])...

Для Маркса татарское нашествіе играетъ роль стихійнаго фактора, вторгнувшагося въ русскую исторію: однимъ ударомъ татары снесли всѣ европейскіе начатки и превратили Кіевскую Русь въ азіатскую страну. Татарское иго деморализовало не только князей, но и весь народъ, превративъ его въ раба. Татарщина наградила Россію деспотизмомъ, она же дала ей крѣпостное право. Московская Россія до самаго Петра остается азіатскою страной.

Марксъ не щадитъ черныхъ красокъ для описанія всѣхъ гнусностей московскихъ князей. Такъ же поступаютъ Костомаровъ и его послѣдователи. Но въ то время, какъ послѣдніе стараются отдѣлить князей отъ народа, и, безпощадно разоблачая легенды о личныхъ доблестяхъ московскихъ Ивановъ, Дмитріевъ и Васильевъ, указываютъ на упорное сопротивленіе и геройскую борьбу противъ татаръ, Марксъ отрицаетъ у русскаго народа тѣ качества, которыя онъ признаетъ за испанцами. Увлеченный своей основной мыслью, онъ забываетъ, что и испанцамъ понадобилась не одна сотня лѣтъ, чтобы избавиться отъ арабскаго господства. Даже Костомаровъ, своей безпощадной критикой разрушившій легенду о личномъ геройствѣ Дмитрія Донского, при которомъ татарамъ нанесено было первое сильное пораженіе, характеризуетъ Куликовскую битву (въ 1380) такими же словами, какими обыкновенно опредѣляется значеніе сраженія при Las Navas de Tolosa (въ 1212).

Марксъ совершенно правъ, когда указываетъ на глубокое

---

[1]) Костомаровъ, Н. Собраніе сочиненій, томъ 5. Начало единодержавія въ древней Руси. Петербургъ 1905, сс. 5—95.

отличіе норманской Россіи отъ московской. Такъ же мало, какъ имперія Оттоновъ можетъ быть названа колыбелью Бранденбурга, можетъ и Кіевская Русь считаться колыбелью Москвы. Но изъ этого еще не слѣдуетъ дѣлать выводъ о какой нибудь непроходимой пропасти между этими двумя періодами русской исторіи. Не слѣдуетъ забывать, что татарское нашествіе нашло Кіевскую Русь далеко не въ такомъ видѣ, какой она имѣла въ періодъ своего расцвѣта въ X — XII вѣкахъ. Хотя она и тогда находилась на большой дорогѣ народовъ, черезъ которую изъ глубины Азіи выливались на западную Европу одинъ потокъ кочевниковъ за другимъ, хотя въ теченіе всего этого времени ей приходилось бороться съ хазарами, печенѣгами и половцами, ей удавалось справляться съ набѣгами. Кіевъ тогда былъ цвѣтущимъ торговымъ городомъ, черезъ который шла торговая дорога между скандинавскими странами и Константинополемъ. Какъ разъ тогда, когда Германія, оставшаяся долго изолированной отъ главныхъ дорогъ міровой торговли и соприкасавшаяся съ ними очень слабо на Рейнѣ, съ началомъ крестовыхъ походовъ и перенесеніемъ центра тяжести всемірной торговли изъ Константинополя въ Италію, начинаетъ выходить изъ натуральнаго хозяйства, Кіевская Русь перестала играть старую роль посредника между Константинополемъ и скандинавскими странами. Продукты охоты и рыболовства, направлявшіеся прежде въ Кіевъ, теперь, при посредствѣ Пскова и Новгорода, направляются къ Балтійскому морю, гдѣ торговля измѣняетъ кореннымъ образомъ свой характеръ, какъ разъ въ теченіе XII и XIII столѣтій, гдѣ къ тому времени начинается быстрое развитіе городовъ Любека и Висби. Ко времени татарскаго нашествія Кіевъ уже давно потерялъ свое торговое значеніе, и центръ тяжести политической и экономической жизни перемѣстился съ юга-запада на сѣверо-востокъ.

Марксъ самъ указываетъ, что прошло около ста лѣтъ со времени татарскаго нашествія, пока Москва начала выдѣляться изъ среды остальныхъ княжествъ. Кромѣ относительной безопасности отъ татарскихъ набѣговъ, ея возвышенію въ значительной степени способствовало то обстоятельство, что

она находилась на перекресткѣ двухъ самыхъ торговыхъ путей—съ Волги къ западной Двинѣ и изъ Новгорода въ Рязанскую область. Въ Москву въ XV вѣкѣ стекалось множество европейскихъ торговцевъ изъ Польши и Германіи для покупки мѣховъ. Главная отрасль промышленной дѣятельности стараго времени—добывающая: охота, бортничество и рыболовство — дополняется и смѣняется земледѣліемъ. Увеличивается осѣдлое населеніе, прикрѣпленное своими занятіями къ землѣ. Въ Москвѣ и въ другихъ городахъ увеличивается посадское, т. е. торгово-промышленное населеніе.

Конечно, союзъ съ татарскимъ ханомъ давалъ извѣстныя преимущества, но въ борьбѣ между Тверью и Москвой побѣдили въ послѣдней инстанціи не козни и интриги Московскихъ князей—въ этомъ отношеніи тверскіе князья мало чѣмъ уступали своимъ соперникамъ,—а экономическое превосходство Москвы, наполнявшее деньгами тотъ кошелекъ, при помощи котораго Иванъ Калита и его преемники могли въ Золотой ордѣ покупать себѣ ярлыки на великое княженіе и право на сборъ дани. Какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о внѣшнемъ вліяніи, характеръ и сила послѣдняго опредѣлялись внутренними условіями. Какъ ставленникъ хана, московскій князь одерживалъ побѣду не въ борьбѣ за укрѣпленіе абсолютизма, а въ конкуренціи между отдѣльными князьями. Онъ и сталъ, въ концѣ концовъ, самодержцемъ всея Руси не въ смыслѣ абсолютнаго, неограниченнаго государя, а въ смыслѣ независимаго, суверенаго государя. Московскій князь не былъ абсолютнымъ государемъ даже въ предѣлахъ собственнаго княжества, и прошло еще много десятковъ лѣтъ, пока ему удалось, опираясь на торгово-промышленное населеніе и служилое сословіе, справиться съ потомками старыхъ удѣльныхъ князей и боярской оппозиціей.

Татарская опасность въ исторіи образованія Россіи играла точно такую же роль, какъ «турецкая опасность» въ исторіи созданія Австро-Венгріи, сарацинская въ исторіи Испаніи, шведская—въ исторіи Пруссіи и т. д. Заставляя напрягать всѣ военныя средства страны, она рѣшала споръ въ пользу той ея части, которая могла выставить самую крупную силу, а этотъ вопросъ рѣшался не личными качествами Габсбурговъ,

Гогенцоллерновъ, Рюриковичей, а экономическими и финансовыми средствами области, во главѣ которой они стояли. Что касается исторіи русскаго абсолютизма, то въ ней мы встрѣчаемъ ровно столько же специфически татарскихъ вліяній, сколько въ исторіи, скажемъ, прусскаго и англійскаго.

Лучшимъ доказательствомъ служитъ исторія русскаго самодержавія со времени Іоанна III, когда оно, по общему признанію, окончательно установилось въ Россіи. На всемъ протяженіи «до капиталистическихъ отношеній», вплоть до эпохи великихъ реформъ, оно менѣе всего является primus agens. Характеръ и даже внѣшняя форма его сильно и непрерывно измѣнялись. Такъ же, какъ и западная Европа, Россія пережила процессъ образованія сословной монархіи. И если этотъ процессъ, какъ и процессъ смѣны сословной монархіи, въ Россіи растянулся, если господство абсолютной монархіи длилось дольше, чѣмъ въ нѣкоторыхъ странахъ западной Европы, то это обстоятельство можетъ и должно быть объяснено такъ же, какъ аналогичное развитіе абсолютной монархіи въ Пруссіи и Австріи. Элементы, изъ которыхъ создался абсолютизмъ въ Россіи, такъ же мало являются его продуктомъ, какъ и элементы, изъ которыхъ образовался абсолютизмъ въ Пруссіи, являются продуктомъ послѣдняго. Развитію абсолютизма въ большей или меньшей степени благопріятствуетъ наличность внѣшней опасности, наличность національныхъ, или областныхъ антагонизмовъ, но онъ немыслимъ безъ централизаціи экономической жизни, безъ товарнаго производства, безъ денежнаго хозяйства, какъ онъ немыслимъ безъ арміи и безъ финансовъ.

Онъ такъ мало является «пережиткомъ до капиталистическихъ отношеній», что, наоборотъ, только на извѣстной стадіи развитія капитализма достигаетъ апогея своего развитія.

«По самой природѣ своей» онъ является орудіемъ экономической и политической эксплуатаціи, и исторія абсолютизма въ Россіи, какъ и въ западной Европѣ, сводится къ исторіи борьбы господствующихъ классовъ и ихъ фракцій за обладаніе этимъ могучимъ орудіемъ и приспособленіе его къ ихъ потребностямъ.

Для Маркса всѣ эти внутреннія условія развитія абсолютизма въ Россіи совершенно исчезаютъ. Поэтому, въ его изображеніи совершенно пропадаютъ два столѣтія русской

исторіи отъ Іоанна III до Петра, которыя отмѣчаются коренной перегруппировкой общественныхъ классовъ. Достаточно указать, что въ началѣ этого періода мы еще находимъ свободное крестьянство, которое окончательно закрѣпощается при Петрѣ I. Какъ и въ Германіи, капиталистическая эпоха въ деревнѣ имѣла своей провозвѣстницей эпоху сельско-хозяйственнаго крупнаго производства на основѣ крѣпостного и барщиннаго труда. Побѣда абсолютной монархіи надъ старымъ родовымъ дворянствомъ куплена была за счетъ свободнаго крестьянства, которое было отдано въ жертву новому дворянству. Какъ разъ, когда абсолютизмъ выступаетъ на европейскую арену въ полномъ блескѣ своего могущества, онъ становится окончательно орудіемъ въ рукахъ дворянства. XVIII-й вѣкъ — это эпоха разнузданнаго господства дворянства, и самымъ дворянскимъ царствованіемъ является царствованіе Екатерины II, преданнаго «друга» европейскихъ энциклопедистовъ.

Пропустивъ всю внутреннюю исторію Россіи отъ Іоанна III до Петра I, Марксъ заперъ себѣ путь къ пониманію ея внѣшней политики. Какъ мало помогло Россіи присвоенное ею себѣ, по словамъ Маркса, могущество Золотой орды, показываетъ исторія Россіи въ теченіи XVI и XVII столѣтій, когда ей приходится вести упорную борьбу на сѣверѣ со Швеціей, на западѣ съ Ливоніей и Польшей, на югѣ съ крымскими татарами и послѣ турками, на востокѣ опять-таки съ татарами. Какъ будто повторяя исторію Пруссіи, русскіе историки изображаютъ процессъ превращенія Россіи въ военную монархію подъ вліяніемъ этихъ непрерывныхъ войнъ, опустошавшихъ многія области Московской Россіи несравненно сильнѣе и болѣе систематически, чѣмъ татарское иго. Крымскій ханъ самымъ непочтительнымъ образомъ относился къ преемнику Чингисъ-хана и такъ же настойчиво требовалъ дани, какъ ханы Золотой Орды. Если въ концѣ XV столѣтія венеціанцы, папа и Максимиліанъ дѣлаютъ еще попытки привлечь Москву къ участію въ борьбѣ съ «турецкой опасностью», то проходитъ почти двѣсти лѣтъ, пока, въ концѣ XVII столѣтія, Россія настолько укрѣпляется, что перестаетъ быть quantité negligeable въ области европейской политики.

Одной изъ причинъ, задержавшихъ темпъ развитія Россіи, была та же самая причина, которой Марксъ объяснялъ задержку въ развитіи Германіи, начиная съ XVI столѣтія: новое измѣненіе торговыхъ путей. Характерно, что самая упорная борьба между Польшей и Ливоніей съ одной стороны и Москвой за обладаніе Балтійскимъ моремъ происходила какъ разъ тогда, когда ось міровой торговли перемѣстилась съ балтійскаго меридіана на побережья атлантическаго океана. Паденіе Ганзы нанесло новгородской торговлѣ болѣе жестокій ударъ, чѣмъ подчиненіе Москвѣ. Соперничество лифляндскихъ городовъ и шведскихъ купцовъ добивало уже падавшую Ганзу. Политическое значеніе ея падало вмѣстѣ съ ея экономическимъ могуществомъ. Господство на Балтійскомъ морѣ переходитъ отъ поляковъ къ шведамъ, которые окончательно запираютъ русскимъ выходъ въ Балтійское море. Нарву, которою русскіе овладѣли въ 1558 г., они вынуждены были отдать шведамъ въ 1581 г. Такимъ образомъ, Россія, торговля которой получила сильный толчокъ вслѣдствіе пріобрѣтенія Казани и Астрахани, лишилась возможности принимать самостоятельное участіе въ торговлѣ на Балтійскомъ морѣ, какъ разъ тогда, когда она присоединила къ себѣ Сибирь, и когда Волга стала вполнѣ русской рѣкой.

Россіи, такимъ образомъ, грозилъ полный экономическій застой. Но торговля съ Западной Европой, шедшая до сихъ поръ главнымъ образомъ черезъ Балтійское море, нашла себѣ новый выходъ. Его проложили англичане черезъ Бѣлое море. Въ 1584 г. основанъ былъ Архангельскъ, который съ тѣхъ поръ становится главнымъ центромъ внѣшней торговли Россіи и остается имъ до основанія Петербурга. За англичанами явились голландцы. Тѣмъ, что Петръ I сумѣлъ укрѣпиться на Балтійскомъ морѣ, онъ въ послѣднемъ счетѣ обязанъ англичанамъ и голландцамъ. И если уже говорить о «винѣ», которая падаетъ на Англію, какъ главную виновницу возвышенія Россіи, то это преступленіе совершено Англіей задолго до Сѣверной войны. Чтобы понять, какъ и почему складывались отношенія между Англіей и Россіей въ XVIII столѣтіи, намъ необходимо познакомиться съ той ролью, которую Англія сыграла въ дѣлѣ «европеизаціи» Россіи.

V. Европеизація Россіи подъ вліяніемъ англійской торговли.

Огромная роль, которую играла колоніальная система, какъ одинъ изъ главныхъ моментовъ первоначальнаго накопленія, заставляетъ часто забывать, что классическая страна капитализма, Англія, вплоть до XVII вѣка, почти не имѣла колоній, что только со второй половины этого вѣка можно говорить объ Англіи, какъ о колоніальной державѣ.

Въ то время, какъ португальцы и испанцы постепенно овладѣвали Новымъ Міромъ и торговлей азіатскими продуктами, англичане заняты были тѣмъ, что освобождались отъ зависимости отъ ганзейцевъ, въ рукахъ которыхъ находилась вся ихъ внѣшняя торговля. Въ 1552 году у Ганзы были отняты ея главныя привиллегіи въ Англіи, и почти въ это же время изъ купцовъ и нѣкоторыхъ представителей дворянства составилась въ Лондонѣ компанія съ цѣлью подорвать португальскую торговлю пряностями. Въ 1553 году снаряжена была экспедиція, которая должна была направиться въ Индію чрезъ сѣверо-восточный проходъ. Экспедиція кончилась неудачей. Начальникъ ея, Виллоугби (Willoughby), погибъ съ двумя кораблями, но капитанъ третьяго корабля «Благое предпріятіе», Ричардъ Ченслеръ (Chancelor), былъ прибитъ къ берегу Бѣлаго моря, къ устьямъ Сѣверной Двины. Оттуда онъ попалъ въ Москву, гдѣ и былъ принятъ очень радушно Иваномъ Грознымъ [1]).

---

[1]) Ливонія, Польша, Швеція не хотѣли пропускать въ Россію ни оружія, ни техниковъ. Какъ разъ незадолго предъ этимъ кончилась неудачей попытка доставить въ Россію нѣсколько десятковъ ремесленниковъ, наборщиковъ, врачей. Императоръ Рудольфъ II поступалъ не лучше.

Когда Ченслеръ вернулся въ Лондонъ, то общество его получило хартію на право монопольной торговли съ Россіей и со всѣми странами, которыя ему удастся открыть. Это было общество «Merchant Adventurers for the Discovery of Lands, Countries, Isles, not before Known or frequented by any English (общество купцовъ предпринимателей для открытія странъ, земель, острововъ, даже еще неизвѣстныхъ или не бывшихъ въ сношеніяхъ съ Англіей), больше извѣстное подъ названіемъ Московской (Moscovy) или Русской (Russian) Компаніи, подъ которымъ упоминаетъ ее и Марксъ. Послѣ «Merhant Adventurers of England», получившей свою хартію въ 1505 г., это самая крупная торговая компанія въ XVI столѣтіи.

Въ 1555 г. Ченслеръ былъ снова посланъ въ Россію, гдѣ онъ опять принятъ былъ очень милостиво. Русской Компаніи было пожаловано право на безпошлинную торговлю всякими товарами по всей Россіи. Кромѣ того, всѣ споры между англійскими купцами и русскими должны были разбираться самимъ царемъ. Иванъ Грозный, которому въ англійской грамотѣ данъ былъ громкій титулъ «emperor of all Russia (Императоръ всея Россіи)», рѣшилъ завязать непосредственныя сношенія съ англійскимъ правительствомъ. Вмѣстѣ съ Ченслеромъ былъ отправленъ царскій посланникъ Осипъ Непея. Корабль потерпѣлъ крушеніе, богатый грузъ изъ русскихъ произведеній—воскъ, сало, мѣха, войлокъ и канатная пряжа—погибъ, большая часть экипажа вмѣстѣ съ Ченслеромъ потонула, но Непеѣ удалось спастись. Въ Лондонѣ ему былъ оказанъ самый почетный пріемъ. Вмѣстѣ съ Непеей въ Россію поѣхалъ Дженкинсонъ, извѣстный путешественникъ. Ему, съ разрѣшенія Грознаго, удалось добраться по Волгѣ и Каспійскому морю до Средней Азіи. Послѣ этого путешествія, Русская Компанія начинаетъ добиваться свободной торговли чрезъ Россію съ Персіей. Въ 1569 г. монополія англичанъ была подтверждена, и компаніи было разрѣшено безпошлинно провозить товаръ въ Бухару и Cathay (Китай и Индію).

Но, слѣдомъ за англичанами, явились голландцы. Явившись позднѣе англичанъ, они получили меньше льготъ и

часто должны были прибѣгать къ посредничеству англичанъ. Отношенія между конкурентами скоро обострились, и голландцы пользовались всякими средствами, чтобы лишить англичанъ ихъ монопольнаго положенія. Они указывали, что Англія торгуетъ чужими товарами и беретъ за нихъ неслыханныя цѣны.

Въ обмѣнъ на тѣ льготы, которыя онъ предоставилъ англичанамъ, Грозный надѣялся добиться отъ Англіи помощи въ борьбѣ съ Польшей и Швеціей. Но Елизавета упорно отказывалась отъ всякаго союза,—не потому, что она боялась возвышенія Россіи: такой союзъ могъ быть выгоденъ только послѣдней и совершенно безполезенъ для Англіи.

«По мѣрѣ того, какъ Англія начала выдвигаться, какъ торговое государство, интересы ея становились враждебнѣе интересамъ Испаніи, великой торговой державы шестнадцатаго столѣтія, которая господствовала въ западной части Средиземнаго моря и стремилась къ исключительному господству на океанѣ. Почти всюду, гдѣ англійская торговля пыталась упрочиться, она натыкалась на сопротивленіе или задержки со стороны Испаніи... Такимъ образомъ, въ шестнадцатомъ столѣтіи Испанія стала для Англіи исконнымъ врагомъ, сосудомъ всякой мерзости» [1]).

Этимъ антагонизмомъ опредѣлялась вся внѣшняя политика Елизаветинской Англіи. Создавать себѣ новыхъ враговъ наканунѣ Армады было бы очень неосторожно, тѣмъ болѣе, что русско-англійскія торговыя сношенія на Бѣломъ морѣ вызывали сильное неудовольствіе балтійскихъ державъ.

Упорство Англіи разсердило, наконецъ, царя, и онъ, послѣ сердитаго письма Елизаветѣ [2]), въ 1570 г. отнимаетъ у англичанъ всѣ привилегіи и право торговли съ Персіей. Русская Компанія немедленно подняла крикъ и обратилась къ

---

[1]) Karl Kautsky, Thomas More und seine Utopie .Stuttgart 1907, c. 237-8.

[2]) «И мы чаяли того, что ты на своемъ государствѣ Государыня и сама владѣешь и своей государской чести смотришь и своему государству прибытка. И мы потому такія дѣла хотѣли съ тобою дѣлать. Ажно у тебя мимо тебя люди владѣютъ и не токмо люди, но мужики торговые, и о нашихъ государскихъ головахъ и о честяхъ и о земляхъ прибытка не смотрятъ, а ищутъ своихъ торговыхъ прибытковъ. А ты пребываешь въ своемъ дѣвическомъ чину, какъ есть пошлая дѣвица». Худшаго ругательства Іоаннъ не могъ подобрать.

Елизаветѣ съ просьбой спасти англійскую торговлю отъ разоренія. Несмотря на ругань Грознаго, она посылаетъ опять Дженкинсона, которому удается—правда не надолго—добиться старыхъ льготъ. Больше всего Грознаго возмущало то, что «купеческія дѣла поставлены впереди и сочтены важнѣе нашихъ (царскихъ) дѣлъ, хотя ихъ успѣхъ долженъ бы зависѣть отъ сихъ послѣднихъ», и онъ грозился передать всю торговлю въ руки венеціанцевъ и германцевъ. Гнѣвъ на милость онъ смѣнилъ только въ 1580 г., когда былъ вынужденъ обратиться къ Англіи, чтобы получить военные припасы для войны противъ Швеціи и Польши. Елизавета поспѣшила удовлетворить эту просьбу, и весною 1581 г. въ Россію было отправлено 13 судовъ со всякими припасами. Новое предложеніе Грознаго заключить союзъ противъ Стефана Баторія было отклонено. Несмотря на происки голландцевъ, Грозный долженъ былъ опять утвердить привилегіи англичанъ, такъ какъ къ этому времени онъ окончательно потерялъ всѣ свои завоеванія на Балтійскомъ морѣ. Когда вскорѣ затѣмъ Грозный умеръ (въ 1584 г.), одинъ изъ заклятыхъ враговъ англичанъ и благопріятель нѣмцевъ въ торговлѣ, дьякъ Щелкаловъ, (котораго англичане обвиняли въ томъ, что онъ подкупленъ голландцами) сказалъ англійскому послу: англійскій царь умеръ [1]).

Мы видѣли, что Англія, въ высшей степени дорожа торговыми сношеніями съ Россіей, упорно отказывалась отъ всякаго политическаго союза съ нею и смотрѣла на нее только, какъ на колонію. Вопросъ о господствѣ на Балтійскомъ морѣ въ это время ее совершенно не интересовалъ. Она такъ же мало была склонна помогать Швеціи, какъ и Россіи. На первомъ планѣ стояли торговые интересы и желаніе сохранить въ своихъ рукахъ монополію торговли съ Россіей чрезъ Бѣлое море, гдѣ ей меньше приходилось считаться съ соперничествомъ голландцевъ и шведовъ. Въ 1583 г. Елизавета, вопреки настойчивымъ просьбамъ Густава, короля шведскаго, заключила съ Даніей договоръ о свободномъ пропускѣ англійскихъ кораблей къ устью Двины, причемъ выго-

1) Костомаровъ. Очеркъ торговли моск. гос. въ XVI и XVII ст. въ Собраніи сочиненій, томъ восьмой, с. 284. Петербургъ, 1906 г.

ворила для нихъ право безпрепятственно заходить, если случится бурная погода, въ норвежскія и исландскія гавани. Число англійскихъ кораблей, посѣщавшихъ Россію, увеличивалось изъ года въ годъ и въ 1582 г. дошло до 9. Въ 1584 г. у устьевъ Двины былъ заложенъ новый городъ, получившій названіе Новыхъ Холмогоръ, и въ 1637 переименованный въ Архангельскъ. До основанія Петербурга, это былъ главный коммерческій портъ Россіи, чрезъ который шла вся ея торговля. Наиболѣе важными предметами вывоза въ Англію были мѣха, кожи, ленъ, пенька, канаты, мачтовый лѣсъ, сало, смола и деготь; ввозили же англичане въ Россію главнымъ образомъ сукна, шерстяныя и шелковыя матеріи, галантерейные товары, сахаръ, бумагу и металлы.

Послѣ смерти Грознаго положеніе англичанъ ухудшилось: они должны были платить пошлины, правда въ половинномъ размѣрѣ, и только съ воцареніемъ Бориса Годунова они получили въ 1602 г. опять право на безпошлинную торговлю, которое было подтверждено имъ въ 1605 г. Но на всякое предложеніе о союзѣ Англія отвѣчала отказомъ.

«Смутное время» очень чувствительно отзывалось на торговыхъ оборотахъ англичанъ, и въ Англіи приняли самымъ радушнымъ образомъ посла съ извѣщеніемъ о вступленіи на престолъ Михаила Романова. Московское правительство оставило за англичанами всѣ ихъ привилегіи. Англія опять таки отказалась отъ союза, но предложила свое посредничество въ заключеніи мира между Швеціей и Россіей, чтобы обезпечить за собой право торговли съ Персіей и право отыскивать путь въ Индію. Въ 1617 г. въ Столбовѣ былъ заключенъ миръ, причемъ англійскій посолъ жаловался на интриги голландскихъ пословъ, также фигурировавшихъ въ качествѣ посредниковъ. Англичане все сильнѣе начинаютъ чувствовать конкуренцію голландцевъ, которые уже успѣли тогда завоевать господствующее положеніе въ Балтійской торговлѣ. Кромѣ того, все сильнѣе становилась оппозиція московскихъ купцовъ, съ которыми Романовымъ пришлось серьезно считаться.

Повторилась — только въ другомъ масштабѣ — та же исторія, что въ Англіи съ ломбардцами и ганзейцами. Московскіе купцы оказались такими же горячими «націона-

листами», какъ и лондонскіе, и они не успокоились, пока у англичанъ не были отняты привилегіи.

При Михаилѣ Россія дѣлаетъ первую попытку обезпечить себѣ путемъ союза съ Англіей субсидію, но ей удалось получить всего 40.000 ефимковъ въ видѣ пособія. Московское купечество, наконецъ, добилось, чтобы англичанамъ не давали права безпошлинно торговать съ Персіей. Это былъ первый шагъ. Англійская революція доставила желанный поводъ лишить англичанъ тѣхъ льготъ, которыми они пользовались почти сто лѣтъ. Больше всего негодовали противъ мятежныхъ англичанъ и возбуждали, вмѣстѣ съ московскимъ купечествомъ, противъ нихъ правительство, именно, протестанты и республиканцы—голландцы.

Въ 1646 г. московскіе купцы подали царю Алексѣю жалобу на иностранныхъ купцовъ и просили спасти ихъ отъ разоренія.

«Всѣми торгами, которыми искони мы торговали, завладѣли англійскіе нѣмцы и оттого мы отъ своихъ вѣчныхъ промысловъ отстали и къ Архангельску больше не ѣздимъ». Англичане «все московское государство оголодили: покупая въ Москвѣ и въ городахъ мясо и всякій харчъ и хлѣбъ, вывозятъ въ свою землю». Къ этому они прибавляютъ аргументъ, который долженъ быть особенно убѣдителенъ для правительства: англичане «крадутъ государеву пошлину», и уличаютъ ихъ въ томъ, что они не могутъ ссылаться на свою хартію, потому что англичане «торговые люди отъ короля своего Карлуса отложились и бьются съ нимъ четвертый годъ».

Но только 1 іюня 1649 г., послѣ казни Карла I, царскимъ указомъ высланы всѣ англійскіе купцы изъ Москвы и другихъ городовъ: «великому государю нашему вѣдомо учинилось, что англичане всей землею учинили большое злое дѣло: государя своего Карлуса убили до смерти и за такое злое дѣло въ Московскомъ государствѣ Вамъ быть не довелось».

Но негодованіе было не настолько сильно, чтобы совершенно отказаться отъ англійской торговли. За англичанами оставлено было право пріѣзжать въ Архангельскъ, но отмѣ-

нялось ихъ право торговать безпошлинно. Въ всякомъ случаѣ для Русской Компаніи это былъ чувствительный ударъ.

Претенденту (будущему Карлу II), обратившемуся съ просьбой о денежной помощи, было отказано, и вмѣсто 100.000 руб. ему было послано соболей на 15.000 руб. и хлѣба на 5.000 руб. Попытка Кромвеля вернуть привилегіи англійскихъ купцовъ кончилась неудачей. Но и восшествіе на престолъ Карла II, несмотря на возобновившіяся дружескія отношенія съ Англіей, не привело къ возстановленію старыхъ привилегій; англійскій резидентъ отъ имени Карла II призналъ царскій указъ 1649 г. знакомъ особой дружбы къ королю и выразилъ надежду, что теперь, послѣ реставраціи, это наказаніе, наложенное на непокорныхъ подданныхъ короля, будетъ снято. Но, несмотря на это угодничество, послѣ долгихъ переговоровъ, англичане получили только право ѣздить въ Москву въ количествѣ не больше 10 купцовъ. Съ 1664 г., когда Англія получила этотъ отрицательный отвѣтъ, до начала XVIII вѣка, старыя дружескія отношенія измѣнились къ худшему.

Англичане, правда, не ушли. Они только вынуждены были отказаться отъ безпошлинной торговли. Голландцы добились уравненія въ условіяхъ конкуренціи.

Но Россія была уже опять связана съ Европой крѣпкими узами внѣшней торговли. Именно въ XVII вѣкѣ, подъ вліяніемъ англичанъ и голландцевъ, начался такъ называемый процессъ европеизаціи Россіи.

Денежное хозяйство, развитіе котораго было задержано въ XVI вѣкѣ, пока совершался процессъ перемѣщенія торговыхъ путей, сейчасъ же послѣ, смутнаго времени, начинаетъ быстро развиваться. Образуется цѣлый рядъ новыхъ торговыхъ центровъ, по главнымъ дорогамъ къ Москвѣ и изъ Москвы на сѣверъ въ Архангельскъ. Изъ Москвы шло 6 торговыхъ путей: «Москва была средоточіемъ торговой дѣятельности для всей Россіи. Значеніе ея возвышалось еще тѣмъ, что правительство само занималось торговыми операціями, и самъ царь, какъ выразился одинъ англичанинъ, былъ первымъ русскимъ купцомъ въ Россіи» [1]). Изъ Москвы товары

[1]) Н. Костомаровъ, тамъ же, стр. 284.

чрезъ Ярославль, Ростовъ и Переяславль отправлялись въ Вологду, гдѣ англичане скупали привозившійся туда ленъ и имѣли складочный пунктъ для своихъ товаровъ, и откуда они направлялись въ Архангельскъ. Рядомъ съ Москвой въ центрѣ Россіи развивался Нижній-Новгородъ, который въ XVIII вѣкѣ сдѣлался складочнымъ мѣстомъ для азіатскихъ товаровъ, привозимыхъ изъ Астрахани, западно-европейскихъ—изъ Архангельска, сибирскихъ—изъ Казани, московскихъ для отправки на Востокъ. Этотъ же городъ сдѣлался мѣстомъ закупки хлѣба и сбыта его въ сѣверныя области. Съ помощью цѣлой сѣти мелкихъ скупщиковъ, крупное купечество опутало всю страну и захватило въ свои руки всю внутреннюю торговлю. Отстаивая свои привилегіи, англичане совершенно вѣрно указывали, что ихъ торговля была выгодна для мелкихъ торговцевъ. Но именно это обстоятельство настраивало противъ нихъ крупное купечество. Оно хотѣло стать исключительнымъ посредникомъ между иностранными торговцами и русскими производителями и потребителями. Новоторговымъ уставомъ 1667 г. иностранцамъ было дозволено торговать во внутреннихъ городахъ Россіи только по особымъ государевымъ грамотамъ и притомъ со взысканіемъ съ нихъ особыхъ дополнительныхъ сборовъ. Они были обложены проѣзжей пошлиной въ размѣрѣ 20 денегъ съ рубля, какъ за ввозимые, такъ и за вывозимые изъ Россіи товары.

О размѣрахъ вывозной торговли чрезъ Архангельскъ трудно составить себѣ точное понятіе. Въ 1653 г., т. е. въ годъ, когда торговля съ англичанами въ значительной степени пострадала, вывозъ равнялся 1.032,406 тогдашнимъ рублямъ—сумма для того времени крупная [1]). Средняя сумма таможеннаго дохода въ Архангельскѣ составляла 70.000 руб. въ годъ. Къ началу царствованія Петра вывозъ черезъ Архангельскъ равнялся уже 3 милліонамъ.

Въ XVII же вѣкѣ началось насажденіе индустріи при помощи голландцевъ, англичанъ, гамбуржцевъ. Въ 1630-хъ годахъ голландскій капиталистъ Виніусъ получилъ привилегію

---

[1]) По разсчету Ключевскаго, рубль 1651—1700 г. соотвѣтствовалъ 17-ти нынѣшнимъ.

на устройство желѣзнаго завода около Тулы. Такимъ путемъ возникли знаменитые Тульскіе заводы. Въ 1670 году составилась компанія подъ руководствомъ гамбургскаго капиталиста Марселіуса и голландскаго Акима, получившая такую же привилегію на устройство желѣзныхъ заводовъ на Вагѣ, Костромѣ и Шекснѣ.

Купечество, которое такъ ревниво относилось къ привилегіямъ иностранныхъ торговцевъ, поощряло правительство въ выдачѣ привиллегій промышленныхъ. «Какъ станетъ у англичанъ какой промыселъ, то и государевы люди станутъ тѣмъ же промышлять. Если англичане будутъ находить руды и выдѣлывать желѣзо, то никому убытку не будетъ, а только прибыль».

Москва становится во второй половинѣ XVII вѣка средоточіемъ, куда массами стекаются ремесленники, техники, авантюристы и шарлатаны. Уже около половины XVII вѣка, по свидѣтельству Олеарія, въ Москвѣ считалось до тысячи однихъ только протестантскихъ семействъ—главнымъ образомъ англичане (шотландцы) и голландцы. Нѣмецкая слобода была нѣмецкой только по имени. Первое мѣсто въ ней занимаютъ англичане и шотландцы. Та самая революція, которая дала поводъ московскому правительству лишить англичанъ ихъ привилегій, пригнала въ Москву всѣхъ недовольныхъ Кромвелемъ,—Дрюмондовъ, Гамильтоновъ, Дальціелей, Крауфордовъ, Грэхамовъ, Лесли, Гордоновъ. Въ этой атмосферѣ Петръ воспринималъ не только европейскую культуру, но и симпатіи къ англійской династіи Стюартовъ.

И не со времени Петра, а раньше его начинается процессъ политической централизаціи, предпринимается рядъ реформъ въ области военнаго дѣла и финансоваго устройства. Развитіе денежнаго хозяйства дало возможность превратить многія натуральныя подати и повинности въ денежныя. Земскіе соборы, игравшіе такую видную роль въ XVI и XVII вѣкахъ, упраздняются. Намѣчается реформа областного и городского управленія. Своеобразныя внѣшнія формы, которыя принимаетъ этотъ процессъ образованія абсолютной монархіи, нисколько не скрываетъ тождества его основныхъ чертъ съ соотвѣтствен-

нымъ процессомъ въ западной Европѣ, какъ его описываетъ въ своемъ «Thomas More» Каутскій.

«Вполнѣ естественно, что новая политическая центральная власть кристаллизовалась вокругъ личности государя, что онъ образовалъ вершину централизованнаго управленія и арміи. Его интересы и интересы торговли были одинаковы... Торговля нуждалась въ арміи для защиты ея интересовъ какъ внѣ, такъ и внутри страны... Но новому государству необходимъ былъ государь не только въ качествѣ вождя арміи, но и въ качествѣ главы государственнаго управленія. Феодальный, партикуляристическій аппаратъ управленія рушился, новый же, централистическій механизмъ управленія, бюрократія, едва только зарождался. Политическій централизмъ, явившійся для товарнаго производства съ развитой торговлей, на порогѣ капиталистическаго способа производства, экономической необходимостью, чтобы способствовать экономической централизаціи, — какъ и наоборотъ сама эта экономическая централизація обусловливала и вызывала усиленіе политической централизаціи,—этотъ политическій централизмъ нуждался въ началѣ своего существованія въ главенствѣ одной личности, которая была бы достаточно сильна, чтобы отстаивать единство управленія отъ центробѣжныхъ элементовъ, въ особенности отъ дворянства. Такой силой обладалъ только вождь арміи. Сосредоточеніе всѣхъ нитей власти какъ военнаго, такъ и административнаго аппарата въ одной рукѣ, другими словами, государственный абсолютизмъ былъ экономической необходимостью въ вѣкъ реформаціи и еще долго спустя послѣ нея» [1]).

Такой же экономической необходимостью явился государственный абсолютизмъ въ Россіи. Въ Петрѣ Великомъ онъ нашелъ свою персонификацію, которая, по своей энергіи и преданности идеѣ государства, можетъ занять мѣсто рядомъ съ классическими представителями этого типа. И только потому, что Марксъ не замѣтилъ, что Петръ былъ въ сущности продуктомъ зарождающагося европейскаго капитализма, онъ

---

[1]) Karl Kautsky, Thomas More und seine Utopie. Stuttgart. 1907, cc. 17—18.

могъ увидѣть въ немъ просто преображеннаго татарина: вопросъ о томъ, принадлежитъ ли Россія къ Азіи или къ Европѣ, былъ уже рѣшенъ безповоротно въ концѣ XVIII столѣтія, и воспріемниками Россіи, ея воспитателями были наиболѣе крупныя торгово - промышленныя страны того времени — Англія и Голландія.

VI. Значеніе русской торговли для Англіи.

Но торговыя сношенія между Россіей и Англіей имѣли большое значеніе и для Англіи. Во второй половинѣ XVI вѣка эта торговля служила, на ряду съ морскимъ разбойничествомъ и торговлей рабами, однимъ изъ главныхъ истичниковъ «первоначальнаго накопленія». Когда сломлена была монополія Ганзы на Балтійскомъ морѣ, торговое преобладаніе на немъ перешло къ Голландіи, и оставалось за ней вплоть до XVIII вѣка. Попытки Англіи захватить въ свои руки наслѣдство Ганзы окончились неудачей, и Eastland Company, получившая свою хартію въ 1579 г., въ теченіе цѣлаго столѣтія не могла сломить конкурренцію голландцевъ. По словамъ Чайльда, торговля голландцевъ превышала еще въ концѣ XVII столѣтія англійскую торговлю въ 10 разъ.

Но «Русская Компанія» сыграла большую роль и въ другомъ отношеніи. Она организовала китоловный промыселъ около Шпицбергена. Конкурренція въ этой области шла опять таки съ голландцами, которые не замедлили появиться вслѣдъ за англичанами. Русская Компанія смотрѣла на Сѣверный Ледовитый океанъ, какъ на свою собственность. Если она позволяла заниматься китоловнымъ промысломъ, то только за большую пошлину. Голландцы, отстаивавшіе и тутъ принципъ mare liberum, снаряжали туда военный флотъ для защиты своихъ капиталовъ. Пользуясь превосходствомъ, голландцы наносили большіе убытки Русской Компаніи, которая должна была заключить соглашеніе съ недавно основанной East India Company. Особенно обострились отношенія между Англіей и

Голландіей какъ разъ въ 1617 г., когда, какъ мы видѣли, англичане и голландцы явились посредниками при заключеніи мира между Швеціей и Россіей. Вообще антагонизмъ между голландцами и англичанами, который привелъ къ открытому разрыву при Кромвелѣ, питался въ первой половинѣ XVII столѣтія столько же конкурренціей въ области колоніальной торговли, сколько и борьбой за обладаніе сѣверомъ и русскимъ рынкомъ. Торговля съ Россіей приносила не менѣе колоссальные барыши, чѣмъ колоніальная. При Алексѣѣ (1645—1676) эксплуатація превосходнаго мачтоваго лѣса по р. Югу была сдана иностранной компаніи, которая нагрузила лѣсомъ 4 корабля. Дерево ей обошлось въ 25—30 коп., а продано заграницей по 4—5 руб. Когда голландцамъ удалось вытѣснить англичанъ, разжигая негодованіе русскихъ монархистовъ противъ «цареубійцъ», то въ нѣсколько лѣтъ они въ одномъ Архангельскѣ уже имѣли около 200 агентовъ.

Такъ созданы были въ Россіи «британскіе интересы», которые требовали дипломатической защиты. Какъ въ Нидерландахъ, Германіи и скандинавскихъ странахъ англійскими дипломатическими агентами служили, главнымъ образомъ, члены компаніи «Merchant Adventurers of England», такъ въ Россіи ими являлись члены «Russian Company». Посредникомъ со стороны Англіи при заключеніи мира въ Столбовѣ былъ также членъ правленія этой компаніи, Меррикъ.

«Колоніальная система въ необычайной степени ускоряла развитіе торговли и мореплаванія. Торговыя общества, Monopolia, (какъ ихъ называлъ Лютеръ) служили могущественнымъ рычагомъ концентраціи капитала. Возникающимъ мануфактурамъ колоніи обезпечивали рынокъ сбыта и, при помощи монополіи рынка, усиленное накопленіе» (Марксъ).

Въ Англіи 1550—1650 г.г. господствующую роль играли общества—монополіи, главной сферой дѣятельности которыхъ оставалась Европа. За ними стояла расцвѣтающая шерстяная промышленность. Если Англія уже къ началу XVIII столѣтія могла обезпечить за собой торговую супрематію, то она этимъ обязана была и тогда своей промышленной супрематіи. Остъ-Индская компанія, до конца XVII столѣтія, играетъ еще незначительную роль въ сравненіи и съ Merchant Adven-

turers of England, которая обезпечивала англійской шерстяной промышленности сбытъ сначала черезъ Антверпенъ, а послѣ черезъ Гамбургъ, и съ Русской Компаніей, которая организовала этотъ сбытъ въ Россіи.

Вполнѣ понятно, что Русская Компанія пользовалась большимъ вліяніемъ и могла «поднимать крикъ». Что къ ея «крику» прислушивались очень внимательно, мы видѣли на протяженіи всей исторіи сношеній между Англіей и Россіей. Слѣдуетъ еще вспомнить, что среди членовъ Русской компаніи, какъ и Гамбургской, было много представителей изъ среды «gentleman-овъ». Если въ спискѣ членовъ Гамбургской Компаніи мы встрѣчаемъ Sidney, Earl of Carlisle [1]), Earl of Leicester, Lord Churchill, Lord Ashley и т. д., то еще въ первой хартіи Русской компаніи мы встрѣчаемъ среди именъ ея учредителей Маркиза Винчестера (Winchester), графа Аронделя (Arundel), графа Бедфорда, графа Пемброка.

Но уже въ первой половинѣ XVII столѣтія «крикъ» ея не былъ настолько силенъ, чтобы заглушить «крики» представителей другихъ «британскихъ интересовъ». Если отношенія между этой компаніей и Гамбургской продолжали быть дружественными, то уже въ концѣ XVI столѣтія возникли новыя компаніи, интересы которыхъ далеко не совпадали съ интересами Русской Компаніи. Вспомнимъ, что ея процвѣтаніе, въ отличіе отъ Гамбургской, зависѣло не только отъ сбыта англійскихъ мануфактурныхъ издѣлій въ Россіи, но и отъ удачнаго хода ея китоловнаго промысла и транзитной торговли персидскимъ шелкомъ чрезъ Россію. Естественно, что интересы ея пришли въ столкновеніе и съ интересами Eastland Company, основанной въ 1579 г. для торговли на Балтійскомъ морѣ, которая, конечно, не соблюдала строго запрета торговать съ Россіей чрезъ Нарву, и съ интересами Turkey (Турецкой) Company, основанной въ 1581 г. и сейчасъ же принявшейся за организацію скупки сырого шелка въ Персіи. Если конкурренція первой оказалась неопасной, то конкурренція второй непрерывно растетъ въ теченіе всего XVII столѣтія — между прочимъ и потому, что на турецкихъ султановъ

[1]) Тотъ самый, который въ 1664 г. неудачно пытался добиться возобновленія привилегій англичанъ въ Россіи.

казнь Карла I не произвела никакого впечатлѣнія [1]). Но это была конкурренція только въ одной области, въ торговлѣ сырымъ шелкомъ, въ которой и Русская Компанія и Турецкая Компанія скоро встрѣтили болѣе опаснаго соперника, Ость-Индскую Компанію. Хотя Русская Компанія, какъ мы увидимъ, еще въ XVIII столѣтіи не теряла надежды захватить въ свои руки торговлю персидскимъ шелкомъ, ей пришлось уже въ концѣ XVII вѣка сосредоточиться на торговлѣ продуктами русскаго происхожденія, тѣмъ болѣе, что китоловный промыселъ, становившійся все менѣе выгоднымъ, вслѣдствіе уменьшенія числа китовъ, переставалъ для нея играть особенное значеніе послѣ того, какъ въ 1670 году организовалась Hudson Bay Company въ Сѣверной Америкѣ. Съ этой же стороны ей начала грозить конкурренція и въ области торговли различными кораблестроительными запасами (naval stores). Въ 1699 году постановлено было, чтобы таможенные комиссары (Commissioners of Customs) въ теченіе каждой парламентской сессіи представляли обѣимъ палатамъ отчетъ о количествѣ кораблестроительныхъ запасовъ, которые будутъ кѣмъ либо вывозиться изъ Россіи въ Англію. Андерсонъ думаетъ, что правительство въ это время предполагало принять мѣры съ цѣлью поощренія вывоза этихъ матеріаловъ изъ Сѣверной Америки.

Таково было положеніе Русской Компаніи къ началу XVIII вѣка. Въ 1699 г. положенъ былъ конецъ вѣчнымъ пререканіямъ съ такъ называемыми «interloper-ами», т. е. англичанами, которыхъ привлекала прибыльная торговля съ Россіей, но которые торговали безъ разрѣшенія Компаніи, не желая платить ей высокій взносъ: въ этомъ году онъ былъ пониженъ до 5 ф. ст., т. е. торговля фактически перестала быть монопольной. Компанія продолжала по прежнему представительствовать интересы торговли съ Россіей и отстаивать ихъ въ Сити и въ парламентѣ.

Но она, какъ мы видѣли выше, была не единственной компаніей. Рядомъ съ ея «крикомъ» раздавались «крики» другихъ заинтересованныхъ компаній или группъ купцовъ и промышленниковъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что

---

[1]) 18 авг. 1648 г. былъ смѣщенъ «законнымъ путемъ» Ибрагимъ I и убитъ. Это первый султанъ, котораго постигла такая участь.

эти группы старались вліять въ своихъ интересахъ на правительство, старались подчинить его политику себѣ. Но чѣмъ болѣе усложнялись торговые и промышленные интересы, чѣмъ обширнѣе и многочисленнѣе становились внѣшнія сношенія, чѣмъ болѣе усложнялись отношенія съ другими странами, тѣмъ упорнѣе и ожесточеннѣе должна была разгораться борьба между этими различными группами. Скорѣе всего побѣждала та изъ нихъ, частный интересъ которой совпадалъ въ данное время съ общимъ направленіемъ внѣшней политики, которое à la longue опредѣлялось общими интересами всей «національной» торговли.

При Елизаветѣ вся внѣшняя политика опредѣляется антагонизмомъ между Англіей и Испаніей. Отсюда постоянный союзъ съ Нидерландами. Отношенія съ Франціей въ общемъ также носятъ дружественный характеръ, поскольку Франція продолжаетъ старую борьбу съ испанскими Габсбургами.

Въ первой половинѣ XVII вѣка все сильнѣе разгорается антагонизмъ между Англіей и Голландіей, который при Кромвелѣ доходитъ до продолжительной войны. Въ концѣ XVII вѣка, со времени революціонной войны, Франція снова становится такимъ же наслѣдственнымъ врагомъ, какимъ была во время столѣтней войны. Голландія, по выраженію Фридриха II, превращается въ простую шлюпку англійскаго корабля. Союзники Франціи становятся врагами Англіи и наоборотъ. Такъ наз. система политическаго равновѣсія опредѣляется антагонизмомъ между Франціей и державами, находящимися у нея на буксирѣ, съ одной стороны и Англіей, Австріей и Голландіей съ другой.

Россіи нѣтъ мѣста ни въ одной изъ этихъ комбинацій. Если въ концѣ XV вѣка турецкая опасность заставила Венецію, папу, императора Максимиліана сдѣлать неудачную попытку втянуть Россію въ европейскія дѣла, то теперь наоборотъ сама Россія вынуждена — и чѣмъ ближе къ концу XVII вѣка, тѣмъ настойчивѣе—искать союза у европейскихъ державъ.

Непосредственными врагами Россіи являлись теперь Польша, Швеція и Турція. Но во всѣхъ этихъ странахъ

преобладало вліяніе Франціи, которая пользовалась ими противъ Габсбурговъ.

И пока внѣшняя политика Англіи не опредѣлялась антагонизмомъ съ Франціей, союзъ Англіи съ Россіей былъ политической невозможностью. Это, въ концѣ концовъ, поняли и московскіе дипломаты и оставили въ покоѣ Англію. Плохо разбираясь въ политическихъ отношеніяхъ Западной Европы, они въ 1687 г. предлагаютъ союзъ Людовику XIV, но имъ категорически заявляютъ, что «между Франціей и императоромъ существуетъ вѣчная вражда, а между султаномъ и королемъ, наоборотъ, вѣчный миръ и прочная дружба».

Россія принимаетъ участіе въ священной лигѣ противъ турокъ, но ее третируютъ, какъ третьестепенную державу. Вплоть до Сѣверной войны она въ политическихъ комбинаціяхъ Западной Европы никогда не принимается въ расчетъ.

Въ началѣ XVIII вѣка, когда Война за испанское наслѣдство совпадаетъ съ Сѣверной войной, положеніе дѣлъ мѣняется. Создается возможность для союза между Англіей и Россіей. Но превратилась ли эта возможность въ дѣйствительность, какъ думаетъ Марксъ? Вѣрно ли, что олигархія, захватившая власть послѣ 1689 г., вмѣстѣ съ «Русской Компаніей» систематически поддерживаетъ Россію и помогаетъ ей уничтожить Швецію? Дѣйствительная исторія намъ уже показала, что не татарскіе ханы создали абсолютизмъ и Петра, что «европеизировалъ» Москву англо-голландскій капиталъ, что Англія также «виновата» въ созданіи Москвы, какъ она «виновата» въ созданіи Японіи. Посмотримъ теперь, правда ли, что дѣйствительная исторія разоблачаетъ англійскихъ государственныхъ людей XVIII вѣка, какъ систематическихъ пособниковъ Петра I?

VII. Сѣверная война.

Марксъ совершенно правъ, когда придаетъ такое огромное значеніе Сѣверной войнѣ въ дѣлѣ возвышенія Россіи. Въ борьбѣ за политическое преобладаніе на Балтійскомъ морѣ господство переходило поочередно отъ Ганзы къ Польшѣ, Даніи и Швеціи. Въ 1617 г. Россія окончательно потеряла надежду пріобрѣсти себѣ выходъ на Западъ. Со второй половины 17 вѣка Швеціи почти удается превратить Балтійское море въ Шведское озеро. Въ 1700 г. отношенія длины береговыхъ линій составляли, если принять длину береговой линіи Даніи за I, для Германіи 3, для Швеціи—10, для Россіи—0. Такимъ образомъ, Сѣверная война сводилась къ поединку между Швеціей и Россіей: кто былъ за Швецію, тотъ былъ противъ Россіи, и наоборотъ. Въ результатѣ Сѣверной войны Швеція потеряла свое первенствующее положеніе на Сѣверѣ. Политическая гегемонія на Балтійскомъ морѣ переходитъ къ Россіи, которая сохраняетъ ее до послѣдней четверти XIX столѣтія [1]).

Марксъ правъ также, когда говоритъ, что Сѣверная война

---

[1]) Длина береговыхъ границъ Прибалтійскихъ странъ:

	1700	1800	1900
Данія . . .	1	1	1
Германія . .	3	2½	5
Швеція . . .	10	7	7
Россія. . . .	0	3½	10

Эта таблица, изъ которой особенно отчетливо виденъ ростъ русской береговой границы на Балтійскомъ морѣ, приведена у Kirchhof, Seemacht in der Ostsee, Kiel., 1907, c. 9.

является поворотнымъ пунктомъ въ томъ отношеніи, что Россія лишь послѣ нея стала европейской державой. Только получивъ прочную точку опоры на западѣ, она могла начать свое расширеніе на югъ и востокъ, чтобы, набравшись новыхъ силъ, опять начать свой Drang nach Westen и, начиная со времени Екатерины II, играть роль вершительницы судебъ Европы.

Такъ характеризуетъ значеніе этой войны и русскій историкъ Соловьевъ:

«Степной, восточный періодъ русской исторіи кончился— морской, западный періодъ начался. Впервые славяне, послѣ обычнаго отступленія своего передъ германскимъ племенемъ на востокъ, къ степямъ, повернули на западъ и заставили нѣмцевъ отдать себѣ часть береговъ Сѣвернаго Средиземнаго моря, которое перестало быть нѣмецкимъ» [1]).

Разница только въ томъ, что одинъ привѣтствуетъ то, что другой проклинаетъ.

Еще лучше Марксъ изображаетъ послѣдствія, которыя имѣлъ переносъ столицы изъ Москвы въ Петербургъ. Если онъ приписываетъ успѣхъ этого акта личной иниціативѣ Петра, то это объясняется тѣмъ, что отъ него совершенно ускользнулъ весь внутренній процессъ, совершившійся въ Россіи XVII вѣка и подготовившій необходимыя для этого условія. Петербургъ на первыхъ порахъ занялъ мѣсто Архангельска. Характерно, что, послѣ петровскаго приказа направлять всѣ вывозимые товары къ Петербургу, вывозъ изъ Архангельска уменьшился почти на столько же, (2.049.000 руб.) на сколько (2.135.000 руб.) онъ возросъ въ Петербургѣ. Общая сумма вывоза изъ этихъ городовъ сначала не измѣнилась. Петръ только перемѣнилъ русло, по которому направлялись на западъ русскіе товары. Экономика и на этотъ разъ оказалась сильнѣе политики. Попытка перенести послѣ смерти Петра столицу въ Москву кончилась неудачей. Окно въ Европу было окончательно прорублено.

Но въ то время, какъ русскіе историки убѣждены, что Англія систематически мѣшала Петру въ его борьбѣ со

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, томъ 17, с. 387.

Швеціей, Марксъ, наоборотъ, утверждаетъ, что Петръ могъ побѣдить Карла XII только благодаря Англіи. Если Мартенсъ отождествляетъ поведеніе Англіи въ эпоху Сѣверной войны съ поведеніемъ ея во время Крымской войны, если онъ въ томъ и въ другомъ случаѣ видитъ только желаніе вредить интересамъ Россіи, то Марксъ слѣдуетъ его примѣру съ той только разницей, что поведеніе Англіи ему представляется въ противоположномъ свѣтѣ. Русскіе историки, объясняющіе политику Англіи торговыми интересами, нисколько не смущаются тѣмъ, что Англія при этомъ рисковала крупными торговыми интересами въ Россіи, — она, говоритъ Мартенсъ, боялась усиленія русскаго вліянія на Босфорѣ, — Марксъ обвиняетъ Англію въ томъ, что, ради ничтожныхъ, по его мнѣнію, торговыхъ интересовъ купцовъ, прикрывавшихъ своими жалобами преступное поведеніе англійскихъ министровъ, Англія сама себѣ взростила сильнаго врага на Босфорѣ. И русскіе историки, и Марксъ одинаково смотрятъ на событія начала XVIII вѣка сквозь призму симпатій и антипатій второй половины XIX вѣка. Мы могли бы привести цѣлый рядъ цитатъ, которыя показываютъ, что и другіе современные историки — западно-европейскіе и русскіе — до сихъ поръ еще продолжаютъ оцѣнивать событія Сѣверной войны съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія.

Въ 1900 г., т. е. почти одновременно съ новымъ изданіемъ работы Маркса, въ Transactions of the Royal Historical Society, Vol. X, была напечатана статья на ту же тему, представлявшая изложеніе доклада, читаннаго въ Королевскомъ Историческомъ обществѣ. Это — «Замѣчанія о дипломатической корреспонденціи между Англіей и Россіей въ первой половинѣ XVIII столѣтія».

Авторъ — г-жа Д'Арси Колліеръ — считаетъ нужнымъ сначала указать, что она имѣетъ дѣло съ совершенно не разработаннымъ матеріаломъ: «Поскольку я могу судить, политика англійскаго правительства во всѣхъ ея деталяхъ въ теченіе этого періода дипломатическихъ сношеній съ Россіей можетъ быть изучена только по манускриптамъ въ рукописномъ отдѣленіи Британскаго Музея». Каковъ же выводъ изъ изученія этихъ документовъ, которые она предлагаетъ вниманію учи-

наго общества? Они до того совпадаютъ съ выводами Маркса, что иногда кажутся буквальнымъ ихъ повтореніемъ.

Чтобы понять «дѣйствительную исторію» отношеній между Англіей и Россіей, не надо упускать изъ виду, что Сѣверная война хронологически совпала съ Войной за испанское наслѣдство. Въ то время, какъ замышлялась коалиція противъ Карла XII на сѣверѣ, подготовлялась на югѣ новая коалиція противъ Людовика XIV. И та, и другая война велись въ предѣлахъ Европы. Но въ то время, какъ въ Войнѣ за испанское наслѣдство рѣшался, параллельно съ вопросомъ о господствѣ въ Средиземномъ морѣ, вопросъ о господствѣ на Атлантическомъ океанѣ, этой главной магистрали всемірной торговли въ XVII вѣкѣ, вопросъ о томъ, кому будетъ принадлежать торговое преобладаніе и господство въ Новомъ Мірѣ, въ Сѣверной войнѣ рѣшался вопросъ о преобладаніи на Балтійскомъ морѣ, которое еще въ большей степени, чѣмъ Средиземное море, стало внутреннимъ моремъ, простымъ подъѣзднымъ путемъ. Время, когда Балтійское море съ одной стороны и Средиземное съ другой являлись главными резервуарами европейской торговли, давно миновало. То, что было вопросомъ политической жизни или смерти для прибалтійскихъ державъ — кому будетъ принадлежать преобладаніе на Балтійскомъ морѣ? — съ точки зрѣнія Англіи и крупныхъ европейскихъ державъ, имѣло чисто локальный интересъ. Голландія, воспользовавшаяся упадкомъ Ганзы, чтобы захватить торговое преобладаніе на Балтійскомъ морѣ, и Англія, явившаяся туда вслѣдъ за ней, старались только, чтобы Зундъ оставался открытымъ и, въ зависимости отъ этого, поддерживали каждая то Данію, то Швецію. Прибалтійскія державы для нихъ были только, какъ Россія, объектомъ экономической эксплуатаціи. Политически Швеція и Польша шли на буксирѣ Франціи, которая, время отъ времени, за хорошую денежную подачку, натравляла ихъ, какъ и Турцію, на имперію Габсбурговъ. Для теоретиковъ европейскаго политическаго равновѣсія Швеція была въ такой же степени не европейская страна, какъ и Россія.

Еще въ разгаръ Войны за испанское наслѣдство одинъ публицистъ писалъ:

«Намъ не нужно объяснять читателю, что мы подъ Европой понимаемъ только тѣ націи Европы, которыя принимаютъ участіе въ настоящей войнѣ съ Франціей, въ союзѣ съ нею или противъ нея. Намъ нечего заниматься дѣлами Швеціи или Московіи, Венгріи или Турціи. Эти страны, правда, находятся въ Европѣ, но такъ какъ западная и центральная Европа представляютъ собою руководящую часть Европы, то примѣненіе этого слова исключительно къ послѣдней части освящено какъ временемъ, такъ и практикой» [1]).

Факты заставили очень скоро измѣнить это представленіе. Оказалось, что интересы Англіи, Франціи и Австріи слишкомъ сильно затрагиваются Сѣверной войной, что такъ же мало, какъ можно было отдѣлить сѣверъ отъ запада, можно было отдѣлить востокъ Европы отъ сѣвера. То, что давно уже совершилось въ области экономики, должно было получить свое признаніе въ области политики. Европейскія державы могли сколько угодно желать возвращенія тѣхъ временъ, когда Россія относилась къ Азіи, но ихъ пожеланія были такъ же безсильны, какъ и страстныя стремленія оппозиціи Петра оторвать Россію отъ Европы.

«Насколько упорно держались старыя политическія возрѣнія видно изъ того, что фактъ появленія новой вліятельной державы, въ лицѣ Россіи, не оказалъ сначала никакого воздѣйствія на идею европейскаго равновѣсія. Европейская политическая мысль прибѣгла къ обходу. Точно такъ же какъ внутреннія отношенія нѣмецкихъ державъ связали съ общими европейскими такимъ путемъ, что конструировали особое нѣмецкое равновѣсіе и отъ сохраненія послѣдняго сдѣлали зависимымъ сохраненіе европейскаго, такъ и теперь возникла идея сѣвернаго равновѣсія, связаннаго подобнымъ же образомъ съ интересами сохраненія европейскаго равновѣсія».

Конечно, это пожеланіе было всего сильнѣе во Франціи. Тамъ лелѣяли себя этой надеждой послѣ смерти Петра и не отказывались отъ нея еще въ половинѣ XVIII столѣтія. Но объ этомъ мечтали и другія европейскія державы—особенно

---

[1]) The Balance of Europe, London 1711. Цитировано у Kaeber, Die Idee es europäischen Gleichgewichts in der publizistischen Literatur des sechzehnten . . des achtzehn ten Jahrhunders. Berlin. 1907, c. 78.

тѣ, интересы которыхъ приходили въ столкновеніе съ интересами Россіи. На политику европейскихъ державъ при петербургскомъ дворѣ такія надежды оказывали вліяніе вплоть до Екатерины II.

А до окончанія Войны за испанское наслѣдство Англія была цѣликомъ поглощена борьбой съ Франціей. И вопросъ объ отношеніи къ Швеціи рѣшался только въ связи съ этимъ вопросомъ. Нужно было не допустить Швецію до союза съ Франціей. И нужно было удерживать Турцію отъ войны съ Австріей. Всѣ усилія англійской и голландской дипломатіи концентрируются на этой задачѣ.

9-го Іюля 1698 г. Франція, на этотъ разъ при сильной оппозиціи со стороны анти-французской партіи, заключила со Швеціей оборонительный союзъ. Но Вильгельму III удалось въ 1700 г., отъ имени Голландіи и Англіи, заключить со Швеціей такой же союзъ—тотъ самый союзъ, на который такъ часто ссылается Марксъ. Между Швеціей и Россіей отношенія были тогда дружественны. Карлъ XI не только позволилъ Петру заказать въ Швеціи 600 пушекъ, но обѣщалъ даже подарить 300 пушекъ, что и было сдѣлано уже послѣ его смерти. Это было во время войны съ Турціей. Опасаться войны между Швеціей и Россіей не было основаній. Превосходство Швеціи не подлежало никакому сомнѣнію.

А съ какимъ пренебреженіемъ относились къ Россіи главныя европейскія державы, показалъ Карловицъ, гдѣ въ 1699 г. Англія и Голландія были главными посредниками при заключеніи мира между Австріей, Венеціей, Польшей, Россіей съ одной стороны и Турціей съ другой. Это былъ первый опытъ участія Россіи въ европейской коалиціи. Русскій посолъ горько жаловался на Голландію и Англію, которыя хлопотали исключительно объ интересахъ Австріи и даже о Венеціи заботились больше, чѣмъ о Россіи. Но Англіи и Голландіи нужно было освободить силы Австріи для готовившейся войны съ Франціей. Конгрессъ въ Карловицѣ—первый, на которомъ русскимъ дипломатамъ пришлось встрѣтиться съ европейскими—показалъ, какими неучами являлись азіаты въ сравненіи съ европейцами, какъ «свято» выполняютъ свои обязательства европейскія державы. Только въ эпоху Сѣверной

войны русскіе дипломаты научились пользоваться разногласіями между европейскими державами, и непосредственными «учителями» ихъ въ этомъ высокомъ искусствѣ, какъ и въ военномъ дѣлѣ, были шведы.

Но, можетъ быть, Англія, несмотря на все, поступала прямо обратно: не исполняла своихъ обязательствъ предъ Швеціей и помогала Россіи? На это даетъ отвѣтъ опять таки дѣйствительная исторія.

Мы видѣли, что даже московскіе дипломаты, въ концѣ концовъ, поняли, что отъ Англіи, несмотря на всѣ выгоды для нея торговли съ Россіей, нельзя добиться согласія на вступленіе въ политическій союзъ. Мы видѣли, какимъ фіаско кончилась попытка заключить союзъ съ Франціей. Участіе въ коалиціи противъ турокъ показало, что и Австрія нуждается въ Россіи лишь постольку, поскольку послѣдней можно было пользоваться противъ Турціи.

Но союзники были непобѣдимы. Послѣ неудачнаго посольства Карлейля (Carlisle) въ 1664 г., когда голландцы такъ усердно интриговали противъ привиллегій Русской Компаніи, англичане рѣшились воспользоваться первымъ благопріятнымъ моментомъ, чтобы пріобрѣсти снова свое прежнее монопольное положеніе въ Россіи. Такимъ было путешествіе Петра въ Голландію и въ Англію. Въ октябрѣ 1697 г. англійскіе посланники во главѣ съ лордомъ Пемброкомъ (Pembrock)—изъ почтеннаго рода тѣхъ Пемброковъ, которые были учредителями Русской Компаніи—обратились къ Петру съ коллективнымъ письмомъ, въ которомъ, ссылаясь на то, что «англичане прежде всѣхъ народовъ, которые въ Европѣ суть, торговлю и содружество имѣли съ Россіей съ великой пользой и прибыткомъ для обоихъ народовъ», просили «дабы торговые англичане столь многіе годы продолженное подворье паки вновь воспріяли и обыкновенныя вольности и безъ налогу употребляли». Однимъ словомъ, они хотѣли, чтобы въ Москвѣ былъ возстановленъ старый англійскій Steelyard (торговый дворъ). Кромѣ того, они просили для себя монополію на привозъ табаку.

Возстановить привиллегіи, отнятыя въ 1649 г., самодержавный Петръ, несмотря на все свое расположеніе къ англичанамъ, не могъ, но монополію на привозъ «травы никоціан-

ской, вообще табакъ именованную» англичане получили. Табакъ позволялось разводить только въ Малороссіи, но провозъ въ другія области Московскаго государства воспрещался подъ страхомъ конфискаціи. Въ 1702 г. англичане получили монополію на торговлю и вывозъ льна изъ Россіи, несмотря на сильный протестъ русскихъ купцовъ.

Въ отвѣтъ на свои авансы Петръ получилъ только любезности и въ подарокъ отъ Вильгельма III (въ 1697 г.) старый фрегатъ. Англія оставалась глуха ко всѣмъ его предложеніямъ. Въ 1704 г. въ Россію посланъ былъ въ качествѣ чрезвычайнаго посланника Витвортъ [1]). Онъ долженъ былъ увѣрить Петра, что Анна, въ случаѣ заключенія мира между Россіей и Швеціей, не будетъ пренебрегать его интересами. Настоящей цѣлью его посольства было выхлопотать новыя привиллегіи въ пользу англичанъ. Къ монополіи льна и табака имъ хотѣлось прибавить другія монополіи. Въ особенности же онъ долженъ былъ хлопотать, чтобы имъ дозволено было покупать и вывозить смолу, деготь и прочіе предметы, необходимые для процвѣтанія корабельнаго дѣла «въ нашемъ королевствѣ» [2]).

Принятъ былъ Витвортъ необычайно торжественно. Петръ хотѣлъ подчеркнуть этимъ пріемомъ, насколько онъ дорожитъ хорошимъ отношеніемъ Англіи. Витвортъ, наоборотъ, держалъ себя высокомѣрно. На предложеніе принять посредничество между Швеціей и Россіей онъ отвѣтилъ отказомъ, увѣреніямъ Петра, что онъ не будетъ строить военныхъ кораблей на Балтійскомъ морѣ, онъ не вѣрилъ, а на замѣчаніе, что Нарва и Петербургъ могутъ развить торговыя сношенія съ Англіей, онъ возразилъ, что шведы не допустятъ англійскихъ кораблей. Онъ предупреждалъ, впрочемъ, правительство, что, «если обращаться къ русскимъ исключительно по торговымъ дѣламъ, они способны заподозрить, что мы крайне нуждаемся въ ихъ товарахъ, нисколько не уважая ихъ силу и дружбу» [3]).

---

[1]) Онъ прибылъ въ Москву въ февралѣ 1705 г.

[2]) «And particularly that they may be permitted to buy and export pitch and tar and other naval stores for the use of this our own kingdom». Сборникъ Имп. Русскаго Ист. Общества. Томъ 39, с. 3.

[3]) Мартенсъ, Ф. Собраніе трактатовъ и конвенцій и т. д. Томъ IX. Петербургъ, 1892 г., с. 9—10.

Дѣйствительно, Петръ и его помощники скоро это поняли. Витвортъ въ Россіи и англійское правительство въ Лондонѣ дали ему два наглядныхъ урока на эту тему. Первому, въ интересахъ табачной монополіи англичанъ, поручено было немедленно выпроводить изъ предѣловъ Россіи обратно въ Англію англійскихъ мастеровъ, обучавшихъ русскихъ обработкѣ табаку и, кромѣ того, домашнимъ образомъ уничтожить всѣ матеріалы и другія производства. Исполнивъ первое порученіе, англійскій посолъ взялся за второе. Вотъ какъ онъ описываетъ свой подвигъ:

«Вечеромъ я явился на фабрику въ сопровожденіи Нэрсона, моего секретаря, и четырехъ слугъ; мы большую часть ночи провели въ разрушеніи матеріаловъ и инструментовъ, изъ которыхъ нѣкоторые оказались до того прочными, что намъ при ломкѣ ихъ пришлось поднять порядочный шумъ... Но данныя мнѣ приказанія выражены настолько опредѣленно, что времени терять было некогда, да я и не рѣшился бы вынести что нибудь изъ дома, боясь возбудить подозрѣнія. Какъ слышно, бурмистерская палата очень раздражена этимъ разрушеніемъ».

И все таки Петръ I смолчалъ. Самъ Витвортъ объяснялъ эту снисходительность желаніемъ Петра I, чтобы Англія взяла на себя посредничество между Россіей и Швеціей и содѣйствовала заключенію почетнаго для Россіи мира.

Посмотримъ теперь, какъ въ Лондонѣ обращались съ русскимъ посломъ. Въ концѣ 1706 г. Петръ послалъ туда посланника въ Гаагѣ, А. А. Матвѣева. Онъ долженъ былъ объяснить, какъ выгодно будетъ для англичанъ, когда Россія получитъ удобныя пристани въ Балтійскомъ морѣ: «русскіе товары будутъ безопасно, скоро, нѣсколько разъ въ годъ перевозиться въ Англію, не такъ, какъ теперь изъ Архангельска; русскіе товары станутъ дешевле, потому что балтійскія гавани близко отъ Москвы и отъ другихъ значительнѣйшихъ городовъ и водяной путь къ нимъ удобный» [1]). Мало того. Такъ какъ Петръ уже зналъ, что для англійскаго правительства нужны еще другіе аргументы, то онъ черезъ Матвѣева

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. 15, стр. 195.

предложилъ вступленіе въ «Grande Alliance» противъ Людовика XIV. Кромѣ того, Матвѣеву—новое доказательство «европеизаціи» русской дипломатіи—поручено было нащупать почву, можно ли подкупить кого нибудь изъ англійскихъ министровъ, въ особенности же Марльборо [1]). Петръ согласенъ былъ въ крайнемъ случаѣ уступить всѣ свои завоеванія въ прибалтійской области, даже Нарву, онъ не соглашался только отдать Петербургъ: «объ отдачѣ онаго ниже въ мысляхъ имѣть».

Но англійскіе министры водили Матвѣева за носъ и кормили его «словами гладкими и безплодными». Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Съ пріѣздомъ Марльборо дѣло измѣнилось. Петръ уже соглашался предоставить ему одно изъ русскихъ княжествъ на выборъ: Кіевское, Владимірское или Сибирское и обезпечить ему пожизненный доходъ въ 50.000 ефимковъ.

Прижатые, наконецъ, къ стѣнѣ, англійскіе министры заявили Матвѣеву, что не могутъ предложить своего посредничества. Профессоръ Мартенсъ, которому замыслы «коварнаго Альбіона» хорошо извѣстны, объясняетъ это поведеніе тѣмъ, что «англійское правительство не желало допустить мысли, чтобы Россія сдѣлалась прибалтійскою державой. Но Марльборо и Годольфинъ, по словамъ Матвѣева, заявили ему: «можно ли изъ-за однихъ торговыхъ выгодъ съ Москвою раздражать шведскаго короля при нынѣшней его силѣ и во время войны съ Франціей».

Эти переговоры происходили какъ разъ въ то время, когда Карлъ XII находился въ апогеѣ своего могущества, когда онъ только что заключилъ миръ въ Альтранштадтѣ, когда онъ сталъ «арбитромъ Европы» и собирался, какъ новый Густавъ Адольфъ, подъ предлогомъ покровительства протестантамъ, напасть на имперію Габсбурговъ, когда Франція съ одной стороны и «Grande Alliance» съ другой напрягали всѣ усилія, чтобы привлечь на свою сторону Карла XII. И Марльборо только что вернулся въ Лондонъ послѣ своего

---

[1]) Петръ уже слыхалъ о высокихъ требованіяхъ знаменитаго полководца и прибавляетъ собственноручно: „не чаю, чтобы Малбурка до сего склонить, понеже чрезъ мѣру богатъ, однако обѣщать тысячъ около двухъсотъ или болѣе“. Соловьевъ, тамъ же, стр. 195.

путешествія въ лагерь Карла XII, гдѣ ему и императору съ большимъ трудомъ удалось утихомирить шведскаго короля. Чтобы отнять у него всякій предлогъ ко вмѣшательству въ дѣла имперіи, предъ нимъ обязались дать полное удовлетвореніе силезскимъ протестантамъ. Предлагать Карлу XII посредничество при заключеніи мира съ Россіей даже на тѣхъ выгодныхъ условіяхъ, на которыя соглашался Петръ, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Карлъ XII, сокрушивъ датскаго короля и Августа, собирался преподать Петру второй нарвскій урокъ,—требовать этого могли только наивные «азіаты», которые забывали, что Англія имѣетъ еще и другіе торговые интересы, кромѣ россійскихъ.

Матвѣевъ особенно негодовалъ на Россійскую Компанію. «Много я потерялъ труда, ходя за тѣми мужиками, англійскими купцами, но они, кромѣ одного Стельса (Stales) не только не оказали мнѣ никакой помощи, даже и отвѣта не дали». Но негодованіе его достигло своего апогея, когда, во время сборовъ къ отъѣзду, 21 іюля 1708 г., шерифъ предписалъ задержать его за долгъ въ 50 ф. ст. и когда полицейскіе служителя, избивъ его самымъ безпощаднымъ образомъ, отвезли его въ долговую тюрьму, откуда онъ былъ освобожденъ только благодаря поручительству купца Стельса.

Что же удивительнаго, что нашъ бѣдный «азіатъ», получивъ такой урокъ тонкаго европейскаго обращенія, былъ въ восторгѣ, когда 30 іюля 1708 г. покинулъ, наконецъ, Лондонъ и избавился отъ необходимости имѣть дѣло съ этимъ «христоненавистнымъ народомъ и канальскаго злочестія исполненнымъ» [1]).

Несмотря на свое пренебреженіе къ Россіи, даже англійское правительство всполошилось. Но оно быстро успокоилось, когда Витвортъ отвѣтилъ изъ Петербурга, что «къ вопросамъ чести здѣсь относятся не очень строго», что «москвитяне опасны только тѣмъ, кто ихъ боится, и лучшее средство образумить русскихъ — не уступать имъ».

9-го октября 1708 г. Левенгауптъ былъ разбитъ при Лѣсномъ, а 27-го іюня (8-го іюля) 1709 г. Карлъ XII былъ

[1]) Инцидентъ этотъ подробно разсказанъ у Соловьева, Исторія Россіи, томъ XV, с.с. 318-9.

разбитъ при Полтавѣ. «Въ отчетѣ, который Петръ послалъ своимъ людямъ о сраженіи, онъ прибавляетъ въ посткриптумѣ: этимъ положенъ краеугольный камень для Петербурга. И дѣйствительно, это былъ краеугольный камень для всего зданія его государства и политики. Съ тѣхъ поръ—прибавляетъ Ранке—Россія начала диктовать законы на Сѣверѣ» [1]).

Положеніе дѣлъ сразу измѣнилось. Когда Петръ совершалъ свой тріумфальный въѣздъ въ Москву, то въ самыхъ льстивыхъ выраженіяхъ его поздравлялъ тотъ же Витвортъ. Вспоминая англійскія традиціи XVI вѣка, онъ привѣтствовалъ Петра титуломъ «императора» и доставилъ ему этимъ такое большое удовольствіе, что, несмотря на всѣ свои подвиги въ Россіи, получилъ въ подарокъ портретъ Петра, усыпанный алмазами. Изъ Савла, поведеніе котораго могло бы удовлетворить даже Давида Эрквorта, онъ превратился въ Павла [2]).

5-го февраля 1710 г. Витвортъ извинился отъ имени королевы Анны за оскорбленіе, нанесенное Матвѣеву, и, преподнесши экземпляръ только что проведеннаго чрезъ парламентъ акта о преимуществахъ членовъ дипломатическаго корпуса при С. Джемскомъ дворѣ, разъяснилъ Петру, что нѣтъ никакой возможности казнить всѣхъ оскорбителей Матвѣева. Убѣдившись, что, «за оскудѣніемъ прежнихъ правъ государственныхъ», Анна не можетъ расправляться со своими подданными, какъ онъ съ непокорными стрѣльцами, Петръ рѣшилъ удовлетвориться этимъ извиненіемъ. Профессоръ Мартенсъ, который еще, чрезъ 200 лѣтъ, пылаетъ негодованіемъ на «коварный Альбіонъ», объясняетъ эту уступчивость тѣмъ, что «великій преобразователь не считалъ возможнымъ пожертвовать высшими политическими интересами Россіи справедливому чувству негодованія, вызванному лондонской исторіей съ Матвѣевымъ». Петръ все еще не терялъ надежды добиться посредничества Англіи при заключеніи мира со Швеціей: 9 (20) августа подписано было соглашеніе между

---

[1]) Ranke, Die grossen Mächte. См. Sämmtliche Werke. Band 24, с. 18.

[2]) Этому Витворту, тогда одному изъ наиболѣе выдающихся дипломатовъ, принадлежитъ и книга о Россіи въ 1710 г., въ которой онъ съ большой проницательностью объясняетъ побѣды русскихъ «пассивной храбростью» выносливостью русскихъ крестьянъ.

Англіей и Россіей, въ силу котораго «его Царское Величество ко удопьствіу морского купечества за благо и полезно изобрѣли во всемъ своемъ государствѣ буевые, маячныя, вожевые и якорныя деньги съ велико-британскимъ народомъ въ равномъ учредить состояніи» [1]).

Произвела ли полтавская побѣда на англійскихъ министровъ то же впечатлѣніе, какъ на Витворта? Успѣлъ ли уже новый фактъ военнаго превосходства Россіи надъ Швеціей войти въ ихъ сознаніе? Нѣтъ. И въ этомъ мнѣніи ихъ укрѣплялъ самъ Петръ, который, настойчивымъ требованіемъ изгнать Карла XII изъ предѣловъ Турціи, навлекъ на себя новую войну. Только къ концу 1711 г. онъ выпутался изъ бѣды, пожертвовавъ Азовомъ и Таганрогомъ и отдавъ на съѣденіе Туркамъ славянъ, возставшихъ въ разсчетѣ на помощь Петра.

Въ этомъ эпизодѣ Сѣверной войны мы въ первый разъ встрѣчаемъ характерныя черты новой завоевательной политики Россіи или ея постоянную «ошибку», въ которой обвиняютъ ее русскіе патріоты,—неумѣніе сосредоточиться на одной задачѣ и стремленіе осложнять рѣшеніе одного вопроса поднятіемъ другого или, выражаясь менѣе эвфемистически, ея неумѣренные аппетиты. Въ теченіе всего XVIII и XIX вѣка Восточный вопросъ перепутывается со Шведскимъ и Польскимъ вопросами и, къ великому негодованію русскихъ реальныхъ политиковъ, мѣшаетъ поступательному движенію Россіи на западъ, заставляя ее каждый разъ дѣлать ненужныя уступки то «хитрой и конкерантной» Пруссіи, то неизмѣнно «неблагодарной» Австріи.

Но въ этомъ эпизодѣ мы встрѣчаемъ еще другое, не менѣе любопытное явленіе. Если ненавистная Марксу Русская Компанія, несмотря на все ея руссофильство, не могла помочь заключенію союза съ Россіей, то ея конкурентка, Турецкая Компанія, несмотря на то, что главное ея вниманіе было устремлено на борьбу съ французскимъ вліяніемъ въ Константинополѣ, уже очень рано забила въ набатъ противъ Россіи, гораздо раньше, чѣмъ это сдѣлали авторы открытыхъ Марксомъ памфлетовъ.

---

[1]) У Мартенса это соглашеніе приводится въ тогдашнемъ нѣмецкомъ переводѣ. Томъ IX, сс. 26-22.

Мы уже видѣли, какъ третировали Россію на Карловицскомъ конгрессѣ. Оставшійся недовольнымъ, Петръ заключилъ съ турками только перемиріе, условія котораго должны были быть окончательно обсуждены въ Константинополѣ. Русскій посолъ, Украинцевъ, явился съ такой же помпой, какъ 150 лѣтъ спустя Меншиковъ. Но произвелъ онъ несравненно болѣе сильное впечатлѣніе: онъ явился на первомъ русскомъ военномъ фрегатѣ и салютовалъ султана залпомъ изъ сорока пушекъ. Турки были поражены этимъ явленіемъ не меньше, чѣмъ члены Турецкой Компаніи.

Если въ XVII вѣкѣ дипломатическія сношенія между Россіей и Англіей въ большинствѣ случаевъ велись чрезъ посредство членовъ Русской Компаніи, то уже съ XVIII вѣка это явленіе исчезаетъ, хотя частыя жалобы англійскихъ посланниковъ на неполученіе жалованья показываютъ, въ какой матеріальной зависимости находились они отъ англійскихъ купцовъ въ Россіи, т. е. отъ той же Россійской Компаніи. Въ Турціи дѣло обстояло еще проще. Вплоть до 1803 г. англійскій дипломатическій корпусъ состоялъ на жалованьи у Турецкой Компаніи. Первыми англійскими посланниками въ Турціи были члены этой Компаніи. И если до XVIII вѣка главнымъ конкуррентомъ въ Левантской торговлѣ были французы, то съ начала этого вѣка Турецкая Компанія начинаетъ свою антирусскую кампанію. Ея вліяніе уже было замѣтно на Карловицкомъ конгрессѣ. В. Миллеръ, авторъ очень интересной статьи о «Европѣ и оттоманской имперіи до XIX ст.», ошибается, думая, что впервые это антирусское вліяніе проявилось только въ 1711 г., во время похода Петра въ Турцію.

«Достойно замѣчанія, говоритъ онъ, что въ этомъ случаѣ вліяніе Англіи было въ первый разъ употреблено противъ Россіи. Со времени образованія русскаго флота, англійская Levant Company, которая въ началѣ XVIII столѣтія держала всю торговлю ближняго востока въ своихъ рукахъ, была обезпокоена конкурренціей русскихъ купцовъ, и англійскій посланникъ въ Константинополѣ, противясь возвращенію русскаго посла въ Константинополь, указалъ Портѣ на всю

опасность политической и религіозной пропаганды русскихъ агентовъ среди христіанскихъ подданныхъ султана» [1]).

Подробности относятся къ исторіи Восточнаго вопроса, но мы не можемъ не указать тутъ, что именно въ этомъ обстоятельствѣ мы можемъ найти ключъ къ объясненію политики «коварнаго Альбіона» на Ближнемъ Востокѣ въ XVIII столѣтіи и того самостоятельнаго положенія, которое занимали англійскіе посланники въ Константинополѣ. Они часто ставили Сентъ-Джемскій кабинетъ предъ совершившимися фактами и если не въ состояніи были всегда—такъ же мало, какъ Русская Компанія—проводить свою то анти-русскую, то анти-французскую политику, то все же составляли крупный факторъ во внѣшней политикѣ Англіи и не мало способствовали усиленію въ ней противорѣчій по мѣрѣ осложненія торговыхъ интересовъ Англіи.

Выпутавшись съ большимъ трудомъ изъ турецкой войны, Петръ съ такой же стремительностью, съ которой онъ полѣзъ на Прутъ, бросается на западъ. Война за испанское наслѣдство еще не была кончена. Чтобы обезопасить себя отъ новыхъ осложненій на сѣверѣ, Англія, Голландія и Германская имперія еще 10 марта 1710 г. выступили съ декларацією, направленной противъ Петра, относительно сохраненія нейтралитета во всѣхъ земляхъ Германской имперіи, слѣдовательно и въ Помераніи. Оправдываясь тѣмъ, что ему необходимо сдѣлать диверсію противъ шведовъ, Петръ вступилъ въ Померанію.

17 апрѣля 1711 г. умеръ императоръ Іосифъ I, и на престолъ долженъ былъ вступить Карлъ, претендентъ на испанскій тронъ. Торіи, которые одержали побѣду надъ вигами, воспользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобы заключить съ Франціей миръ 8 октября 1711 г.

Въ началѣ 1714 г. Война за испанское наслѣдство закончилась. Теперь Англія была свободна.

Но если Марксъ безусловно ошибается въ своей оцѣнкѣ англійской политики до 1714 г., то, можетъ быть, онъ правъ для періода 1714 г.? Правда, Петръ уже укрѣпился на Бал-

---

[1]) English Historical Review, 1901, July, c. 456.

тійскомъ морѣ, онъ захватилъ Финляндію, онъ расположился уже въ Германіи, правда, Карлъ, съ непонятнымъ для современниковъ упорствомъ, торчалъ въ Турціи, но все же, если бы Англія послушалась голосовъ, предупреждавшихъ ее о новой «русской опасности», и помогла Швеціи, какъ ее обязывалъ оборонительный союзъ 1700 г., то Россія была бы отброшена въ глубину Азіи.

Что же мы видимъ? Какъ разъ въ 1715 г. Англія вступаетъ въ союзъ съ Россіей и начинаетъ вновь войну съ Швеціей. Вотъ что разсказываетъ Марксъ объ этомъ:

«Въ 1715 г. былъ заключенъ сѣверный союзъ между Россіей, Даніей, Польшей, Пруссіей и Ганновером для раздѣла не собственно Швеціи, а шведской имперіи. Этотъ раздѣлъ является первымъ крупнымъ подвигомъ новой дипломатіи и логической предпосылкой раздѣла Польши. Договоры раздѣла, касавшіеся Испаніи, привлекали вниманіе потомства, такъ какъ они являлись предвѣстникомъ Войны за испанское наслѣдство, а раздѣлъ Польши произвелъ еще большее впечатлѣніе, потому что его послѣдній актъ разыгрывался на аренѣ новѣйшей исторіи. Не подлежитъ однако сомнѣнію, что введеніемъ къ современной эрѣ международной политики послужилъ раздѣлъ шведской имперіи. Договоръ о раздѣлѣ 1715 г. не заботился даже о пріисканіи приличнаго повода: рѣшено было просто использовать затруднительное положеніе намѣченной жертвы. Впервые въ Европѣ нарушеніе всѣхъ договоровъ, въ цѣляхъ установленія общихъ основъ новаго договора, было не только выполнено, но провозглашено совершенно открыто. И во главѣ этого заговора поставлена была сама Польша, шедшая на буксирѣ у Россіи, представленная такимъ образцомъ пошлости, какъ Августъ II, одновременно курфюрстъ саксонскій и король польскій. Онъ подписалъ свой собственный смертный приговоръ и не воспользовался даже той привилегіей, которую Полифемъ обѣщалъ Одиссею—быть послѣднимъ обреченнымъ на сожраніе... Участіе въ этомъ договорѣ раздѣла втянуло Англію въ орбиту Россіи, къ которой она со времени «славной революціи» тяготѣла все больше и больше. Георгъ I, какъ англійскій король, былъ связанъ съ Швеціей оборонительнымъ союзомъ 1700 г., но, какъ ганно-

верскій курфюрстъ, онъ объявилъ Швеціи войну, которую онъ велъ какъ англійскій король» [1]).

Мы не будемъ останавливаться на всѣхъ ошибкахъ Маркса въ этомъ изложеніи, на безусловно невѣрной оцѣнкѣ этихъ событій, на противорѣчіяхъ съ его же статьями о Шлезвигъ-Гольштейнскомъ вопросѣ. Основная ошибка его состоитъ въ томъ же самомъ, въ чемъ состояла основная ошибка Петра, который негодовалъ на Англію за то, что она, вопреки союзу его съ Георгомъ I, отказывается помогать ему въ борьбѣ со Швеціей. Заключивъ съ Георгомъ I въ его качествѣ курфюрста Брауншвейгъ-Люнебургскаго (en qualité d'Electeur de Brunswick-Luneburg) союзъ противъ Швеціи, который въ сущности являлся возобновленіемъ союза, заключеннаго съ Ганновером еще въ 1710 г., Петръ былъ убѣжденъ, что, наконецъ, онъ добился союза съ Англіей.

Мы присутствуемъ при одномъ изъ самыхъ любопытныхъ эпизодовъ всемірной исторіи: цѣлый рядъ «самодержавныхъ» государей заключаетъ съ маленькимъ нѣмецкимъ князькомъ союзъ въ полной увѣренности, что онъ въ Великобританіи можетъ распоряжаться такъ, какъ онъ распоряжался въ Люнебургской степи. Самъ Георгъ I, которому на старости лѣтъ свалился такой лакомый кусокъ, какъ великобританскій тронъ, очень плохо вѣритъ, что ему придется долго держаться на этомъ тронѣ и, вмѣстѣ со своими вѣрными ганноверцами, старается изо всѣхъ силъ поскорѣе нагрѣть себѣ руки и обезпечить себѣ нѣсколько новыхъ пріобрѣтеній въ Германіи—въ особенности же Бременъ и Верденъ. Это—единственная цѣль, которую онъ преслѣдуетъ съ упорствомъ зажиточнаго крестьянина, желающаго пріобрѣсти лишній клочокъ земли. Въ борьбѣ партій, происходящей въ Англіи, онъ разбирается такъ же плохо, какъ его другіе самодержавные коллеги. Онъ знаетъ только, что есть претендентъ, который хочетъ у него отнять великобританскій тронъ, что есть въ Англіи партія, помогающая этому претенденту, что онъ долженъ держать сторону другой партіи, и искренно удивляется, когда послѣдняя партія не можетъ оказать ему такую маленькую

---

[1]) Secret diplomatic history, c. 25.

услугу, какъ посылка десятка-двухъ фрегатовъ въ Балтійское море противъ шведовъ.

Англійскіе министры, чувствуя за своей спиной оппозицію торіевъ и въ тоже время убѣжденные въ необходимости сохраненія Ганноверской династіи, т. е. всего того, что дала «Glorious Revolution», метались между Георгомъ, которому они должны были дѣлать нѣкоторыя поблажки, и парламентомъ, для котораго они должны были подыскивать приличные предлоги, чтобы прикрыть конституціоннымъ флеромъ свои уступки ганноверскимъ министрамъ.

Во все время Сѣверной войны Англія ни разу не объявляла войны ни Швеціи, ни Россіи. Напротивъ, оффиціально она соблюдала нейтралитетъ. Но велъ ли Георгъ войну со Швеціей, какъ это было до 1719 г., или вступалъ съ ней въ союзъ противъ Россіи—онъ неизмѣнно раздражалъ своихъ союзниковъ, потому что онъ никогда не могъ выполнить взятыхъ на себя обязательствъ. Трудно сказать, когда онъ больше повредилъ Швеціи—когда былъ ея врагомъ или союзникомъ.

Начиная съ 1715 г., на Балтійскомъ морѣ крейсируетъ англійскій флотъ. Но Георгъ I, курфюрстъ Ганноверскій, можетъ отдавать приказанія англійскому адмиралу только, какъ великобританскій король, а Великобританія не воюетъ ни со Швеціей, ни съ Россіей. Когда Георгъ еще не успѣлъ поссориться съ Петромъ, онъ могъ ему доставить удовольствіе, и въ одинъ прекрасный день Петръ командовалъ флотомъ во время маневровъ, въ которыхъ, вмѣстѣ съ датскимъ флотомъ, участвовали англійскій и голландскій флотъ. Но, проводивъ англійскіе торговые корабли въ балтійскія гавани, англійскій адмиралъ долженъ опять вернуться въ Лондонъ и только, явно нарушая свои оффиціальныя инструкціи, можетъ тайкомъ оставить нѣсколько фрегатовъ Георгу въ его качествѣ курфюрста Ганноверскаго.

Петръ скоро понялъ, что Георгъ, какъ великобританскій король, ему совершенно безполезенъ, и когда онъ занесъ свою лапу на Мекленбургъ, онъ даже былъ удивленъ, что Георгъ, спокойно наблюдавшій, какъ онъ свирѣпствовалъ на другихъ германскихъ территоріяхъ, вдругъ запротестовалъ.

Недавніе друзья такъ перессорились, что Георгъ замышлялъ захватить Петра. Экспедиція въ Сконе кончилась неудачей еще въ періодѣ подготовленія. Союзники не довѣряли другъ другу. Датчане подозрѣвали Петра—и не безъ основанія—что онъ намѣренъ упрочиться въ Даніи и захватить Зундъ. Петръ, ссылаясь на то, что его союзники не выполняютъ принятыхъ на себя обязательствъ, и самъ не торопился исполнить ихъ. И только съ большимъ трудомъ удалось его выжить изъ Даніи.

А въ это время Карлъ XII или вѣрнѣе его совѣтники, Герцъ и Гилленборгъ, посланники въ Лондонѣ, рѣшили избавиться отъ непрошеннаго вмѣшательства Георга Ганноверскаго въ качествѣ короля Великобританскаго. Опора протестантизма въ Германіи, Карлъ XII, черезъ посредство своихъ совѣтниковъ, вступаетъ въ переговоры съ якобитами и испанскимъ министромъ Альберони, чтобы свергнуть Георга I съ престола. Мало того. Рѣшивъ использовать озлобленіе Петра противъ Георга, шведы вступаютъ въ переговоры съ нимъ, въ то время, какъ русскій посолъ въ Гаагѣ, Куракинъ, завязываетъ сношенія съ Альберони.

Эта сложная игра лопнула, когда въ началѣ 1717 г. въ Лондонѣ былъ арестованъ шведскій посланникъ Гилленборгъ и одновременно съ нимъ нѣсколько торіевъ. Англійское правительство поспѣшило опубликовать переписку Гилленборга, въ которой между прочимъ найдены были письма лейбъ-медика Петра, Арескина.

Но переписка Гилленборга разоблачила и другіе секреты. Будущій главарь шведскихъ «шляпъ», кромѣ дипломатическихъ талантовъ, обладалъ прекраснымъ перомъ. Въ нѣсколькихъ памфлетахъ, которые выходили одновременно на французскомъ и англійскомъ языкахъ, этотъ дипломатическій Жиль Блазъ, замышлявшій одной рукой возстановить Стюратовъ въ Англіи, другой—краснорѣчиво доказывалъ англичанамъ, что они должны, протестантизма ради, поддерживать Карла XII и что они должны положить, ради своихъ торговыхъ интересовъ, конецъ поступательному движенію русскихъ и помочь шведамъ вернуть имъ потерянныя владѣнія.

Эти памфлеты начали появляться съ 1715 г., со времени

возвращенія Карла XII изъ Турціи и начала дѣятельности Герца. Кромѣ первыхъ двухъ памфлетовъ, напечатанныхъ Марксомъ, имѣются еще и другіе, достовѣрно принадлежащіе Гилленборгу. Аргументація послѣднихъ до того сходится съ аргументаціей памфлетовъ «Northern Crisis» и «Defensive Treaty», что трудно отказаться отъ предположенія, что послѣдніе тоже вышли изъ подъ пера Гилленборга или его помощниковъ.

Всѣ эти памфлеты вращаются вокругъ одного вопроса. Англійскіе и голландскіе купцы поспѣшили завязать торговлю съ Петербургомъ и Нарвой. Чтобы помѣшать этому, Карлъ XII объявилъ эти порты подъ блокадой и началъ перехватывать англійскіе и голландскіе корабли. Положеніе еще больше обострилось, когда Петръ издалъ указъ, которымъ всѣ товары, направляющіеся къ Архангельску, должны были быть вывозимы изъ Петербурга.

Понятно, что ни англійскіе, ни голландскіе купцы не имѣли никакого желанія ждать, пока Карлъ XII снова завоюетъ свои старыя владѣнія. И вотъ памфлеты стараются имъ доказать, что они не имѣютъ права дѣлать это, что интересы протестантизма выше интересовъ нѣсколькихъ купцовъ, что въ этомъ вопросѣ не можетъ быть различія между честными торіями и честными вигами. Все это сопровождается постояннымъ припѣвомъ о возрастающемъ могуществѣ Россіи [1]).

Но кто же были тѣ англійскіе купцы, которые поднимали этотъ крикъ? У Маркса—готовый отвѣтъ: Русская Компанія. Но до того, какъ Петръ закрылъ Архангельскъ, сильнѣе всего страдала отъ шведскихъ каперовъ Eastland Company, которую часто смѣшиваютъ съ Русской. Послѣдняя, наоборотъ, первое время выигрывала и выигрывала вдвойнѣ. Она пользовалась монополіей вывоза изъ Россіи тѣхъ товаровъ, въ которыхъ Англія тогда особенно нуждалась. Нѣкоторые изъ нихъ вывозились изъ Швеціи, но, съ развитіемъ шведскаго флота, вывозъ этихъ матеріаловъ, необходимыхъ для кораблестроенія,

---

[1]) Всѣ эти памфлеты опубликованы въ собраніи de Lamberty, Mémoires pour servir à l'histoire du XVIII siècle. Vol. IX, Amsterdam. 1735. Въ томъ числѣ «Lettre d'une personne de distinction de Rotterdam à un ami à Amsterdam», «Lettre d'un ami à Dantzick» и т. д.

обставленъ былъ значительными трудностями. Въ Швеціи организовалась компанія, которая получила монополію на сбытъ дегтя (Tar Company of Sweden) и другихъ кораблестроительныхъ матеріаловъ. Уже въ 1703 г. англійскій парламентъ долженъ былъ установить преміи на вывозъ этихъ матеріаловъ изъ Американскихъ колоній, но пока это мало помогало. И какъ указывалъ одинъ изъ памфлетовъ, пугавшихъ англичанъ чрезмѣрнымъ могуществомъ Петра: «царь безспорно является безусловнымъ хозяиномъ трехъ четвертей дегтя всего міра, всей конопли, лучшихъ мачтъ и всѣхъ товаровъ, которые обычно получаются съ Сѣвера» («Il est incontestablement le maître absolu du trois quarts des houdrons de tout l'univers, de tout le chanvre, des meilleurs mâts et de toutes les marchandises qu'on avait coutume de tirer du Nord) [1]).

Что Русская Компанія не могла быть особенно довольной завоеваніями Петра на Балтійскомъ морѣ—по крайней мѣрѣ на первое время—видно изъ слѣдующаго аргумента: «Вы вѣдь сами признаете, что если царю удастся сохранить за собою хоть одинъ портъ на Балтійскомъ морѣ, то архангельская торговля сама собою пропадетъ въ ущербъ тысячамъ нашихъ соотечественниковъ»[2]). Этимъ объясняется холодность, которую встрѣтилъ со стороны ея членовъ Матвѣевъ.

Но съ 1715 г. конкурренты соединились и, вмѣстѣ съ голландцами, яро отстаивали «свободу торговли» съ Петербургомъ и съ Нарвой. А когда памфлетистъ или памфлетисты говорили голландцамъ, что «вы сами готовы были бы топтать эту свободу торговли, какъ вы топтали крестъ въ Японіи» [3]), то они отвѣчали спокойно, что «не важно, кому принадлежатъ восточныя области Балтійскаго моря: Царю или Швеціи» [4]).

Марксъ самъ признаетъ, что балтійская торговля въ это время пріобрѣла особое значеніе не по своимъ размѣрамъ, а по своему характеру. Это было время, когда въ корабле-

---

[1]) Lamberty, Mémoire d'une personne interessée et sensible au commerce de la mer Baltique. Vol IX, c. 663.
[2]) Lamberty, тамъ же, с. 225.
[3]) Lamberty, IX, c. 232.
[4]) Lamberty, IX, c. 242.

строеніи происходила революція, аналогичная той, которая ознаменовала собою первую половину XIX столѣтія. Весельное судоходство умирало. Галеры становились такимъ же анахронизмомъ, какъ теперь парусныя суда. Англійскія, голландскія и французскія верфи соперничали въ постройкѣ большихъ парусныхъ кораблей,—двухъ-, трехъ- и четырехъпалубныхъ. Ост-Индскіе фрегаты—«Great Eastern» того времени—все чаще спускались съ верфей. Для выдѣлки парусовъ и канатовъ требовалось огромное количество льна и конопли. На обыкновенное судно требовалось для парусовъ до 10000 ярдовъ въ 24 дюйма шириною. Ирландія насильственно превращалась въ страну, производящую парусное полотно (sailcloth). Чрезъ Гамбургъ изъ Германіи вывозился опять таки холстъ. И въ такихъ же огромныхъ количествахъ потреблялись поташъ, деготь и смола (въ поташѣ вываривались паруса), вывозился мачтовый лѣсъ и т. д. Однимъ словомъ, для промышленности и торговли Англіи эти naval stores (кораблестроительные матеріалы) имѣли такое же значеніе, какъ хлопокъ въ XIX столѣтіи. Прекращеніе подвоза этихъ naval stores останавливало работу на верфяхъ [1]).

«Азіатъ» Петръ, кораблестроительный талантъ котораго такъ восторженно описываетъ авторъ памфлета Northern Crisis, понималъ это также прекрасно, какъ онъ понялъ, наконецъ, что, возбуждая общественное мнѣніе противъ Ганноверскаго короля, онъ лучше всего можетъ воздѣйствовать на парламентъ. Онъ усвоилъ себѣ уроки Герца и Гилленборга. И это научились понимать даже такіе истинно-московскіе дипломаты, какъ Куракинъ.

Когда въ 1718 г. Карлъ XII былъ убитъ пулей не то датчанина, не то наемниковъ шведской олигархіи, и всякая опасность нашествія со стороны Швеціи исчезла, когда Георгъ I поспѣшилъ заключить союзъ со Швеціей, Куракинъ писалъ изъ Лондона:

«Пусть съ ихъ стороны начнутся непріятельскія дѣйствія,

[1]) «Если балтійскіе корабли, писалъ Тоунзендъ въ 1715, не прибудутъ, то недостатокъ въ кораблестроительныхъ матеріалахъ будетъ такъ великъ, что его величество не было бы въ состояніи къ слѣдующей веснѣ снарядить флотъ». Цитировано у Chance, J. England and Sweden in the time of William III and Anne, English Historical Review, October 1901, c. 684.

чтобы можно было парламенту и народу показать справедливость Россіи и неправоту короля и министерства. Намъ надобно сблизиться съ главами партіи тори и чрезъ нихъ препятствовать въ парламентѣ проведенію предложеній отъ двора; побуждать англійское купечество, заинтересованное въ русской торговлѣ, дѣлать свои представленія въ формѣ писемъ отъ одного друга къ другому, безыменно печатать въ Англіи, для народнаго вѣдѣнія о томъ, какіе дальніе виды имѣетъ министерство къ предосужденію англійской свободы, какой вредъ произойдетъ для Балтійской торговли и т. д.».

Петръ I и его министры въ роли защитниковъ англійской свободы! Но, рабски копируя пріемы своихъ шведскихъ учителей, азіаты превзошли ихъ своей практичностью: 28 іюня 1719 г. Петръ опубликовалъ одну декларацію, адресованную всѣмъ дворамъ, но предназначавшуюся, главнымъ образомъ, для Англіи и Голландіи, въ которой онъ гарантировалъ «свободу торговли», а другую спеціально къ англійскому купечеству, торгующему въ предѣлахъ Россійскаго государства. Во второй декларації между прочимъ писалось:

«Того ради указалъ его Царское Величество аглицкимъ купцамъ, пребывающимъ нынѣ въ Россійскомъ государствѣ, всемилостиво объявить, что хотя Его Царскому Величеству чувственно (хотя онъ огорченъ) о вышеупомянутомъ коронѣ швецкой противъ Его Царскаго Величества споможеніи, однакожъ ту причину народу Аглицкому Его Царское Величество причитать не изволитъ, но токмо Гановерцамъ и ихъ партіи. Того ради всѣхъ купцовъ народу Аглицкаго, пребывающимъ въ Россійскомъ Государствѣ, изволяетъ по прежнему содержать въ милостивомъ призрѣніи и вольной коммерціи, и чтобы оные помянутые Аглицкаго народа купцы за вышеупомянутые для ганноверскаго интереса интриги никакого себѣ въ Россійскомъ Государствѣ озлобленія не опасались».

Несмотря на это, отношенія между Россіей и Англіей съ каждымъ днемъ обострялись. Въ 1719 г. сторону Швеціи принялъ не только Ганноверъ, но и Англія. Упорно отказы-

ваясь отъ посредничества между Россіей и Швеціей въ первую половину Сѣверной войны, она теперь такъ же упорно предлагала свое посредничество въ пользу Швеціи и подкрѣпляла свои предложенія посылкой эскадры подъ начальствомъ Норриса. Такъ какъ Англія все таки не объявила войны Россіи, то присутствіе этого «честнаго маклера» не принесло никакой пользы. Русскія войска въ виду англійскаго флота высадились въ Швеціи и свирѣпствовали тамъ не меньше, чѣмъ въ Помераніи.

Надо помнить, что хотя отношенія между Англіей и Россіей дошли до того, что 23 ноября 1720 г. русскому посланнику предложено было въ 8 дней выѣхать изъ Лондона, война все таки не была объявлена. Въ открытой враждѣ съ Петромъ находился не Георгъ Великобританскій, а Георгъ Ганноверскій. Не смотря на все внѣшнее сходство операцій англійскаго флота въ Балтійскомъ морѣ съ операціями того же флота во время Крымской Войны, эта война уже потому не могла быть только показной войной противъ Россіи, что оффиціально не было войны. Съ такой показной войной противъ Россіи, причины которой лежали не въ руссофильствѣ англійскихъ государственныхъ людей, какъ думалъ Марксъ, а въ противорѣчивости торговыхъ интересовъ Великобританіи, впутывавшихъ ее временами въ войну съ Россіей, но заставлявшихъ ее щадить своего главнаго поставщика сырья и охранять интересы балтійской торговли, мы впервые встрѣчаемся только въ эпоху семилѣтней войны.

Но Георгъ Ганноверскій, въ качествѣ великобританскаго короля, и Георгъ Великобританскій, въ качествѣ ганноверскаго курфюрста, вводилъ въ обманъ не только Маркса, не только автора перепечатаннаго имъ третьяго памфлета, имѣющаго очевидное ганноверское происхожденіе: онъ до сихъ поръ еще продолжаетъ путать историковъ этого періода. Тамъ, гдѣ Марксъ видѣлъ руссофильство, антиганноверская оппозиція въ Англіи видѣла угодничество передъ Ганновером. Современные историки употребляютъ огромныя усилія, чтобы разъяснитъ всю эту путаницу: одни видятъ въ ней подчиненіе интересамъ Ганновера, другіе объясняютъ ее глубокими маккіавелистическими соображеніями англійскихъ министровъ,

стремившихся установить политическое равновѣсіе на сѣверѣ, а третіе—въ особенности англійскій историкъ Chance—стараются доказать, что Англія была солидарна съ Ганноверомъ только тогда, когда этого требовали ея торговые интересы. Но всѣ они съ одинаковымъ трудомъ отдѣляютъ Англію отъ Ганновера и часто забываютъ, что Георгъ былъ поваромъ въ Англіи и кучеромъ въ Ганноверѣ, что Англія въ теченіе всей Сѣверной Войны не воевала ни со Швеціей, ни съ Россіей.

Но мы забыли, какъ и Марксъ, еще одинъ персонажъ, который игралъ если не возвышенную роль, то очень выгодную во всей этой путаницѣ. Это—нѣмецкій Иванъ Калита, какъ его называетъ одинъ русскій историкъ, Фридрихъ-Вильгельмъ I. Высшія государственныя соображенія должны были, конечно, заставить его принять участіе въ раздѣлѣ Швеціи. «Королю было выгодно находиться въ союзѣ съ наиболѣе могущественнымъ, умнымъ и дѣятельнымъ государемъ сѣвера» [1]).

Гарантируя Петру его завоеванія, онъ получилъ гарантію на Штетинъ. Большой германскій патріотъ, который клялся не успокоиться, пока останется хоть одинъ шведъ на германской почвѣ, онъ спокойно относился къ хозяйничанью Петра въ Мекленбургѣ. «Фридрихъ-Вильгельмъ, говоритъ Ранке, былъ въ этомъ вопросѣ гораздо менѣе рѣшителенъ, чѣмъ Данія и Ганноверъ».

Конкурренція послѣдняго была ему болѣе страшна, чѣмъ реквизиціи русскихъ. Дружба Петра давала больше. Но онъ попалъ въ трагическое положеніе, когда Георгъ поссорился съ Петромъ. За Георгомъ Ганноверскимъ стоялъ Георгъ Великобританскій. Война между Россіей и Англіей казалась неизбѣжной: «Находясь подъ сильнымъ принужденіемъ какъ восточной, такъ и западной силы, съ одной стороны собираясь окончательно захватить большую территорію, а съ другой опасаясь отказаться отъ союза съ Россіей, Фридрихъ-Вильгельмъ пришелъ въ такое возбужденіе, что въ резуль-

---

[1]) Ranke, L. Zwölf Bücher preussischer Geschichte. Leipzig, 1874, стр. 12.

татѣ всѣхъ этихъ колебаній, бросавшихъ его изъ одной крайности въ другую, слегъ въ постель»[1]).

Но страхъ передъ союзомъ Георга I, короля Великобританскаго, въ качествѣ курфюрста Ганноверскаго, со Швеціей превозмогъ страхъ передъ Петромъ. 17 августа 1719 г. Фридрихъ Вильгельмъ заключилъ союзъ съ Ганновером и съ Англіей. На векселѣ, который онъ имѣлъ на Штетинъ, теперь, кромѣ бланка Петра, стоялъ еще бланкъ Англіи.

Въ 1720 г. даже для Швеціи стало ясно, что Георгъ можетъ предоставить въ ея распоряженіе только свои ганноверскія войска, т. е. нуль. Согласившись по его предложенію удовлетворить Данію и Пруссію, чтобы изолировать Петра, удовлетворивъ самого Георга, Швеція, совершенно обезсилѣвшая, осталась одна на одинъ съ Россіей: потерявъ всякую надежду на посредничество Англіи, которая тогда поглощена была крахомъ Южно-океанской компаніи, она должна была заключить миръ съ Петромъ на болѣе тяжелыхъ условіяхъ, чѣмъ она его заключила бы прежде.

Съ англійскими государственными дѣятелями Петръ разссорился настолько, что дипломатическія сношенія между Англіей и Россіей возобновились только долго спустя послѣ его смерти. Та самая Англія, которая еще въ грамотѣ Ченслора назвала первая русскаго царя «Императоромъ всея Россіи», которая, устами Витворта, привѣтствовала его сейчасъ послѣ Полтавы «императоромъ», признала за Россіей императорскій титулъ только въ 1742 г.

Но, несмотря на все свое озлобленіе противъ англійскихъ государственныхъ дѣятелей, Петръ не трогалъ англійской торговли. Это значило повредить экспорту, слѣдовательно фиску. Но онъ рѣшился нанести ударъ британскому импорту, иными словами суконной промышленности.

Вылѣчившись отъ своей лихорадки или избавившись отъ страха потерять Штеттинъ, Фридрихъ-Вильгельмъ опять помирился съ Петромъ. «Въ 1724 г. Пруссія получила право поставки сукна для всей русской арміи. И Англія закрыла себѣ своимъ политическимъ соперничествомъ съ царемъ рус-

---

[1]) Тамъ же, стр. 27.

скій рынокъ вплоть до 1730 г. и тщетно пыталась затѣмъ отвоевать его назадъ».

Пруссіи дружба съ Россіей пошла впрокъ. И въ то время, какъ Данія, Россія, Швеція и Германія залѣчивали раны, нанесенныя долгой войной, «Пруссія съ каждымъ слѣдующимъ годомъ лишь становилась сильнѣе и увѣреннѣе» [1]).

Но та же Сѣверная Война оставила Германіи въ наслѣдіе Шлезвигъ-Гольштейнскій вопросъ, который далъ Россіи поводъ впервые играть роль арбитра въ Германіи. Если вѣрить Бунзену, прусскому посланнику въ Лондонѣ, то «тяжелое иго, въ которомъ Россія держала Австрію и Пруссію до 1848 г., началось въ 1717 г.»

Итакъ, «дѣйствительная исторія» показываетъ, что въ возвышеніи Россіи англійскіе государственные люди такъ же мало «виноваты», какъ татарскіе ханы. Дѣйствительнымъ виновникомъ является европейскій капитализмъ, который сдѣлалъ изъ Романовыхъ своихъ конквистадоровъ такъ же, какъ онъ Гогенцоллерновъ превратилъ въ своихъ коммивояжеровъ.

---

[1]) Droysen, Geschichte der preussischen Politik, Band IV, s. 193. Leipzig 1869. Для нѣмецкаго историка прямо поразительно его умѣнье проскальзывать чрезъ самыя невозможныя положенія, въ которыя онъ попадаетъ благодаря необходимости защищать весьма невозвышенную прусскую политику, и не менѣе поразительна неизмѣнная готовность находить во всѣхъ ея неожиданныхъ колебаніяхъ глубокій историческій смыслъ.

VIII. Англо-Русскій союзъ въ XVIII столѣтіи.

Поскольку работа Маркса была напечатана, она болѣе или менѣе подробно анализируетъ отношенія между Англіей и Россіей только во время Сѣверной войны. Поскольку же рѣчь идетъ о послѣднихъ трехъ четвертяхъ XVIII столѣтія, онъ, въ напечатанной части, ограничивается только опубликованіемъ писемъ трехъ англійскихъ посланниковъ и выдержекъ изъ одного манускрипта. Но ему кажется, что эти документы вполнѣ доказываютъ его главный тезисъ.

Мы уже видѣли, какъ, увлеченный своей основной идеей, Марксъ запутался въ лабиринтѣ «тайнъ» и интригъ международной дипломатіи въ началѣ XVIII вѣка. Вмѣсто анализа всего тогдашняго международнаго историческаго положенія, который ясно показываетъ, какое подчиненное значеніе имѣла Сѣверная война въ сравненіи съ борьбой за господство на Атлантическомъ океанѣ, онъ заставляетъ Англію дѣйствовать въ началѣ XVIII вѣка такъ, какъ будто бы всѣ ея помыслы должны были быть устремлены на борьбу съ Россіей. «Дѣйствительная исторія» показываетъ, что и въ этомъ отношеніи Марксъ ошибался, какъ онъ ошибается, сваливая всю вину за руссофильскую политику на виговъ, ибо, если можно говорить объ опредѣленныхъ русскихъ симпатіяхъ какой нибудь англійской партіи въ началѣ XVIII вѣка, то этой партіей, какъ мы уже видѣли, являлись торіи.

Внѣшняя политика виговъ продолжала опредѣляться антагонизмомъ съ Франціей, съ которой Англія сталкивается въ Левантѣ, въ Америкѣ и въ Азіи. Но справиться съ Франціей

Англія могла только въ томъ случаѣ, если ей удавалось найти противъ нея какихъ нибудь союзниковъ на континентѣ. Тогда она могла, пользуясь своимъ преобладаніемъ на морѣ, наносить ей удары во всѣхъ частяхъ свѣта. Въ силу этого, ея отношенія къ другимъ державамъ продолжали опредѣляться, главнымъ образомъ, отношеніями Франціи къ этимъ державамъ. Если она временно, какъ это было послѣ окончанія Войны за испанское наслѣдство, когда Франція должна была отказаться отъ всякой наступательной политики, находилась съ ней въ «дружественныхъ» отношеніяхъ, то она тѣмъ самымъ попадала во враждебныя или холодныя отношенія къ постояннымъ антагонистамъ Франціи. Такимъ была, главнымъ образомъ, Австрія.

Когда Карлъ Фогтъ въ своихъ «Этюдахъ о современномъ положеніи Европы» утверждалъ, что «съ Австріей Англія никогда не могла ужиться въ согласіи», то Марксъ ему отвѣтилъ:

«Дѣйствительно! Общая борьба Англіи и Австріи противъ Людовика XIV продолжалась, съ маленькими перерывами, отъ 1689 до 1713, слѣдовательно, почти четверть вѣка. Въ Войнѣ за австрійское наслѣдство Англія около шести лѣтъ сражается вмѣстѣ съ Австріей противъ Пруссіи и Франціи. Только въ эпоху Семилѣтней войны Англія соединяется съ Пруссіей противъ Австріи и Франціи, но уже въ 1760 году лордъ Бютъ бросаетъ на произволъ судьбы Фридриха Великаго, чтобы дѣлать попеременно то русскому министру Голицыну, то австрійскому министру Кауницу предложеніе о «раздѣлѣ Пруссіи»... Протестантская Англія питаетъ антипатію къ католической Австріи, либеральная Англія — къ консервативной Австріи, фритредерская Англія — къ протекціонистской Австріи, платежеспособная Англія къ обанкротившейся Австріи. Но патетическій элементъ всегда оставался чуждъ англійской исторіи».

А тѣ же самые матеріальные интересы, которые связывали Англію съ Австріей, связывали ее съ Россіей. Правда, съ существенной разницей, сохранявшей свое значеніе еще на протяженіи XVIII столѣтія. Непосредственный антагонизмъ между Россіей и Англіей существовалъ только съ Турціей,

и съ конца XVIII столѣтія къ нему прибавляется непосредственный антагонизмъ въ Азіи изъ-за Остъ-Индіи. Во всѣхъ же другихъ областяхъ Англія и Россія сталкивались лишь постольку, поскольку Россія была за Францію или противъ нея, за Австрію или противъ нея. Въ зависимости отъ этого продолжали сталкиваться или совпадать ихъ интересы въ Швеціи, въ Польшѣ и даже въ Турціи, гдѣ непосредственный антагонизмъ съ Россіей до послѣдней четверти XVIII столѣтія отступалъ на задній планъ предъ такимъ же антагонизмомъ съ Франціей.

Мы видѣли также, что во внѣшнюю политику Англіи, начиная съ 1714 г., вторгается новый элементъ, — ганноверская династія, — который вноситъ въ нее путаницу, заставляя виговъ на первыхъ порахъ считаться съ интересами Георговъ Ганноверскихъ, не всегда совпадавшихъ съ интересами Георговъ Великобританскихъ. Этой цѣной виги охраняли плоды «glorious revolution», освобожденіе отъ гегемоніи Франціи. Вокругъ Ганноверской династіи концентрировались защитники привилегій англійскаго банка, государственные кредиторы, которые, при одномъ словѣ Стюартъ, хватались въ страхѣ за свои карманы, вліятельные акціонеры Остъ-Индской компаніи и т. д. и т. д. И, скрѣпя сердце, они дѣлали уступки ганноверцамъ, каждый разъ навлекая на себя громы анти-ганноверской оппозиціи, т. е. торіевъ, которые не уставали доказывать, что ганноверская политика виговъ наноситъ ущербъ торговлѣ съ Россіей. Несмотря на все желаніе виговъ поменьше вмѣшиваться въ дѣла континента, имъ приходилось считаться—въ извѣстной степени—съ интересами Ганновера.

Если главнымъ поводомъ для разрыва между Петромъ и Георгомъ послужило занятіе Мекленбурга, то гарантія, которую Данія получила отъ Англіи на владѣніе Шлезвигъ-Гольштейномъ, должна была служить новымъ яблокомъ раздора, пока существовала опасность нападенія Россіи на Данію въ интересахъ герцога Гольштинскаго, мужа одной изъ дочерей Петра Великаго [1]). Съ устраненіемъ его отъ наслѣдова-

[1]) Одновременно съ поддержкой притязаній герцога Гольштинскаго на Шлезвигъ-Гольштейнъ, Россія поддерживала его кандидатуру на шведскій престолъ. Новая причина для конфликта въ Швеціи, гдѣ тогда русской партіи противостояла англо-французская.

нія при Аннѣ Іоанновнѣ, отпадаетъ съ 1731 г. одна изъ причинъ вражды между Англіей и Россіей. Въ этомъ же году происходитъ примиреніе между Австріей и Англіей: Австрія удовлетворяетъ Англію по вопросу о Компаніи въ Остенде, конкурренція которой раздражала одинаково и голландскую и англійскую остъ-индскую компаніи, Англія признаетъ прагматическую санкцію. Такимъ образомъ, создается еще новый моментъ для сближенія между Англіей и Россіей, связанной тогда тѣснымъ союзомъ съ Австріей. И въ 1731 г. Англія дѣлаетъ первый шагъ къ возобновленію дипломатическихъ сношеній съ Россіей, назначая Рондо (Rondeau) своимъ резидентомъ. «Крикъ» Русской Компаніи былъ, наконецъ, услышанъ. Какъ пишетъ самъ Рондо, его главной цѣлью было «послужить орудіемъ для оживленія такой драгоцѣнной для насъ отрасли промышленности, какъ наши шерстяныя мануфактуры, переживавшія уже нѣсколько лѣтъ угнетенное состояніе». Чрезъ его посредство предоставлена была любопытная записка Русской Компаніи о положеніи торговли съ Россіей (7 октября 1732 г.).

«Англичане вывозятъ двѣ трети всей конопли, болѣе половины всѣхъ кожъ, столько же льна, свыше трехъ четвертей всего полотна, столько же желѣза, весь поташъ, большую часть ревеня, рыбьяго клея, щетины, воска. За то ввозъ изъ Англіи уменьшился въ два раза. До 1724 г. солдатское сукно покупалось у англичанъ, послѣ 1724 г.—въ Пруссіи. Если пруссаковъ удастся лишить ихъ монополіи, то это задержитъ ростъ прусской суконной промышленности и вывозъ суконъ изъ Пруссіи прекратится» [2]).

Этотъ фактъ—продолжающійся ростъ вывоза изъ Россіи въ Англію и уменьшеніе ввоза Англіи въ Россію отъ 1716 г. до 1730 г.—извѣстенъ Марксу. Для него онъ служитъ новымъ доказательствомъ нелѣпости англійскихъ министровъ, промѣнявшихъ въ угоду Россіи болѣе выгодную торговлю со Швеціей на менѣе выгодную съ Россіей.

Но мы уже видѣли, что, если ввозъ имѣлъ особенное значеніе для англійской суконной промышленности, то вы-

---

[1]) Сборникъ Русск. Имп. Общ., томъ 66, стр. 176—7.
[2]) Тамъ же, ст. 518.

возъ изъ Россіи имѣлъ первостепенное значеніе для англійскаго судостроенія, т. е. для той промышленности, развитіе которой для Англіи являлось conditio sine qua non ея торговой супрематіи.

Англія и Россія находились отъ 1719 до 1731 г. въ самыхъ враждебныхъ отношеніяхъ между собою, но такъ же мало, какъ Англія могла отказаться отъ вывоза изъ Россіи, такъ послѣдняя могла отказаться отъ ввоза въ Англію. Для Россіи это было не только экономической, но и финансовой невозможностью, такъ какъ это было бы равносильно отказу отъ таможенныхъ доходовъ, составлявшихся, главнымъ образомъ, изъ вывозныхъ пошлинъ[1]). Отъ разрыва страдала только англійская мануфактурная промышленность и выигрывала русская. Если еще прибавить, что строго протекціонный тарифъ, установленный Петромъ въ 1724 г., былъ замѣненъ въ 1731 г. либеральнымъ тарифомъ, то мы поймемъ, какой гвалтъ должны были поднять въ Англіи противники ганноверской политики виговъ. Это значило бы окончательно потерять русскій рынокъ въ пользу своихъ конкуррентовъ.

Въ 1734 г. между Россіей и Англіей былъ заключенъ торговый договоръ, который предоставилъ Англіи права наиболѣе благопріятствуемой державы, полученныя Пруссіей еще по договору 1726 г. И уже очень скоро Рондо могъ съ торжествомъ извѣстить англійскихъ министровъ, что ему удалось склонить русское правительство заказать у англійскихъ купцовъ 40.000 ярдовъ солдатскаго сукна, «что очень огорчило пруссаковъ».

Но торговое сближеніе далеко еще не означало политическаго. Повторилась старая исторія. Видя, какъ англичане настойчиво добиваются торговаго трактата, русскіе дипломаты рѣшили воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы заключить съ Англіей союзный договоръ. Но, несмотря на всю ихъ назойливость, Сентъ-Джемскій кабинетъ упорно отказывался. Союзъ съ Россіей пока требовалъ бы только жертвъ, тогда какъ торговый договоръ приносилъ только выгоды.

---

[1]) Поэтому, въ 1736 г. когда Англія, для защиты Даніи, послала свой флотъ въ Балтійское море, русское правительство опять опубликовало декларацію, успокаивающую англійскихъ купцовъ.

Въ политическомъ отношеніи Россія все еще оставалась второстепенной державой, которая многаго не могла дать. Послѣ смерти Петра она была цѣликомъ поглощена борьбой между сторонниками реформъ Петра и ихъ противниками и если играла какую нибудь роль во внѣшней политикѣ, то лишь какъ союзникъ Австріи.

Положеніе измѣнилось только послѣ Войны за испанское наслѣдство и тѣсно связанной съ ней новой войной съ Турціей, начавшейся въ 1735 г. Неожиданные успѣхи русскихъ войскъ подъ предводительствомъ Миниха и Ласси производили тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе, что рядомъ съ ними австрійскія войска терпѣли одно пораженіе за другимъ [1]). Хотя, въ концѣ концовъ, когда Австрія, не предупредивъ свою союзницу, заключила съ Турціей сепаратный миръ, Россія должна была отказаться отъ большей части своихъ завоеваній, ея военный престижъ все же поднялся въ очень сильной степени.

Съ предложеніемъ посредничества Англія обратилась, когда начатая, главнымъ образомъ, по иниціативѣ Остермана, война обѣщала полное торжество надъ Турціей. И оно было тѣмъ болѣе подозрительно, что исходило отъ англійскаго посланника въ Константинополѣ, Фаукенера. Наоборотъ, когда Турція оправилась послѣ первыхъ пораженій, то Англія очень неохотно откликнулась на предложеніе Россіи о посредничествѣ, и миръ былъ заключенъ при посредничествѣ Франціи.

Именно къ этому времени, къ началу 40-хъ годовъ, Россія впервые становится равноправнымъ членомъ европейскаго концерта.

Начиналась Война за австрійское наслѣдство (1741). Австрія, которая вышла изъ послѣдней войны съ Турціей ослабѣвшей и униженной, имѣла теперь въ самой Германіи опаснаго соперника въ лицѣ Пруссіи. Вліяніе Франціи господствовало въ Швеціи, Польшѣ, Турціи и западной Германіи. Союзъ съ Россіей пріобрѣталъ при такихъ условіяхъ большое значеніе. «И понятно, что теперь Петербургъ или Москва, смотря по тому, гдѣ находится императорскій дворъ, стано-

---

[1]) Именно къ этому времени относится письмо Рондо, напечатанное Марксомъ. Теперь оно помѣщено въ Сборникѣ Русскаго Истор. Общества, т. 80, стр. 13—19.

вится средоточіемъ европейской дипломатической дѣятельности,—ареною, гдѣ министры различныхъ европейскихъ дворовъ борятся другъ съ другомъ, кто осилитъ, кто склонитъ русское правительство помочь Маріи Терезіи и тѣмъ поддержать европейское равновѣсіе [1])».

И, въ первый разъ за два столѣтія, съ просьбой о союзѣ обращается не Россія къ Англіи, а, наоборотъ, Англія къ Россіи. Только тогда, въ инструкціяхъ англійскимъ посламъ при Петербургѣ, начинаютъ все чаще слышаться рѣчи о томъ, что Россія и Англія являются естественными союзниками. «Его Величество король—говорилъ Картеретъ русскому посланнику въ Лондонѣ—ничего такъ не желаетъ, какъ дружбы съ Ея Императорскимъ Величествомъ (Елизаветой), мы довольно знаемъ силу Россіи въ дѣлахъ европейскихъ. Многіе ищутъ дружбы Вашего двора, но никакой союзъ не будетъ такъ согласенъ съ интересами Россіи, какъ союзъ ея съ морскими державами, который и Петръ Великій старался содержать для сохраненія европейскаго равновѣсія (что ему это не всегда удавалось, Картеретъ умалчиваетъ). Надѣюсь, что и Ея Величество не оставитъ этихъ великихъ правилъ. Ни изъ какого государства не приходитъ къ Вамъ столько пустыхъ кораблей для нагрузки Вашими товарами, какъ изъ Англіи; изъ другихъ земель могутъ приходить къ Вамъ корабли съ виномъ и другими пустяками, но такая торговля столько чистыхъ денегъ у Васъ не оставитъ, какъ наша».

Въ 1742 г. заключенъ былъ первый оборонительный союзъ между Англіей и Россіей. Но если Англія въ немъ отказалась принять за casus foederis войну Россіи съ Турціей, то Россія признавала такимъ только войну въ предѣлахъ Европы. Именно на этотъ пунктъ направлялись главныя нападки оппозиціи въ Англіи, доказывавшей, что онъ имѣетъ значеніе только для Георга Ганноверскаго. Въ 1747 г. между Англіей и Россіей была заключена еще конвенція, въ силу которой Россія должна была отправить на Рейнъ корпусъ въ 30.000 человѣкъ. Это были первые русскіе солдаты, появившіеся въ сердцѣ Германіи.

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. 21, с. 201.

Даже Семилѣтняя Война не въ состояніи была разорвать этотъ союзъ, несмотря на Вестминстерскій договоръ (16 янв. 1756 г.) съ Англіей, которымъ послѣдняя обязалась всякую вооруженную не-нѣмецкую силу, которая вступитъ на нѣмецкую почву, изгнать вооруженной рукой. Англія ограничивалась только тѣмъ, что платила Фридриху субсидію, и оставила его на произволъ судьбы, какъ только убѣдилась въ безсиліи Франціи. Россіи она не трогала. Англійскій посолъ, Кейтъ, оставался все время въ Петербургѣ и употреблялъ всѣ усилія, чтобы разссорить Францію съ Австріей и Россіей. Русскія войска безпощадно опустошали Восточную Пруссію, Померанію и Марку, а Англія палецъ о палецъ не ударила, чтобы выполнить свои обязательства.

Но нашъ историкъ забылъ, что, безъ русскаго привоза, Англія не могла бы вести своей морской войны, что, несмотря на всѣ свои старанія превратить Сѣверную Америку, путемъ вывозныхъ премій, и Ирландію, путемъ жестокихъ репрессій, въ мастерскія для производства необходимыхъ ей кораблестроительныхъ матеріаловъ, она не могла обойтись безъ этихъ русскихъ матеріаловъ. И какъ хорошо понималъ это Фридрихъ Великій, видно хотя бы изъ того, что когда Петръ III хотѣлъ услужить своему идолу и удержать Англію отъ «измѣны» прусскому королю, онъ писалъ подъ диктовку графа Гольца русскому посланнику, въ Лондонъ:

«А особливо примѣтить имъ надлежитъ, что если Россія слѣдующіе товары отниметъ у Англіи, а именно: пеньку, мачтовыя деревья, мѣдь, желѣзо и конопляное масло, безъ которыхъ англичане не могутъ обойтись, то будутъ они приведены въ окончательное разореніе».

Чрезъ нѣсколько дней послѣ этой инструкціи гр. Воронцову, Петръ III былъ свергнутъ, и угроза не была приведена въ исполненіе.

И опять мы встрѣчаемся съ характернымъ явленіемъ, съ которымъ мы уже встрѣчались, когда Англія вела такого же рода показную войну противъ Россіи въ союзѣ со Швеціей. Вывозъ изъ Россіи въ Англію не только не уменьшился, но, наоборотъ, увеличился, а ввозъ изъ Англіи въ Россію, въ 1760 г. былъ ниже даже, чѣмъ въ 1730 г. Марксъ дѣлаетъ

изъ этихъ цифръ все тотъ же выводъ, что дружба съ Россіей приносила торговый ущербъ интересамъ Англіи, что вывозъ изъ Англіи въ Россію постоянно падалъ до 1760 г.; но это такая же ошибка, какъ и его прежній выводъ. При всякомъ охлажденіи между Россіей и Англіей вывозъ послѣдней немедленно уменьшался, вывозъ первой продолжалъ неуклонно возростать [1]).

Конечно, на ряду съ этой главной причиной играла роль и другая матеріальная причина, на которую указываетъ Мерингъ. «Ни одинъ англійскій министръ не смѣлъ затронуть балтійскую торговлю. Когда Питтъ получилъ власть въ свои руки, онъ сейчасъ же заявилъ прусскому королю, что онъ не можетъ разсчитывать на точное выполненіе условій Вестминстерскаго договора» [2]). Мерингъ забылъ только, что, когда лѣтомъ 1757 г. дѣла Фридриха шли хорошо, и Англія сдѣлала попытку особой декларацією напомнить, что она не можетъ допустить какой бы то ни было державѣ ввести свои войска въ Германію, то она получила тотъ же отвѣтъ, который данъ былъ Петромъ I и Екатериной I, а именно, что Россія отдѣляетъ англійскіе интересы отъ русскихъ, но что она перестанетъ это дѣлать, какъ только Англія нападетъ на ея флотъ. Но Мерингъ правъ, говоря, что ущербъ, наносимый балтійской торговлѣ, былъ гибеленъ для министерства. Поэтому, Англія воспользовалась первой возможностью, чтобы предоставить Фридриха II его судьбѣ.

Только теперь мы дошли до момента, когда Россія начала играть ту роль въ европейской политикѣ, которая надолго сдѣлала ее вершительницею судебъ Европы. «Никогда не была міровая конъюнктура такъ благопріятна для завоевательныхъ плановъ царизма, какъ въ 1762 г., когда великая блудница Екатерина II вступила на престолъ послѣ убійства своего супруга. Вся Европа была Семилѣтней Войной разбита на два лагеря» [3]).

Сокрушивъ колоніальное могущество Франціи въ Америкѣ

[1]) 1730 г.—258.802 ф. ст., 1760—576.265 ф. ст. Я нарочно беру данныя Маркса.

[2]) Mehring, F. Lessing-Legende, s. 169.

[3]) Engels, F. Die auswärtige Politik des russischen Zarentums, Neue Zeit, 1890, c. 150.

и Индіи, Англія въ самой Европѣ очутилась въ «блестящемъ одиночествѣ». Поссорившись съ своимъ «ancient ally» (старымъ союзникомъ), поступивъ только что съ Фридрихомъ, какъ съ выжатымъ лимономъ, Англія льнула теперь къ своему «natural ally», къ Россіи, но Екатерина II тѣмъ холоднѣе относилась къ этому ухаживанію, чѣмъ сильнѣе разгоралась борьба партій въ самой Англіи, чѣмъ болѣе натянутыми становились отношенія между Англіей и ея американскими колоніями. Именно это обстоятельство накладываетъ особый отпечатокъ на всю дипломатическую переписку англійскихъ посланниковъ. Вынужденные дѣлать уступки Россіи, они стараются уменьшить ихъ размѣры при помощи самой низкой лести сѣверной Семирамидѣ. И они дѣлали это тѣмъ усерднѣе—обстоятельство, ускользнувшее отъ Маркса—что прекрасно знали, что оффиціальная переписка ихъ вся перлюстрируется, что даже шифрованная очень часто попадала по своему назначенію лишь послѣ того, какъ копіи съ нея оставались въ рукахъ русскаго правительства. Чѣмъ затруднительнѣе становилось положеніе Англіи, тѣмъ холоднѣе становилась Россія. Чѣмъ больше уступокъ дѣлала Англія, тѣмъ сильнѣе становилась увѣренность, что, прижавъ Англію, можно добиться отъ нея больше. Екатерина соглашается на оборонительный союзъ (alliance dèfensive)—объ alliance offensive она не хочетъ и слышать, потому, молъ, что ce terme d'offensive la repugnait [2])—но только въ томъ случаѣ, если Англія согласится считать войну съ Турціей casus foederis, если она дастъ деньги на поддержку русской политики въ Швеціи и Польшѣ. Именно къ этому времени относятся письма Макартнея и Гарриса: одно изъ нихъ писано въ началѣ этого періода, другое къ концу. Оба они принадлежали къ числу способнѣйшихъ и безсовѣстнѣйшихъ англійскихъ дипломатовъ, оба они, подчиняясь настойчивымъ требованіямъ изъ Лондона, осыпали петербургскій дворъ комплиментами, и оба же они, въ своихъ секретныхъ посланіяхъ, не щадили красокъ для описанія всѣхъ гнусностей и варварства, которыми была пропитана атмосфера Петербургскаго двора. Они не только не

---

[2]) Diaries and correspondence of James Harris, Vol. I, c. 169.

были слѣпыми поклонниками Екатерины, но—въ особенности Гаррисъ—оставили злое и яркое описаніе Петербурга того времени. Когда въ Петербургѣ узнали, что Макартнея опять хотятъ назначить посломъ въ Россію, тамъ протестовали противъ его назначенія, а Гаррисъ, которому пришлось дѣйствовать при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ—когда Англія находилась въ войнѣ не только съ американскими колоніями, но и съ Франціей и съ Голландіей — въ концѣ концовъ, не выдержалъ и просилъ объ отставкѣ [1]).

Несмотря на «крикъ» Турецкой Компаніи или, что то же, англійскихъ посланниковъ въ Константинополѣ, несмотря на все сильнѣе раздававшійся вопль «East India Company», Англія, не соглашаясь на такой casus foederis, какъ война съ Турціей, не только пропустила безъ всякаго протеста первую войну съ Турціей, не только сквозь пальцы смотрѣла на то, что русскій флотъ, отправленный въ Средиземное море, фактически находился подъ руководствомъ англійскихъ офицеровъ и наполненъ былъ, при посредствѣ англійскаго адмиралтейства, англійскими матросами, не только оказывала ему помощь въ теченіе всего пути, но и заявила свое рѣшительное veto, когда узнала о желаніи Франціи придти на помощь Турціи и уничтожить флотъ. Когда въ Петербургъ пришла вѣсть о заключеніи Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, то Екатерина, на придворномъ балу, выразила желаніе видѣть за своимъ карточнымъ столомъ только веселыя лица и пригласила вмѣстѣ съ датскимъ посломъ англійскаго.

Въ то время, какъ Фридрихъ II, пылая «дружбой» къ Екатеринѣ и совѣтуя ей успокоить Австрію за счетъ Польши,

---

[1]) Письмо Макартнея, напечатанное Марксомъ, не вошло въ переписку его, опубликованную Русскимъ Историческимъ Обществомъ, хотя въ ней имѣется его ссылка на это письмо. Несмотря на то, что письма для Р. И. О. были тщательно профильтрованы, въ нихъ встрѣчается много злыхъ и мѣткихъ характеристикъ. Что касается письма Гарриса, то мы уже замѣтили, что оно было напечатано еще въ 1844 г. Марксъ не замѣтилъ, что въ этомъ письмѣ Гаррисъ даетъ краткое резюме своей 5-лѣтней дѣятельности при Петербургскомъ дворѣ, чтобы показать безполезность своего дальнѣйшаго пребыванія. Характерно, что его переписка—въ выдержкахъ—могла появиться только въ этомъ году. Для автора «La cour de Russie il y a cent ans» письма Гарриса служили главнымъ источникомъ для описанія петербургскаго двора, описанія, которое безусловно нельзя назвать «руссофильскимъ».

вмѣстѣ съ ней и Маріей-Терезіей, горько плакавшей при этомъ случаѣ, совершалъ первый раздѣлъ Польши, Англія безпокоилась только о своихъ торговыхъ привилегіяхъ въ Данцигѣ, и, когда Фридрихъ II эдиктомъ 11 мая 1774 г. гарантировалъ ей эти преимущества, она сказала: аминь! [1]).

Но ничто не помогало той камарильѣ, которая, съ маленькими перерывами, поддерживала «личный режимъ» Георга III. Трудно себѣ представить, до чего доходили въ то время англійскіе министры въ Лондонѣ въ своемъ угодничествѣ предъ Россіей. Что можетъ быть циничнѣе отвѣта русскому посланнику въ Лондонѣ, что англійское правительство не можетъ послать денегъ въ Швецію, потому что англійскому посланнику (Goodrick) въ Стокгольмѣ можно довѣрить все, кромѣ денегъ [2])?

Отъ всей души желая англичанамъ новыхъ затрудненій, Екатерина принимала ихъ уступки, какъ должное, и устраивала имъ въ благодарность новыя затрудненія. Каждое новое пораженіе англійскаго короля въ его борьбѣ съ возставшими подданными ее искренно радовало, и она отвѣтила отказомъ на просьбу Георга послать вспомогательный корпусъ въ 20.000 чел. въ Америку, предоставляя это дѣлать германскимъ князьямъ. Въ 1779 г. она совѣтуетъ Симолину въ Лондонѣ держаться «однихъ неопредѣленныхъ генеральностей» и подготовляетъ «вооруженный нейтралитетъ» 1780 г., направленный исключительно противъ Англіи, отдѣлываясь отъ протестовъ Гарриса простодушнымъ вопросомъ: чѣмъ можетъ повредить Англіи это nullité armée (вооруженный нулитетъ)?

Георгъ III и его министры, которые не хотѣли допустить мысли о какомъ-либо посредничествѣ иностранной державы «между ними и своими подданными—бунтовщиками», предлагали Екатеринѣ въ 1781 г. уступить ей Минорку, а когда министерство Норта смѣнилось министерствомъ Фокса, то они, наконецъ, согласились включить даже Турцію въ casus foederis, но Екатерина отказалась. Это было время, когда лучшіе дипломаты ancien règime-а даже въ Австріи, Франціи, Пруссіи

---

[1]) Michael, W. Englands Stellung zur ersten Teilung Polens. Hamburg, 1890.

[2]) Соловьевъ, Исторія Россіи т. 28, с. 199,

были убѣждены въ неизбѣжномъ крушеніи англійскаго могущества.

На упорный отказъ Екатерины Англія отвѣтила заключеніемъ союза съ Пруссіей въ 1784 г. Это было формальное возмущеніе двухъ «рабовъ» противъ своего господина. Но первая же попытка Питта объявить войну Россіи въ 1791 г. въ защиту Турціи показала, какъ сильны матеріальные интересы, связывающіе Англію и Россію. Лидеромъ противниковъ войны съ Россіей явился Фоксъ, который произнесъ въ Палатѣ общинъ сильную рѣчь противъ Питта.

«Фоксъ говорилъ, какъ ангелъ»—писалъ русскій посолъ въ Лондонѣ, С. Р. Воронцовъ. «Онъ доказалъ, что проклятый вооруженный нейтралитетъ, изъ-за котораго столько негодовали противъ Россіи, былъ произведеніемъ берлинскаго двора, что Швеція также приняла большое участіе въ его созданіи... Онъ показалъ, насколько справедлива была позиція, занятая въ этой войнѣ императрицей, онъ указалъ на значеніе тѣхъ связей, которыя соединяютъ нашу страну съ Англіей, и убѣдилъ, наконецъ, и нѣсколькихъ друзей Питта, говорившихъ также въ его духѣ».

Въ томъ же письмѣ Воронцовъ прибавляетъ: «чрезъ нѣсколько дней Русская Компанія внесетъ въ министерство меморандумъ объ опастностяхъ войны для торговли» [1]).

Итакъ, во главѣ кампаніи въ пользу Россіи стояли виги. И чей «крикъ» раздается вмѣстѣ съ соловьиными рѣчами Фокса? Все той же «Русской Компаніи» [2]).

Но мы сдѣлали бы такую же ошибку, какъ Марксъ, если бы позабыли, какіе могучіе матеріальные интересы стояли за этими «прислужниками» Россіи, чьими классовыми интересами опредѣлялась эта политика.

---

[1]) Архивъ князя Воронцова, т. 9, с, 190. Екатерина поручила Воронцову купить для нея мраморный бюстъ «великаго оратора» и поставила его въ Царскомъ Селѣ между бюстами Демосфена и Цицерона.

[2]) Какъ мало извѣстна исторія этого общества, видно изъ того, что авторы спеціальной работы, посвященной торговымъ компаніямъ Коустонъ и Кинъ (Cawston and Keane, The earry chartered companies, London 1896, с.с. 32-59), убѣждены, что Русская Компанія «умерла отъ истощенія къ концу 18 столѣтія». Между тѣмъ Макъ Коллохъ говоритъ еще въ 1852 г. объ этой компаніи, какъ существущей. (Dictionary of Commerce). Шмоллеръ ее смѣшиваетъ съ Eastland Company.

Дружба была все та же, но матеріальная основа ея измѣнилась не только въ сравненіи съ XVI столѣтіемъ, или съ началомъ XVIII столѣтія, но даже въ сравненіи съ 1760 г. Мы находимся въ разгарѣ промышленной революціи, и, кромѣ части Лондонскаго Сити, кромѣ Норвича и Векфильда, во главѣ агитаціи стоятъ Лидсъ и Манчестеръ. Россія которая, до 1760 г., какъ страна англійскаго ввоза, имѣла еще значеніе только для суконной промышленности, становится теперь мѣстомъ сбыта хлопчато - бумажной промышленности. Что же касается вывоза, она продолжаетъ оставаться, главнымъ образомъ, поставщикомъ кораблестроительныхъ матеріаловъ, но, одновременно съ этимъ, превращается въ поставщицу сырья для англійской крупной промышленности. И если еще въ концѣ XVIII столѣтія Воронцовъ и другіе ставленники Екатерины были убѣждены, что прекращеніе торговли между Россіей и Англіей больше отразится на послѣдней, то континентальная система показала имъ, что это очень вредная для коммерческихъ интересовъ Россіи иллюзія.

А, начиная съ 1815 г., года новыхъ хлѣбныхъ законовъ и присоединенія главнаго поставщика хлѣба на англійскій рынокъ, Варшавы, къ Россіи, въ фритредерской литературѣ на всѣ лады прославляется союзъ съ Россіей, этой «старой», «естественной» союзницей Англіи, которая никогда не оставитъ своего друга безъ хлѣба.

Такъ мѣнялась матеріальная основа дружбы между Россіей и Англіей. Милые бранились, только тѣшились. А Русская Компанія, давно потерявшая всякое значеніе, какъ «торговое сообщество», продолжала неукоснительно воспѣвать всѣ выгоды союза съ Россіей. И, наканунѣ отмѣны хлѣбныхъ законовъ, которой съ особеннымъ нетерпѣніемъ ждали въ Россіи, Робертъ Пиль, въ блестящей рѣчи на ежегодномъ обѣдѣ, даваемомъ Русской Компаніей, высказалъ желаніе, чтобы русскій царь и европейскій жандармъ посѣтилъ Англію. Свою рѣчь онъ окончилъ тостомъ «за вѣчную дружбу между Великобританіей и Россіей». И даже, когда, наконецъ, противъ воли почти всѣхъ англійскихъ государственныхъ людей,

вспыхнула война, то она оказалась, да и не могла не оказаться, сначала только показной.

Даже торіи, которые со времени Питта младшаго, взяли на себя спеціальную защиту интересовъ Турціи противъ Россіи, которые ревниво слѣдили за успѣхами Россіи въ средней Азіи, должны были считаться съ этимъ фактомъ. И «героическая» эпоха антиякобинской войны показывала имъ, что даже такой руссофобъ, какъ Питтъ, не колебался вступить въ союзъ съ Россіей, когда рѣчь шла о защитѣ «высшихъ благъ» капиталистическаго общества.

IX. Внѣшняя политика Россіи и революціи.

Тотъ фактъ, что Марксъ, еще въ полемикѣ противъ Фогта (1860), цитируетъ работу о дипломатическихъ отношеніяхъ между Россіей и Англіей въ XVIII столѣтіи и приводитъ свой главный выводъ, показываетъ, что онъ и въ началѣ 60-хъ годовъ оставался при своемъ старомъ мнѣніи. Внутреннее развитіе Россіи отъ Петра I до Александра II исчезало изъ поля его зрѣнія. Онъ не замѣчалъ ни той эволюціи, которую переживалъ въ теченіе этого періода русскій абсолютизмъ, онъ просмотрѣлъ экономическое развитіе Россіи и его тѣсную связь съ экономическимъ развитіемъ Англіи. Онъ просмотрѣлъ тотъ фактъ, что Россія была одной изъ главныхъ колоній капиталистической Англіи въ XVI—XVIII вѣкахъ, что въ XVIII вѣкѣ на вывозѣ изъ Россіи основывалось благосостояніе кораблестроительной промышленности въ Англіи, а слѣдовательно и ея торговой гегемоніи въ теченіе всего мануфактурнаго періода, что въ XIX вѣкѣ, еще до 60-хъ годовъ, Россія была мастерской, поставлявшей сырье для крупной промышленности въ Англіи и хлѣбъ для ея илотовъ. Однимъ словомъ, онъ просмотрѣлъ, что коммерческое подчиненіе и эксплуатація буржуазныхъ классовъ различныхъ европейскихъ націй деспотомъ всемірнаго рынка, Англіей, возможны были, между прочимъ, только при помощи деспота Россіи [1]).

---

[1]) А между тѣмъ онъ еще въ «Zur Kritik» указалъ, что «русскіе давно уже поняли, что деньги—товаръ, какъ это доказываетъ не только англійскій хлѣбный ввозъ въ 1838—42, но и вся исторія русской торговли». А учителями русскихъ были англичане (Marx, K. Zur Kritik der politiscen Oekonomie, s. 188).

Русскій абсолютизмъ продолжалъ оставаться для него чѣмъ то неизмѣннымъ. И въ томъ же «Herr Vogt» онъ еще пишетъ, что «освобожденіе крестьянъ преслѣдуетъ не что иное, какъ завершеніе самодержавія путемъ снесенія всѣхъ преградъ, которыя великій самодержецъ встрѣчалъ до тѣхъ поръ въ лицѣ опиравшихся на крѣпостное право маленькихъ самодержцевъ изъ среды русскаго дворянства, а равно и тѣхъ преградъ, которыя ставились самоуправляющимися крестьянскими общинами, матеріальная основа которыхъ, общинное землевладѣніе, должна быть уничтожена такъ называемой эмансипаціей». Русскій абсолютизмъ будетъ поэтому продолжать свою аггрессивную политику. Мало того. «Освобожденіе крѣпостныхъ въ смыслѣ русскаго правительства, впрочемъ, увеличило бы аггрессивную силу Россіи въ сотни разъ».

Другого мнѣнія былъ уже тогда Энгельсъ—и въ словахъ Маркса я вижу скрытую полемику противъ него. Энгельсъ писалъ въ своей брошюрѣ «Савойя, Ницца и Рейнъ».

«Тѣмъ временемъ мы получили новаго союзника въ русскихъ крѣпостныхъ. Борьба, которая вспыхнула въ Россіи между господствующимъ и порабощеннымъ классами сельскаго населенія, подкапываетъ всю систему русской внѣшней политики. Лишь постольку, поскольку въ Россіи отсутствовало внутреннее политическое развитіе, возможна была такая система. Но это время уже миновало. Развитіе промышленности и сельскаго хозяйства, развитіе, которому правительство и дворянство способствовали всякими средствами, достигло такой степени, которая не совмѣстима больше съ существующими соціальными отношеніями. Уничтоженіе ихъ стало съ одной стороны необходимостью, а съ другой—невозможно безъ насильственнаго измѣненія. А съ Россіей, которая существовала отъ Петра Великаго до Николая, рушится также и внѣшняя политика Россіи».

И Энгельсъ оказался правъ. Онъ уже тогда совершенно вѣрно указалъ главную причину европейскаго господства Россіи въ основной максимѣ всей внѣшней политики Екатерины II—въ томъ, что Россія предоставляла въ мѣру силъ и возможности другимъ европейскимъ державамъ терзать и ослаблять другъ друга, и онъ же вѣрно указалъ на ту главную

причину, которая должна подорвать источникъ этого могущества—неизмѣнность и постоянство цѣлей внѣшней политики Россіи—на внутреннее политическое развитіе Россіи.

Уже возстаніе декабристовъ служило зловѣщимъ предзнаменованіемъ. А неуклонный ростъ революціоннаго движенія въ Россіи все больше и больше обнаруживалъ, что Россія потеряла свое главное преимущество, которое позволяло ей еще въ 1848 г. смотрѣть съ суверенным презрѣніемъ на всю Европу, на «гнилой Западъ».

Какъ прежде мнѣ казались тяжки
Проступки дѣвушки бѣдняжки!
Для прегрѣшенія чужово
Бывало не находишь слова.
Бывало черно, все чернишь,—
А надо больше—говоришь!
Гордилася я въ собственныхъ глазахъ!
А вотъ сама я во грѣхахъ! (Фаустъ. Пер. Фета).

Именно это сознаніе—что Россія «коль ѣстъ иль пьетъ, такъ этимъ двухъ питаетъ», абсолютизмъ и революцію,—отравляло въ теченіе всего его царствованія жизнь Николая I, именно оно заставляло его быть палачомъ у себя дома и жандармомъ для всей Европы, именно оно сдерживало размахъ его внѣшней политики.

Въ шестидесятыхъ годахъ 19 столѣтія, какъ разъ тогда, когда, при помощи Германіи и Англіи и попустительствѣ Франціи и Австріи, была окончательно раздавлена мятежная Польша, которая и въ 1795—6 г.г. и въ 1831, и въ 1859 г. являлась тяжелымъ ядромъ на ногахъ русскаго колосса, мѣшавшимъ его свободнымъ движеніямъ, началось въ Россіи революціонное движеніе, родился этотъ «незаконный сынъ» азіатской Россіи и европейскаго капитализма. Съ тѣхъ поръ внѣшняя политика русскаго абсолютизма окончательно утратила свое фатальное постоянство. Если даже новые расколы и раздоры въ западной Европѣ—и въ особенности расколъ послѣ Франко-прусской войны, которая внесла еще большее взаимное отчужденіе въ среду западно-европейскихъ народовъ, чѣмъ расколъ послѣ Семилѣтней войны—вливали новую силу въ русскій абсолютизмъ, то необходимость постоянно счи-

таться съ революціоннымъ движеніемъ внутри страны каждый разъ останавливала его на полпути. Мало того. То, что прежде было главной цѣлью, теперь само превратилось въ средство. Продолженіе традиціонной аггресивной внѣшней политики превратилось въ единственное средство задержать взрывъ революціи внутри страны.

Завоевательныя войны предпринимались теперь не въ то время, когда Западная Европа была ослаблена революціей или войной, а когда того требовало «внутреннее политическое развитіе». Между тѣмъ удовлетвореніе минимальной программы той самой революціи, которой хотѣли такимъ путемъ избѣжать, было необходимымъ условіемъ успѣшности завоевательной политики. Война еще болѣе обнаруживала всю несостоятельность русскаго «порядка».

Вотъ почему, внѣшняя политика русскаго царизма, потерявшая вмѣстѣ со своей неизмѣнностью одно изъ своихъ главныхъ преимуществъ, теперь въ силу этого внутренняго противорѣчія, терпѣла на каждомъ шагу банкротство.

Первый, не только въ европейской литературѣ, но и въ русской, вскрылъ всѣ эти противорѣчія Энгельсъ. Онъ уже въ своей блестящей критикѣ народническихъ предразсудковъ — въ отвѣтѣ Ткачеву [1]) — указалъ на классовую сущность русскаго абсолютизма, на его зависимость отъ опредѣленныхъ соціально-экономическихъ отношеній. И когда это внутреннее экономическое развитіе выдвинуло на сцену городской пролетаріатъ, когда зародилась русская соціалдемократія, Энгельсъ въ статьѣ, написанной спеціально для перваго соціалдемократическаго журнала на русскомъ языкѣ, далъ свой блестящій очеркъ «Внѣшней политики русскаго царизма».

Онъ показалъ, что, несмотря на быстрое развитіе Россіи со времени Петра Великаго, несмотря на ростъ ея вліянія въ Европѣ, она, только при Екатеринѣ II, начала играть роль вершительницы судебъ Европы. Онъ показалъ также, что безспорные успѣхи внѣшней политики русскаго царизма осно-

[1]) Soziales aus Russland 1875. Перепечатано въ сборникѣ Internationale aus dem Volksstaat. 1894. Русскій переводъ В. Засуличъ. «Фр. Энгельсъ о Россіи». Женева, 1894.

вывались не столько на выдающихся способностяхъ русскихъ дипломатовъ, сколько на благопріятныхъ для нея общихъ условіяхъ европейскаго политическаго положенія, которыя она умѣла использовать и использовала бы еще лучше, если бы не Польша, эта «заноза въ тѣлѣ Россіи». И развивая мысль, высказанную имъ еще въ 1859 г., онъ показалъ дальше, что внутреннее политическое развитіе Россіи все больше приближаетъ день, когда русскій народъ приметъ участіе въ опредѣленіи внѣшней политики Россіи, и забота о собственныхъ дѣлахъ отниметъ у русскаго царизма всякую охоту заниматься такими дѣлами, какъ завоеваніе Константинополя, Индіи и мірового господства.

Энгельсъ оказался хорошимъ пророкомъ. Онъ вѣрно опредѣлилъ сущность вопроса. Но вмѣстѣ съ этимъ старая схема внѣшней политики европейской демократіи, которую въ главныхъ чертахъ усвоили себѣ Марксъ и Энгельсъ — здѣсь Западная Европа, тамъ Азіатская Россія, здѣсь революція, тамъ очагъ европейской реакціи, абсолютизмъ — все больше теряла свой смыслъ. Традиціонныя представленія были сильны, и только съ трудомъ измѣняла международная соціалдемократія свои взгляды на цѣлый рядъ «вопросовъ», поставленныхъ буржуазнымъ обществомъ. Точно такъ же, какъ демократія, она оперировала, въ области внѣшней политики, съ окаменѣвшими понятіями революціонныхъ и реакціонныхъ расъ и государствъ, не замѣчала историческаго процесса, который мѣнялъ соціальный характеръ даннаго правительства и классовый составъ того народа, который «заслужилъ» это правительство.

Какъ ни странно звучатъ для насъ діатрибы Маркса противъ англо-русскаго рабства, въ которое Европа опять впала послѣ 1848 г., въ нихъ заключалось уже признаніе, что въ Европѣ имѣется еще другой очагъ реакціи, кромѣ русскаго абсолютизма: это — буржуазія, отрекшаяся отъ своей исторической миссіи, это — европейскій капитализмъ, который своими капиталами поддерживалъ русскій абсолютизмъ.

И никогда еще этотъ фактъ не получилъ такое яркое выраженіе, какъ именно въ 1905 г. Исторія 1848 г. была поставлена на голову. Революція, начатая въ 1848 г., надвигалась

съ Запада на Востокъ и остановилась у польской границы; теперь стучалась она въ дверь Западной Европы. Царь, который въ 1848 г. являлся угрозой для демократіи Запада, теперь самъ былъ плѣннымъ русскаго пролетаріата.

Энгельсъ опять оказался хорошимъ пророкомъ.

«И въ тотъ день, когда главная крѣпость абсолютизма сама перейдетъ въ руки революціи, исчезнетъ безъ слѣда самоувѣренность и спокойствіе реакціонныхъ правительствъ Европы. Всѣ они тогда должны будутъ разсчитывать только на себя и скоро узнаютъ, какую огромную разницу это представляетъ. И вполнѣ возможно, что они еще были бы въ состояніи ввести свои арміи въ Россію, чтобы возстановить власть царя—какая иронія всемірной исторіи»!

И эта иронія воплотилась въ дѣйствительность. Въ Петербургѣ въ это время ходили упорные слухи—и реакціонная печать не только не отрицала, но съ торжествомъ ихъ повторяла—что нѣмецкій императоръ концентрируетъ свои войска у польской границы.

И точно такъ же, какъ Марксъ и Энгельсъ, нѣмецкій пролетаріатъ со страстной тоской обращалъ свои взоры на западъ и ждалъ взрыва соціальной революціи въ Англіи, такъ и русскіе революціонеры, такъ и русскій пролетаріатъ въ своей геройской борьбѣ съ абсолютизмомъ возлагалъ свои надежды на соціальную революцію на западѣ. Но помощь не являлась, и пролетаріатъ изнемогъ въ борьбѣ съ абсолютизмомъ: истративъ всю свою революціонную энергію, накопленную многими годами, русскій пролетаріатъ былъ побѣжденъ.

Горе побѣжденнымъ! Но, когда надъ свѣжими трупами борцовъ, подъ стукъ новыхъ висѣлицъ, воздвигаемыхъ каждый день, дряблые филистеры и трезвенные политиканы, съ холоднымъ безстрастіемъ студня высчитываютъ пролетаріату его ошибки и, какъ ворона, причитаютъ: «революція умерла», то приходится сказать: пусть русскій пролетаріатъ согрѣшилъ, пусть онъ «дѣлалъ ошибку за ошибкой, но его самой крупной ошибкой» было то, что его революція была *національной*, въ то время какъ за абсолютизмомъ стоялъ *интернаціональный* капиталъ.

Если революція 1848 г. потерпѣла пораженіе потому,

что она разбилась о русскій абсолютизмъ, потому что за ней не послѣдовала революція въ Англіи, то русская революція обречена была еще въ большей степени на пораженіе, поскольку она оставалась національной, поскольку въ остальной Европѣ революція не двигалась съ мѣста. Если она не превращается въ международную, то она «есть и, поскольку она хочетъ быть окончательной, остается благимъ пожеланіемъ».

Точно такъ же, какъ въ 1848, г. пролетаріатъ самого прогрессивнаго буржуазнаго государства Европы и теперь еще слишкомъ слабъ, чтобы помѣшать своей буржуазіи въ ея реакціонной внѣшней политикѣ. Какъ и тогда, русскій царь афишируетъ свою «тѣсную» дружбу съ Англіей. И если тогда англійская буржуазія не мѣшала русскому царю свирѣпствовать въ Венгріи во всю, то она теперь, рука объ руку съ Ляховымъ, въ интересахъ русскаго абсолютизма въ Россіи и англійскаго абсолютизма въ Индіи, убиваетъ свободу Персіи.

Ноябрь 1908.

Оглавленіе.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Глава I. Контръ-революціонная роль Англіи и Россіи въ 1848—49 г.г. . . . . Стр. 4

» II. Марксъ о русско-англійскихъ отношеніяхъ . 22

» III. Историческое развитіе Россіи въ изображеніи К. Маркса 33

» IV. Татарское иго и русское самодержавіе . . 49

» V. Европеизація Россіи подъ вліяніемъ англійской торговли 61

» VI. Значеніе русской торговли для Англіи . . 72

» VII. Сѣверная война 78

» VIII. Англо-Русскій союзъ въ XVIII столѣтіи . 105

» IX. Внѣшняя политика Россіи и революціи. . 122

ИЗДАТЕЛЬСТВО и КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

Петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Красноармейскихъ Депутатовъ.

Смольный, 2-й этажъ, комната 51, телефонъ—34, контора —54.

Книжный магазинъ, Невскій, 116.

Вышли изъ печати:	ЦѢНА Р.	К.
Н. Анфиногеновъ (Степной). «Записки ополченца»	1	25
Гайкъ Ад-яицъ. «Крестьянскій вопросъ во Франціи»	—	55
Ватинъ. «Что такое коммуна?»		
В. Володарскій. «Напутственная рѣчь агитаторамъ»	—	50
«Враги ли евреи рабочимъ и крестьянамъ»	—	20
«Вѣнокъ коммунаровъ», сборн. памяти В. Володарскаго, съ рис.	2	—
Н. Горловъ. «Темныя силы, война и погромы»	—	15
«Евреи, классовая борьба и погромы»	—	10
Г. Зиновьевъ. «Корни оборончества»	1	10
Его-же. «Наше положеніе и задачи созданія красн. арміи»	—	25
Его-же. «Австрія и война»	1	80
Его-же. «Изъ исторіи пролетарск. праздн. 1 мая»	—	30
Его-же. «Г. В. Плехановъ. Вмѣсто рѣчи на могилѣ»	—	45
Его-же. «Хлѣбъ, миръ и партіи»	—	70
Его-же. «Рабочія партіи и профессіональные союзы»		
К. Каутскій. «Наука, жизнь и этика»	—	30
Его-же. «К. Марксъ и его историческое значеніе»	1	25
Его-же. «Экономическое ученіе К. Маркса»	2	—
Кій. «Что такое соціализмъ?»	—	65
П. Лафаргъ. «Вѣра въ Бога»	—	75
Н. Ленинъ и Г. Зиновьевъ. «Противъ теченія». Печ. 2-е изд.	7	—
В. Либкнехтъ. «1848 годъ и коммуна»	1	30
З. Лилина. «Солдаты тыла». Женскій трудъ до и послѣ войны	2	10
А. Луначарскій и Г. Зиновьевъ. «К. Марксъ и соціал.-рев.»	—	65
М. Лурье (Ю. Ларинъ). «Судъ надъ К. Либкнехтомъ»	—	45
Ленинъ. «Докладъ и заключительная рѣчь на 3-мъ Всеросс. съѣздѣ Сов.»		
Радекъ. «Анархисты и Совѣтская власть»	—	12
Бухаринъ. «Долой международныхъ разбойниковъ»	—	40
Ленинъ. «Борьба за хлѣбъ»	—	40
К. Цеткинъ. «Война за свободу и миръ въ Россіи»	—	—
М. Лурье. (Ю. Ларинъ). «Крестьяне и рабочіе въ русской революціи»	—	40
Его-же. «Составъ пролетаріата», 2-е изд.	—	65
К. Марксъ. «Либералы у власти»	—	65
К. Марксъ и Ф. Энгельсъ. «О коммунизмѣ»	—	70
Мархлевскій. «Что такое политическая экономія?»	—	50
«Нашъ рабочій праздникъ 1 мая»	—	20
Памяти К. Маркса «Сборникъ статей», печ. 2-е изд.	3	—
Д. Рязановъ. «Двѣ правды» (Марксизмъ и народничество)	—	90
Его-же. «Обуховское дѣло»	—	70

	Цѣна. Р. К.
Д. Рязановъ. «19-е февраля»	— 75
Его-же. «К. Марксъ и русск. люди 40-хъ годовъ»	1 80
Ю. Стекловъ. «Черная сотня во Франціи»	1 20
Его-же. «Революція 1848 г. во Франціи»	1 20
Его-же. «Прудонъ»	— 80
Его-же. «Поль Лафаргъ», 2-е изд.	— 55
Его-же. «Новѣйшее теченіе во французскомъ антисемитизмѣ»	1 —
Его-же. «Интернаціоналъ», ч. I	— —
Его-же. «Интернаціоналъ», ч. II	2 25
Самойлова. «Современная безработица и борьба съ нею»	1 10
Троцкій. «Трудъ, дисциплина и порядокъ»	— 30
Его-же. «Слово къ рабочимъ и крестьянамъ»	— 45
К. Цеткина. «За большевиковъ»	— 45
Ея-же. «Женскій вопросъ, интеллигентн. пролетаріатъ и соціализмъ»	— 70
*** «Міровая война», съ предисловіемъ Г. Зиновьева	— —
Г. Зиновьевъ. «Рѣчь о созданіи красной арміи» (2-е изд.)	— 25
Илья Іоновъ. «Алое поле». Стихотворенія (2-е изд.)	— 65
А. Бебель. «Изъ моей жизни». Мемуары, т. I	— —
Басовъ-Верхоянцевъ. «Вѣнокъ». Сказки	— —
Горичевъ. «Таблица исчисленія заработной платы отъ 150 до 1.000 р. при 6 и 8 час. рабочемъ днѣ»	— —
Степановъ. «Жанъ-Поль-Маратъ»	— 40
Рязановъ. Г. В. Плехановъ и группа «Освобожд. труда»	— 90
К. Марксъ. «Наемный трудъ и капиталъ»	— 50
Г. Зиновьевъ. «О мятежѣ лѣвыхъ эс-эровъ»	— 60
Его-же. «Соціализмъ и война»	— —
Его-же. «О хлѣбѣ насущномъ»	— —
Ф. Лассаль. «Принципы труда въ соврем. обществѣ»	— —
Его-же. «Письмо къ крестьянамъ»	— —

Печатаются:

Н. Ленинъ. «Заключительное слово на 4-мъ съѣздѣ совдеповъ».
Его-же. «За 12 лѣтъ». Сборникъ статей.
К. Каутскій. «Этика».
Его-же. «Сборникъ статей».
Ф. Энгельсъ. «Философія, политическая экономія и соціализмъ» (Анти-Дюрингъ).
Лиссагаре. «Исторія парижской коммуны».
Литературный сборникъ посвященн. памяти Г. В. Плеханова.
В. Князевъ. «Красные звоны и пѣсни».
Барбюсъ. «Въ огнѣ». Дневникъ полувзвода, перев. Арденина.
Бебель. «Мемуары» въ 3-хъ томахъ.
Его-же. «Положеніе женщины въ настоящемъ и будущемъ».
А. Арну. «Народная исторія парижской коммуны».
В. Блосъ. «Исторія французской революціи».
В. Либкнехтъ. «Къ юбилею мартовской революціи».
Его-же. «Воспоминанія о Марксѣ».
Его-же. «Два міра».
П. Лафаргъ. «Трудъ и капиталъ».
Эйснеръ. «В. Либкнехтъ, его жизнь и дѣятельность».
Баксъ. «Великая французская революція».
Куповъ. «Французская пресса во время француз. революціи».
В. Морисъ. «Вѣсти ниоткуда». (Утопія).
Королькевичъ. «Финансовые и экономическіе законы и мѣропріятія Германіи противъ державъ Согласія».

Декреты о судѣ.
Уголокъ нѣмецкой оккупаціи.
Элимиръ Буржа. «На плахѣ». Романъ изъ врем. франц. революц. съ иллюстрац.
Рязановъ. Международный пролетаріатъ и война. Сб. статей.
Арну. Мертвецы коммуны.
Дикштейнъ. Кто чѣмъ живетъ.
Керженцевъ. Какъ вести собранія.
Его-же. Республика молодежи.
Его-же. Борьба за землю и волю Ирландіи.
Лафаргъ. Патріотизмъ буржуазіи.
Луначарскій. Развитіе интернаціонала.
Троцкій. Жанъ Жоресъ.
Луначарскій. Краткій очеркъ развитія человѣч. культуры.
Его-же. Крат. очеркъ основъ научной эстетики.
Его-же. Королевскій брадобрей. (Власть), пьесса.
Его-же. Комедіи.
Зиновьевъ: Война и кризисъ соціализма, ч. II.
Бухаринъ. Программа коммунистовъ.
Демьянъ Бѣдный. «Земля обѣтованная».
Его-же. «Въ огненномъ кольцѣ».
Коллонтай. «Работница-мать».
Каутскій. «Ирландія».
Мерингъ. «Біографія Энгельсы».
А. Бебель. «Христіанство и соціализмъ».
Декавъ. «Фленго». Разсказъ изъ временъ коммуны 71 .
Конколь. «Коммуна 71 г.».
Логиновъ. «На стражѣ». Стихотворенія. Сатира.
Лафаргъ. «Происхожденіе религіозныхъ вѣрованій».
Его-же. «Благотворительность и право на трудъ».
Жоресъ. «Миръ и пролетаріатъ».
Мирбо. «Жанъ и Мадлена». Драма.
Тюрланъ. «Парижская коммуна».
Богдановъ. «Красная звѣзда».
Каутскій. «Томасъ Моръ и его утопія».
Моръ. «Утопія».
Компанелла. «Государство солнце».
Раковскій. «Соціалисты и война».
Зиновьевъ. «Чехо-словаки, бѣлогвардейцы и рабочій классъ».
Кій. «Что такое соціализмъ». 2-ое исправленное изданіе.
Его-же. «Республика совѣтовъ». 4-ое исправленное и дополненное изданіе.
Б. Мещеряковъ. «Деревенская бѣднота и путь къ соціализму».

Готовятся къ печати:

С. Мендельсонъ. «Парижская коммуна 18-го марта».
Шарль Андлеръ. «Введеніе и комментаріи къ коммунистическому манифесту».
Генрихъ Маннъ. «Мадамъ Легро». Драма въ 3-хъ дѣйств. (Изъ временъ французской революціи).
Жюль Гэдъ. «На стражѣ». Сборникъ политическихъ статей.
Францъ Мерингъ. «К. Марксъ въ изгнаніи».
Юніусъ. «Кризисъ соціалъ-демократіи», съ предисл. Н. Ленина.
Павловичъ. «Смерть Жореса».
Леви-Брюль. «Нѣсколько изъ жизни Жореса».
Джіованіолли. «Спартакъ» (полный переводъ).
Эриманъ-Шатріанъ. «Исторія одного крестьянина», полный пер. Богдановича.
Мишель. «Коммуна».

Бюхнеръ. «Смерть Дантона».
Бакъ. «Парижская коммуна».
Дицгенъ. «Религія соціалъ-демократіи».
Саймондсъ. «Соціальныя силы въ исторіи»
Гауптманъ. «Ткачи».

Пѣсни коммуны. (Съ иллюстраціями).

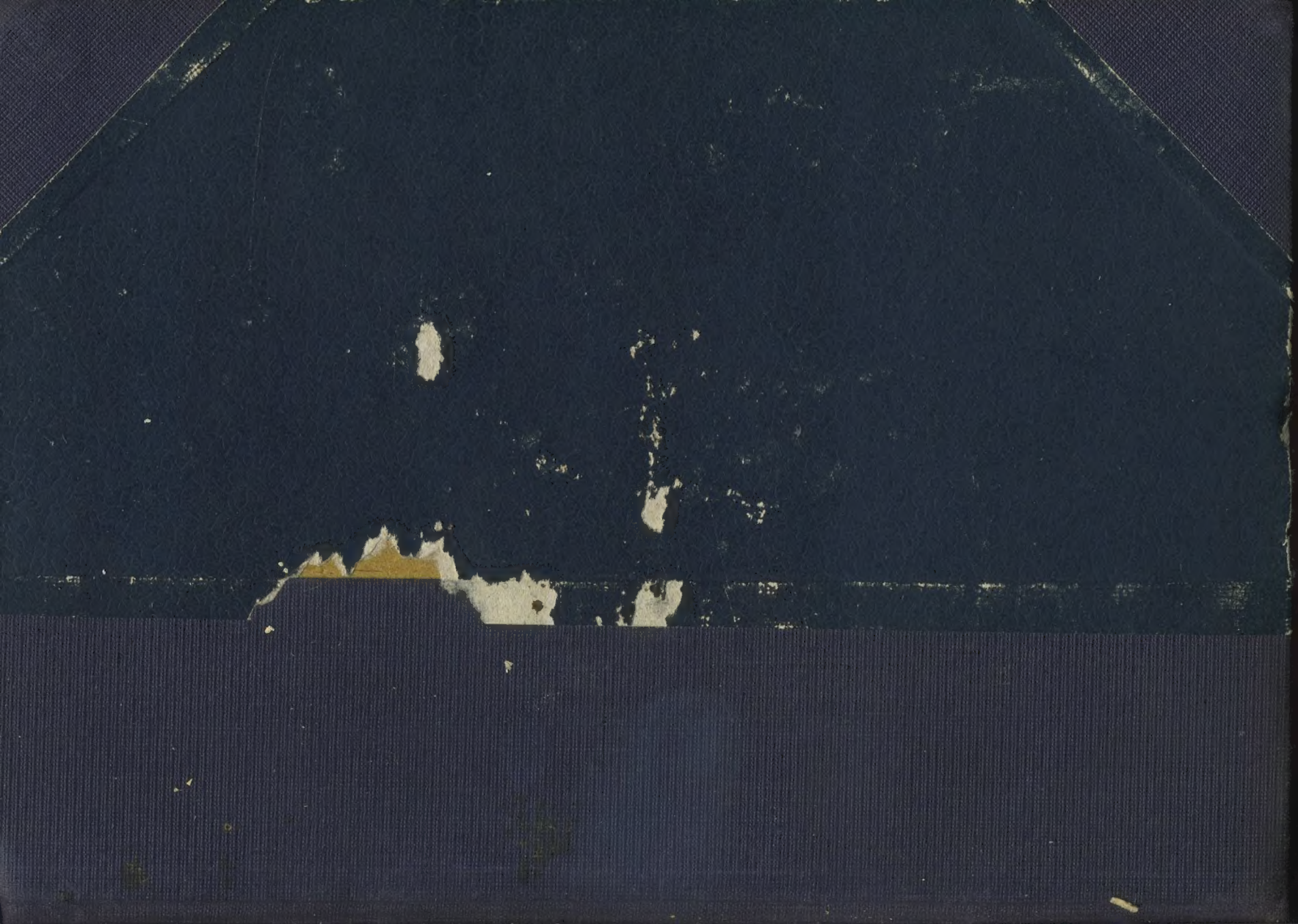
В. Володарскій. «Рѣчи».
Роменъ Роланъ. «Жанъ Кристофъ». Съ предисловіемъ Луначарскаго.
Оларъ. «Политич. исторія Франц. революціи».

Серія утопическихъ романовъ:

Беллами. «Черезъ 100 лѣтъ».
Его-же «Равенство».
Т. Компанелла. «Государство солнца».
Т. Моръ: «Утопія».

Художественныя картины:

1) **У вратъ соціализма.** 2) **Свѣточъ соціализма,** по 1 р. 50 к.
Портреты: **Ленина, Троцкаго, Зиновьева, Луначарскаго, К. Маркса.**

Заказы выполняются по полученіи задатка. Организаціямъ и обществен. учрежденіямъ скидка.

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)